Милютина М.Г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Федеральное агентство по образованию

ФБГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

Милютина М.Г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Учебное пособие

Ижевск, 2014

УДК

ББК

Рекомендовано редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензент

д-р.филол.наук, проф. Шейдаева С.Г.

Милютина М.Г. Актуальные проблемы современной лингвистики. Учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. – 231 с.

Учебное пособие знакомит студентов с новыми тенденциями, появившимися в лингвистике конца XX – начала XXI века, в период, когда произошла смена парадигм научного знания. Обсуждаются основные проблемы, связанные с доминирующими научными направлениями в филологии. Предназначено для студентов-филологов, обучающихся в магистратуре, может оказаться полезным также для преподавателей и аспирантов филологических направлений подготовки.

УДК
ББК

© М.Г.Милютина, 2014
© Удмуртский госуниверситет

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……с.3

Список рекомендуемой литературы……с.5

ЧАСТЬ 1. Лекции

Тема 1. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы……с.8

Тема 2. Основные лингвистические парадигмы и их особенности……с.21

Тема 3. «Когнитивные координаты» современной лингвистики……с.25

Тема 4. О плюрализме в лингвистических теориях……с.50

Тема 5. Доминирующие лингвистические теории конца XX начала XXI века……с.55

Тема 6. Интернет-лингвистика……с.60

ЧАСТЬ 2. Статьи и отрывки из работ

В.М. Алпатов
СТО ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ СБЫВАЮТСЯ ЛИ ПРОГНОЗЫ?……с.66

Вяч. Вс. Иванов
ЛИНГВИСТИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ. Глава 21. Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук……с.85

И.Бродский
Отрывок из нобелевской лекции (1987)……с.90

Т. Н. Хомутова
НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ……с.90

С. Гроф
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЗГА. Гл.1. Природа реальности: заря новой парадигмы (отрывок)…… с.107

М.Н. Эпштейн
ЗНАК ПРОБЕЛА. О БУДУЩЕМ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. ВВЕДЕНИЕ. О ситуации. От пост- к прото-……с.126

М. Ю. Олешков
ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ (отрывок из работы)…….с.130

Ю.С.Степанов
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МИР, ДИСКУРС, ФАКТ И ПРИНЦИП ПРИЧИННОСТИ (отрывок)……с.137

Т.Н. Ширяева
Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме» (отрывок)……с.145

Г. А. Золотова
ГРАММАТИКА КАК НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ……..с.148

В. Ю. Барбазюк
ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ……с.156

Н. Б. Мечковская
ИГРОВОЕ НАЧАЛО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ИЗБЫТОК СИЛ ИЛИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ?.....с.162

Н. Б. Мечковская
ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ВЕК ИНТЕРНЕТА……с.173

М.Ю.Сидорова
Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?", или "На зеркало неча пенять… ……с.198

В.А. Плунгян
Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов…….с.213

ЧАСТЬ 3. Тестовые задания……с.229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие «Актуальные проблемы современной лингвистики» содержит материал, необходимый для освещения основных вопросов курса с синонимичным названием, рекомендованного для студентов магистратуры по направлению «Филология» федеральным государственным образовательным стандартом и входящего в базовую часть общенаучного цикла. Тематика указанного курса находится в русле проблем «Общего языкознания» (данный курс читается студентам бакалавриата), является его продолжением и тем самым обеспечивает преемственность и последовательность в обучении в рамках двухуровневого образования бакалавриат – магистратура.

В учебном пособии представлен для размышления материал, частично отражённый в учебных пособиях Н.Ф.Алефиренко «Современные проблемы науки о языке» (М., 2005), Л.Н.Чурилиной «Актуальные проблемы современной лингвистики» (М.,2006) и В.А.Масловой «Современные направления в лингвистике» (М., 2007). Последняя из названных работ, к сожалению, отсутствует в фондах библиотеки. Автор настоящего учебного пособия, безусловно, опирался на теоретический материал указанных работ по лингвистике, но не повторял его. Более того, учтя удачный опыт Л.Н.Чурилиной, создавшей хрестоматию с учебными заданиями, включающую извлечения из современных лингвистических работ (иногда труднодоступных и объёмных), пошёл дальше и соединил в данном пособии лекционный теоретический курс и хрестоматийный материал по обсуждаемым в лекциях проблемам.

Предлагаемое учебное пособие состоит из трёх частей: в первой части представлен лекционный материал соответствующей тематики, освещающий «проблемные зоны», наметившиеся в лингвистике в конце XX века; вторая часть – хрестоматия, в которой приведены статьи и извлечения из работ современных лингвистов. При этом

первая и вторая части связаны между собой содержательно и дидактически, поэтому в первой части даны отсылки ко второй, которые обозначены символом ♣ и выделены в лекционном разделе другим шрифтом. Во второй части работы (хрестоматии) представлен теоретический материал, развивающий и углубляющий основные положения первой части. Эта часть учебного пособия является хорошим подспорьем для самостоятельной работы студентов, помагая им не только более глубоко и подробно освоить представленный в лекционной части материал, но и суметь подготовиться к семинарским занятиям. В третьей части представлен тест, позволяющий студентам проверить свои знания и, при необходимости, вернуться к первым двум частям работы и закрепить то, что оказалось не усвоенным или плохо усвоенным.

Список рекомендуемой по курсу литературы не случайно расположен в начале учебного пособия, предоставляя тем самым возможность сразу же увидеть и оценить объём и широту обсуждаемой в учебнике проблематики.

Список рекомендуемой литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Изд-во Флинта, изд-во Наука, 2005.
2. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
3. Алпатов В.Г. Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы // ВЯ, 2003, №2.
4. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М.: Школа Языки русской культуры, 1986. Вып. 28. С.5-32.
5. Берестнев, Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. № 5. С. 47 – 55.
6. Гак В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Филологические науки, 1997, № 6. С. 60—69.
7. Гаспаров М.Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
8. Гроф С. За пределами мозга. Гл.1. Природа реальности: заря новой парадигмы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/grof-stanislav/grofstns02/1-grofstns02.html.
9. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века, под ред. ак. Ю. С. Степанова, РАН, Институт языкознания РАН, Москва, 1995. 239 — 320.
10. Демьянков В.З. Термин *парадигма* в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2006. с.15–40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://infolex.ru/PARAD2.HTM
11. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. - С. 107-113.
12. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004 (Гл.11-21). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/ivanov-04a.htm.
13. Итоги Международной научной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» // ВЯ, 1996, № 2.
14. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.:Алетейя, 2003.

15. Киклевич А.К. Притяжение языка. – Т.1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurskiego, 2007. – 412 с.
16. Киклевич А.К. Притяжение языка. Т. 2. Функциональная лингвистика. - Ольштын: Изд-во Варминско-Мазурского ун-та, 2008. - 392 с.
17. Киклевич А. К. Притяжение языка. Т.3: Грамматические категории. Синтаксис / А. К. Киклевич. - Olsztyn : Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego, 2009. - 460 с.
18. Комарова З.И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 66–71.
19. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва: Знак; Языки славянских культур, М., 2007.
20. Кубрякова Е. С.. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века, под ред. ак. Ю. С. Степанова РАН, Институт языкознания РАН, Москва, 1995. 144—238.
21. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в современной лингвистике и её современный статус // Изв. РАН, СЛЯ. Том 53. №2, 1994. С.3-15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/izvest/1994/02/942-003.htm.
22. Куликова И.С. Современная лингвистика в контексте смены научных парадигм. Электронное учебное пособие для студентов 1-го курса магистратуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russjaz.narod.ru.
23. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
24. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008.
25. Мечковская Н.Б. Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределённость целей? // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. - М., 2006. - С. 30-41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-06.htm.

26. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета //Русский язык в научном освещении. - № 2 (12). - М., 2006. - С. 165-185
27. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания, 1996, № 2.
28. Постовалова А.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца 20 века, под ред. ак. Ю. С. Степанова, РАН, Институт языкознания РАН, Москва, 1995. 342—420.
29. Ревзина О.Г. Лингвистика 21 века: на путях к целостности теории языка// Критика и семиотика. - Вып. 7. - Новосибирск, 2004. – С. 11-20.
30. Угланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? //Филологические заметки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4: в 2 ч. / Отв. Ред. Т.И. Ерофеева, Я. Мойсиева-Гушева, Ж. Кнап; Перм. ун-т. – Пермь; Скопье; Любляна, 2006. – Ч.1. – С. 163–173.
31. Фрумкина Р. М.. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века, под ред. ак. Ю. С. Степанова, РАН, Институт языкознания РАН, Москва, 1995. 74—117.
32. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра //Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 58, № 4, 1999 . С. 28-38.
33. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т.Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 35 (173). - С. 142-151. - Филология. Искусствоведение. Вып. 37.
34. Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современного языкознания: Учебное пособие. М.: Флинта : Наука, 2006.
35. Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
36. Якобсон Р.О. Лингвистика в её отношении к другим наукам // Избранные работы по лингвистике. Благовещенск, 1998.

ЧАСТЬ 1.
ЛЕКЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ

«21-й век будет веком гуманитарных наук
— или его не будет вовсе»
Клод Леви-Стросс

Тема 1.
Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы

Современный этап развития языкознания характеризуется сдвигом научной парадигмы, который заключается в более или менее отчетливом отходе от «системоцентричного» подхода к языковым явлениям, доминировавшего на протяжении последних десятилетий. Это влечет за собой существенное переосмысление оснований и целей лингвистического описания. Используя метафорическое выражение Е.В. Рахилиной, можно сказать, что если ранее в лингвистике преобладали «разделительная» постановка задач и стремление к «проведению границ» (Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика, 1998, вып. 36, с. 276—277), то теперь, безусловно, доминирует обратная тенденция.

Облик науки в целом и в том числе лингвистики за последние десятилетия значительно изменился. Конец 20 в. ознаменовался многочисленными попытками осмыслить состояние и методологию современной науки, её достижения и перспективы. Не случайно 1995 году в МГУ состоялась Международная конференция на тему «Лингвистика на

исходе XX века: итоги и перспективы» (с итогами конференции можно познакомиться в журнале «Вопросы языкознания», 1996, № 2). В этом же году вышел сборник научных трудов «Язык и наука конца XX в.».

♣ ***Следует отметить, что подведение итогов и осмысление перспектив развития лингвистики было характерно для научного сообщества и в прежние «переходные» эпохи. Так, И.А.Бодуэн де Куртене на рубеже 19 и 20 вв. в статье «Языкознание, или лингвистика XIX века», впервые изданной по-польски в 1901 г., наметил прогнозы развития лингвистик в 20 веке. А В.М.Алпатов на рубеже других двух веков – 20 и 21 – в статье «Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы?», опубликованной в 2003 году, проанализировал, какие из этих прогнозов сбылись. Ознакомиться с этой статьёй можно во второй части учебного пособия.***

Выступивший с докладом на пленарном заседании конференции 1995 года Владимир Михайлович Алпатов подвёл предварительные итоги лингвистики XX века. Он указал на восстановление в правах синхронной лингвистики, а также отметил следующие черты современной науки о языке: переход от изучения структуры языка к изучению его функционирования, от «эмансипации» лингвистики к связям её с другими науками; поворот от жёсткого алгоритмизированного подхода к реабилитации интуиции; становление семантики как области языкознания; сближение с практикой, расширение эмпирической базы лингвистических исследований.

Указывая основные черты лингвистики XXI века, Александр Евгеньевич Кибрик обозначил следующие основные тенденции: переход из числа «второстепенных» наук в разряд «главных, престижных»; примат объяснения над таксономией; замена дискретной лингвистики недискретной; переход от специализации лингвистического знания к интеграции; бурный рост био/нейролингвистики.

Татьяна Михайловна Николаева, размышляя о будущем лингвитики, предположила, что, будучи антропоцентрической, она будет иметь широко понимаемую функциональную ориентацию, что проявится в создании новой таксономии и новой типологии языков.

Таким образом, как констатирует Ревекка Марковна Фрумкина, в современной лингвистике произошла практически **полная смена научной парадигмы.**

Павел Борисович Паршин в статье «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века» (ВЯ, №2) пишет о том, что история лингвистики XX века – это история перманентного методологического мятежа, протекающего на фоне, а в значительной степени – и в форме последовательных теоретических переворотов.

В 2004 году вышла в свет книга Вячеслава Всеволодовича Иванова с говорящим названием «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему»[1], в которой он решился

[1] В этом же году появилась книга известного русско-американского филолога и философа М.Н.Эпштейна «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М., 2004).

понять, «в каком направлении могли бы пойти исследования близкого и более далекого будущего».

«Хотя научное языкознание, достаточно строгая система которого была представлена уже у Панини, существует более 3 тысяч лет, главные его проблемы только еще начинают формулироваться. Их подробное обсуждение, а по возможности и решение откладывается на наступившее столетие, а быть может, и на все тысячелетие», – считает В.В. Иванов.

Сейчас во всем мире гуманитарные науки переживают глубокий кризис. Хотя теоретически многими осознается, что, вслед за биологией и отчасти опираясь на ее опыт, науки о человеке начнут сближение с основными областями точного знания.

Впереди маячит пока еще недостигнутый синтез описательной и исторической лингвистики, математически строгих методов и синхронного детального описания, учитывающего и экспериментальные результаты, получаемые на стыке с нейропсихологией, а также и некоторыми другими смежными науками.

Связи языкознания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий.

♣ ***Об этих интересных связях В.В.Иванов пишет в 21 главе книги «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему». Ознакомьтесь с данной главой, она представлена во второй части учебного пособия.***

Примечательно, что в XX веке язык стал **основной темой для размышлений** не только у филологов, но и у философов, таких как Людвиг Витгенштейн[2], и физиков, таких как Нильс Бор[3], занимавшихся ролью языка в человеческом познании, в том числе и научном.

---

[2] Л.Витгенштейн вошел в историю как автор нескольких парадигмообразующих идей. Так, он известен как популяризатор использования (в качестве инструмента для обнаружения новых истин) понятия «семейного сходства», впоследствии позволившего открыть парадигму теории прототипов в психологии и теории языка. Другая идея Витгенштейна – метафора «язык – это игра со своими правилами игрового поведения», по мнению некоторых (Dumoncel, 1991), заложена в поздних исследованиях Г.Фреге. Эта идея позже была модифицирована (в частности, Дж.Остином) в «парадигму» теории речевых актов, основная идея которой – «Высказывание – не объект, а действие». (Демьянков В.З.Термин *парадигма* в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2006. С.30).

[3] Нильс Бор известен как создатель первой квантовой теории атома и активный участник разработки основ квантовой механики. Для полного понимания физических основ квантовой механики было необходимо связать её с опытом, выявить смысл используемых в ней понятий Именно над этими вопросами физической интерпретации квантовой механики размышлял в это время Бор. Итогом стала концепция дополнительности. Именно корпускулярно-волновой дуализм был положен Бором в основу интерпретации теории. Идея дополнительности отражает логическое соотношение между двумя способами

Тема языка становится главной и для использующих его и взаимодействующих с ним писателей, что выражено, например, в статьях О. Мандельштама и Т. С. Элиота, а также в нобелевской лекции Иосифа Бродского.

♣ ***Отрывок из лекции И.Бродского представлен во второй части данного учебногопособия. Предлагаем ознакомиться с ним (полный текст можно найти на сайте: http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt).***

В.В.Иванов, делая прогнозы на будущее, пишет: «В ближайшие годы ожидается резкое увеличение роли обычной устной речи при общении человека с разного рода автоматами и приборами: в управлении автомобилем, в Интернете и в различных коммерческих системах. Автоматическое распознавание и понимание речи, над которым ученые бились полвека, становится одной из важнейших сторон прогресса информационной техники, лежащей в основе жизнедеятельности всех развитых обществ

описания или наборами представлений, которые, хотя и исключают друг друга, оба необходимы для исчерпывающего описания положения дел. Сущность принципа неопределённости состоит в том, что не может возникнуть такой физической ситуации, в которой оба дополнительные аспекта явления проявились бы одновременно и одинаково отчётливо. Иными словами, в микромире нет состояний, в которых объект имел бы одновременно точные динамические характеристики, принадлежащие двум определённым классам, взаимно исключающим друг друга. Бор считал принцип дополнительности своим самым ценным вкладом в науку. Он пытался расширить его применение на другие области человеческой деятельности — биологию, психологию, культуру, много размышляя о роли и значении языка в науке и жизни.

планеты. Чрезвычайно быстрые и все ускоряющиеся темпы развития современной компьютерной и информационной техники ставят новые вопросы и по отношению к скорости изменения языка».

Иванов формулирует и некоторые насущные задачи лингвистики.

«…Из разных насущных задач лингвистики самой неотложной представляется срочное описание всех тех тысяч исчезающих языков, гибель которых предполагается в самом близком будущем. Их бесследное исчезновение стало бы большой потерей и для общего языкознания, и для сравнительно-исторического исследования семей и макросемей языков (которое в конечном счете позволило бы сопоставить языковедческие выводы с биологическими, антропологическими, археологическими и привело бы к революции в понимании прошлого… Долг лингвистов – по мере сил помешать катастрофе, сопоставимой с экологической».

Лингвистике как науке всегда было свойственно следовать определённой системе общих установок, отражающих те или иные стили мышления, темы, исследовательские программы. Такие системы принято называть **парадигмами научного знания**. Помимо понятия «парадигма», о котором сейчас пойдёт речь, в сегодняшнем метаязыке лингвистики представлены и используются такие понятия, как идеальный проект[4], эпистема, стиль мышления и др.

---

[4] «Старшее поколение работающих ныне гуманитариев – это свидетели, а часто и инициаторы крупных перемен в науках гуманитарного цикла. Вне зависимости от

♣ ***История вопроса: парадигма – дисциплинарная матрица – эпистема – стиль мышления – научно-исследовательская программа, подробно освещена в статье Т.Н.Хомутовой «Научные парадигмы в лингвистике» Предлагаем ознакомиться с данной статьёй и сопоставить предложенные разными авторами синонимичные с понятием «парадигма» термины.***

Понятие «парадигма», как и шокирующее понятие «научная революция», ввёл в научный обиход физик и историк науки Томас Кун. Его интерес к развитию научных теорий и революций в науке вырос из размышлений над некоторыми фундаментальными различиями общественных и естественных наук. Он был потрясен количеством и степенью разногласий среди специалистов по общественным наукам относительно базисной природы вошедших в круг рассмотрения проблем и подходов к ним. Совсем иначе обстоят дела в естественных науках. Хотя занимающиеся астрономией, физикой и химией вряд ли обладают более четкими и точными решениями, чем психологи, антропологи и социологи, они не затевают почему-то серьезных споров по фундаментальным проблемам. Исследовав глубже это очевидное несоответствие, Кун начал интенсивно изучать историю науки и спустя пятнадцать лет опубликовал работу

соотношения между объемом свершений и масштабом утраченных иллюзий, несомненно одно: на наших глазах в нескольких науках произошла смена *идеальных проектов*. Это относится к науке о языке, к наукам исторического цикла, наукам о культуре и искусстве и к науке о литературе». (Фрумкина Р.М. «Самосознание лингвистики – вчера и завтра»).

«Структура научных революций» (1977), которая потрясла основы старого мировоззрения[5].

В ходе исследований ему становилось все более очевидным, что в исторической перспективе развитие даже так называемых точных наук далеко от гладкости и однозначности. История науки ни в коей мере не является постепенным накоплением данных и формированием все более точных теорий. Вместо этого ясно видна ее цикличность со специфическими стадиями и характерной динамикой. Процесс этот закономерен, и происходящие изменения можно понять и даже предсказать: сделать это позволяет центральная в теории Куна концепция парадигмы.

«*Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений*», - пишет Кун. С точки зрения исследователя, парадигмы несут в себе не только познавательный, но и нормативный смысл; в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они также определяют разрешенное проблемное поле, устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все научные основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Научной революцией Т.Кун называет «исключительные ситуации, в

[5] Область научных изысканий Т.Куна относится сегодня к сфере **философии науки** – разделу философии, изучающему понятия, границы и методологию науки.

которых возникает смена профессиональных предписаний». Научные революции разрушают традиции.

Интересно, что ученый, принимающий новую парадигму, не интерпретирует реальность по-новому, скорее он похож на человека в новых очках. Он видит те же самые объекты и находит их совершенно преображенными по сути и во многих деталях, при этом он убежден, что они таковы на самом деле.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что со сменой парадигмы мир ученых меняется тоже. Они используют новые инструменты, ищут в других местах, наблюдают другие объекты и постигают даже знакомое в совершенно ином свете. Согласно Куну, этот радикальный сдвиг восприятия можно сравнить с неожиданным перемещением на другую планету.

Однако Т.Кун – отнюдь не единственный учёный, интересно и продуктивно рассуждающий о научных парадигмах и революциях. Продолжает развивать его идеи американский психолог и психиатр чешского происхождения, доктор философии по медицине Станислав Гроф. В книге «Beyond the Brain» 1985 года («За пределами мозга») предвещает «зарю новой парадигмы» в науке и считает, что в настоящее время в ней быстро набирает силу новое мышление, которое противоречит старому представлению о мире в понятиях ньютоно-картезианской парадигмы. Хотя поразительные индивидуальные разработки ещё не сведены воедино, последовательной и исчерпывающей научной парадигме, способной заменить механистическую модель Вселенной, пока нет, но к этой впечатляющей мозаике

необычайно быстро добавляются всё новые и новые фрагменты.

Завершая параграф «Философия науки и роль парадигмы», Гроф пишет: «…Западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит наконец концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную духовность с западным прагматизмом».

♣ ***Предлагаем ознакомиться с отрывком из работы С.Графа «За пределами мозга», который представлен в разделе «Статьи и отрывки из работ».***

Что касается лингвистики (и гуманитарного знания в целом), то здесь «парадигмальный сдвиг» в первую очередь был обусловлен отрицанием и разрушением структурализма. Н.Ф. Алефиренко пишет о «**лингвистическом постмодернизме**»[6] – направлении, возникшем в ходе

---

[6] «Постмодерн образует сейчас реальную атмосферу не только духовной и научной жизни, но и внятно ощутим в политике, в межличностных отношениях, в оформлении материально-пространственной среды. Основные положения его к настоящему времени созрели для словесной ясности:

- часть всегда права перед целым;
- индивид всегда прав перед обществом;
- свобода всегда права перед ответственностью;
- субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т. е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно;

переосмысления модернистского наследия науки о языке XX века. По его мнению, постмодернистский «демонтаж» философских основ *структуральной* лингвистики, поэтики и семиотики обострил противоречия рационалистической (изначально – картезианской) методологии языка (Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическое направление в современном лингвистическом постмодернизме / Н.Ф. Алефиренко; БелГУ // Международный конгресс по лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. - С.606-608.).

С мнением Н.Ф.Алефиренко согласуется точка зрения В.З.Демьянкова, который полагает, что «единообразие» – черта модерна, а «множественность» и «многозначность» – черты постмодерна. Гуманитарные же дисциплины исходно несут в себе постмодернизм (Демьянков В.З. Термин *парадигма* в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. Издание второе, дополненное. – М.: ИНИОН РАН, 2008. с.38).

Не менее интересной представляется и точка зрения М.Н.Эпштейна, который идёт ещё дальше в своих размышлениях и предполагает, что гуманитарное знание существует сегодня, как и наука в целом, не в

- культура семиотична, но в силу абсолютной индивидуальности восприятия знаков денотаты их принципиально неуловимы, а коды нерасшифруемы» (Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг (Ю. М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. - М., 1995. - Т. 1. - С. 266-277).

постмодернизме, *постструктурализме* или ином *пост*-, а в *протоинформационном* пространстве.

« … Нынешнее состояние цивилизации следует охарактеризовать скорее как *протоинформационное*... Человеческое тело все чаще рассматривается как знаковое устройство, совокупность информационных процессов, происходящих на всех уровнях организма. Норберт Винер в свое время предположил, что впоследствии человека можно будет передавать, как сообщение, по телеграфу. Другой выдающийся теоретик робототехники и информационного века Ханс Моравец полагает возможным загрузить содержание человеческого сознания в память компьютера. Все это говорит не о конце человека, но о начале превращения его материальных составляющих в информационные», – пишет Эпштейн во введении к монографии «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М.: Новое литературное обозрение, 2004).

♣ ***С отрывком из этой работы предлагаем познакомиться во второй части учебного пособия.***

С лёгкой руки Т.Куна и термин *парадигма*, и обозначенное им понятие получили в современном языкознании широкое распространение. Как пишет А.Л.Факторович, понятие *научной парадигмы* в условиях труднообозримого множества идей и подходов было призвано выполнить систематизирующую миссию, воссоздать и предсказать металингвистическую устойчивость и изменчивость, показать сложный и многоаспектный процесс смены способов «лингвистического философствования».

Появление работы Т.Куна было подготовлено целым рядом исследований, например, ещё в 1935 году львовский профессор Людвиг Флек написал интересную работу «Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива», в которой он показал, что научный факт это результат труда научного коллектива.

В современной лингвистике научная парадигма – это господствующая на каждом этапе истории лингвистических учений система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического исследования в соответствии с культурно-историческим и философским контекстом эпохи (Николай Фёдорович Алефиренко).

А.Е.Кибрик отмечает, что смена научных постулатов и парадигм так же естественна, как смена поколений, и лучше вовремя посторониться и уступить дорогу, чем уповать на исключительное бессмертие (А.Е.Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003, с.38).

Тема 2.
Основные лингвистические парадигмы и их особенности

На сегодняшний день в лингвистике нет однозначного подхода к выделению парадигм. Исследователи определяют различное их количество на протяжении развития лингвистики.

Юрий Николаевич Караулов, например, выделяет ***историческую***, ***психологическую***, ***системно-структурную*** и ***социальную*** парадигмы.

Валентина Авраамовна Маслова склонна видеть в лингвистике три научные парадигмы – ***сравнительно-историческую, системно-структурную*** и ***антропоцентрическую***, полагая, что функциональный, коммуникативный, текстоцентрический (о которых речь пойдёт позже) и прочие подходы к языку ещё не оформились в самостоятельные парадигмы. Исследовательница аргументирует свои соображения в работе: «Современные направления в лингвистике». М., 2008, (с.6-7).

В действительности, а*нтропоцентрическая* парадигма представляется наиболее широкой, поэтому ее иногда называют *над-* или *суперпарадигмой*: находившиеся в ее составе концепции все более очевидно себя перерастали, превращаясь в самостоятельные лингвистические парадигмы, такие как ***прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика.***

М.Л.Макаров пишет о трёх лидирующих, по его мнению, парадигмах: ***генетической*** (исторической эволюционной), ***таксономической*** (системно-структурной) и ***коммуникативно-функциональной***. При этом он отмечает: переход от одной доминирующей парадигмы к другой не подразумевает ее буквальной замены или полного отрицания, а, скорее, выражается в изменении научных метафор, точек зрения на язык, новых приоритетах, методах и перспективах, в

«снятой» форме содержащих идеи и достижения предшественников». (Основы теории дискурса. М., 2003).

С точки зрения Н.Ф.Алефиренко, можно выделить четыре научные парадигмы, определившие собой основные этапы развития мировой лингвистической мысли: 1) лингвистический компаративизм, или **элементно-таксономическая** парадигма, 2) **системно-структурная** парадигма, 3) **коммуникативно-прагматическая** парадигма и 4) переживающая своё становление в настоящее время **дискурсивно-когнитивная** парадигма.

Лингвистический компаративизм располагал особым средством постижения истины – сравнением и принципом исследования, которым являлся историзм. По сути, это была, по определению А.М.Ломтева, *элементно-таксономическая* парадигма, поскольку она выявила и классифицировала основные единицы языка и разработала его уровневую модель.

К началу XX века стал очевиден «атомизм» этого подхода к изучению языка: языковые явления исследовались разобщено, вне закономерных связей одного явления с другим. И, поскольку исходные постулаты такого подхода уже осознавались как неадекватные языковой действительности, пришло время формирования нового лингвистического мировоззрения – *системно-структурной парадигмы*. Переход от лингвистического компаративизма к системно-структурной парадигме ознаменовался не просто «научной революцией», но «мятежом». П.Б. Паршин утверждает, что в основе мятежа лежало сформулированное ещё В. Фон Гумбольдтом стремление перейти в изучении

языка от «эргона» к «энергейе». Лингвистика 19 века явно и открыто изучала «эргон» и разработала адекватный этой задаче «большой метод» – сравнительный, в условиях господства историцистской познавательной установки. Теперь (в рамках новой парадигмы) акценты сместились в сторону выявления всеобщей связи языковых единиц, языка в целом и его отдельных структурных областей. Остовом новой парадигмы послужил принцип целостности и системности. В связи с этим утвердился новый взгляд на язык как строго структурированное и имманентное образование; язык «очищается» от смежных явлений. Основой языкового структурирования в этот период становятся оппозиции «язык — речь», «парадигматика — синтагматика», «синхрония — диахрония». Однако данная научная парадигма не смогла до конца преодолеть замкнутости и зашоренности лингвистического поиска, поскольку исключала из поля зрения человека. Ср. «В XX в. на смену натуралистической пришла системная, инженерно-кибернетическая «языковая игра». Растущее применение к языкознанию количественных методов и математического мышления, сближающее лингвистику с точными науками, что блестяще предсказал И. А. Бодуэн де Куртенэ (Языкознание, или лингвистика XIX века), стало одной из главных характеристик языковедения XX в. Но что было прогрессивным для анализа языка, оказалось неприменимым к изучению речи». (М.Л.Макаров. Основы теории дискурса. М., 2003. С.22) .

Устранить этот недостаток была призвана третья парадигма – *коммуникативно-прагматическая*, объединившая

три лингвистические теории: теорию номинации, теорию референции и теорию речевых актов.

В настоящее время наблюдается становление четвертой парадигмы – *дискурсивно-когнитивной*. Следует отметить, что если вторая парадигма (ситемно-структурная) поистине сменила первую (инвентарно-таксономическую) революционным путём, то последняя парадигма (дискурсивно-когнитивная) по своей сути явилась логическим продолжением предшествующей ей и не исчерпавшей до сих пор своей актуальности *коммуникативно-прагматической*.

Таким образом, современное языкознание обратилось к деятельностному анализу реально функционирующего языка в широком социально-культурном контексте.

Когнитивную лингвистику и методы, связанные с анализом «прямого дискурса», П.Б.Паршин относит к самым значительным из теоретических и методологических эпизодов лингвистики последней трети и четверти XX века.

Тема 3.
«Когнитивные координаты» современной лингвистики.

Шевырёв В.С., рассуждая о парадигмах, пишет следующее: «В образе науки чётко осознаётся теперь то принципиальное обстоятельство, что научно-познавательная деятельность осуществляется всегда... в определённой системе когнитивных координат, в свою очередь определяемых соответствующими стилями мышления,

“парадигмами”… “исследовательскими программами”, определёнными “картами мира”».

О парадигмах, свойственных современной лингвистики пишет и Е.С.Кубрякова в статье «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа)» (Язык и наука конца 20 в. М., 1996). Систему когнитивных координат современной лингвистики, по мнению Елены Самойловны, составляют:

- ЭКСПАНСИОНИЗМ;
- АНТРОПОЦЕНТРИЗМ;
- ФУНКЦИОНАЛИЗМ, ИЛИ НЕОФУНКЦИОНАЛИЗМ;
- ЭКСПЛАНАТОРНОСТЬ (ОБЪЯСНИТЕЛЬНОСТЬ).

Хотелось бы добавить к этим координатам ещё КОММУНИКАТИВНОСТЬ.

1. **Экспансионизм**. Ф. де Соссюр, перечисляя главные задачи лингвистики как особой науки, в своё время подчеркнул необходимость установления её границ и исследования языка “в самом себе и для себя самого”. Однако самому Соссюру не удалось остаться в жёстких рамках тех границ, которые он наметил. Его учение в целом явно социологично. Недаром почти сразу после выхода в свет «Курса общей лингвистики» автор её был провозглашён главой социологического направления в лингвистике.

Прогнозируя особенности будущего языкознания, Бодуэн де Куртенэ в конце 19 века писал: «Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией».

О многообразных связях лингвистики с другими науками, причём не только гуманитарными, но и естественным, такими, как физика, пишет Р.О.Якобсон в статье «Лингвистика в её отношении к другим наукам». В частности, он отмечает несколько важных вопросов, общих для наук о коммуникации и о термодинамике» и называет в кругу таких вопросов проблему соотношения информации и энтропии, что открывает, по мнению Якобсона, новые горизонты познания.

Предлагаем ознакомиться с текстом данной статьи полностью и сделать доклад на семинарском занятии. Текст статьи можно найти в сборнике «Избранные работы». М. Прогресс, 1985.

Необходимость сочетания внутренней консолидации лингвистики со значительным расширением её горизонтов была провозглашена, как указывает Р.Якобсон, Эдвардом Сепиром вскоре после Первого съезда лингвистов в Гааге в 1928 году. Сепир утверждал, что лингвисты, хотят они того или нет, «должны больше интересоваться разнообразными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, вторгающимися в сферу лингвистики, поскольку «современный лингвист не может замкнуться в своей традиционной области».

Это предсказание Сепира оказалось пророческим, поскольку, действительно, как отмечает О.Г.Ревзина, к концу XX века язык как знаковая система перестает быть в центре исследовательских интересов. Лингвистика вновь тяготеет к соединению с психологией и социологией. Когнитивистика отказывается от соссюровских дихотомий

язык-речь, синхрония-диахрония, синтаксис-семантика, лексика-грамматика, объявляет язык одной из когнитивных способностей человека (наряду с ощущениями, восприятием, памятью, эмоциями, мышлением); а лингвистику – частью междисциплинарной науки когнитологии (когнитивистики). (О.Г. Ревзина. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. - Вып. 7. - Новосибирск, 2004. - С.11).

«Сам по себе феномен интердисциплинарности, - пишет Т.Г.Винокур, - будучи достаточно постоянным свойством процесса познания, лишь принимает разное обличье в зависимости от историко-культурных состояний обществ, в которых развивается наука». (Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. С.4). Сейчас положение дел таково: лингвистику нельзя считать дисциплиной с чётко установленными границами, поскольку она выявляет явную тенденцию к расширению своих пределов: «Разве мы не рассматриваем язык сегодня как целое, существующее “в себе и для себя”, и, вместе с тем, как составную часть культуры и общества», - пишет Р.Якобсон.

Тенденцию к расширению границ, образно говоря, «захватническую политику» языка и называют **экспансионизмом.**

Яркий пример лингвистического экспансионизма – прагматика. Неясно, где заканчивается семантика и начинается прагматика: «Можно сомневаться в том, что лингвистическая прагматика существует в настоящее время в качестве самостоятельного и целостного направления с чётко очерченной и принимаемой всеми программой

исследования», - пишет Т.В.Булыгина (Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелёв. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997).

Понятие экспансионизма противоположно редукционизму и было впервые выдвинуто на XIV Международном лингвистическом конгрессе в Берлине в 1987 году применительно к лингвистике текста.

Экспансионизм проявляется:

1) в возникновении новых “сдвоенных” наук (психо-, социо- и этнолингвистика, психо-, социосемантика, прагматика, неориторика, этнориторика, когнитивная лингвистика и др.) и формировании новых областей знания внутри лингвистики (лингвистика текста, трансфрастика, теория речевых актов, семантическая грамматика, семантический синтаксис, функциональная грамматика, коммуникативная грамматика, теория номинаций и др.);

2) в упрочении традиционных связей лингвистики с философией и логикой; свидетельство тому - возникновение новых школ в лингвистике, например школы логического анализа языка под руководством Н.Д.Арутюновой, а также появление лингвистических исследований философов-аналитиков. Если ранее влияние философии и психологии возвращало лингвиста в гуманитарный контекст, то сейчас уже сам анализ языка и речи становится частью философии[7],

[7] В XX веке философия языка становится доминирующей философской проблемой. (А.Шафф «Введение в семантику». М.,1963, с.129, 130). Философия языка выявляет основополагающую роль языка и речи в познании и структурах сознания и знания. «Лингвистический поворот» характерен для чрезвычайно широкого спектра современных линий

социологии и психологии, а одной из основных проблем философии становится коммуникативность;

3) в стремлении к более полному охвату языков мира: в лингвистическую базу данных вовлекаются сведения о редких и даже экзотических языках;

4) в появлении нейрологических исследований, в тесной связи лингвистики с биологией и медициной[8]: модели порождения речи проверяются на компьютерах, эта область знаний обозначается как «симуляция когнитивных и языковых процессов»;

развития философии, в него попадают феноменология и герменевтика, структурализм и постструктурализм. Современная философия считает в принципе проблематичным отвлекаться от языкового аспекта философских проблем. Начиная со второй половины XX века, все основные разделы философии испытывают как минимум стилистическое влияние философско-лингвистических ходов мысли. (Огурцов А.П. Философия языка / Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М.: «Мысль», 2000—2001).

[8] Роман Якобсон обнаружил удивительную общность между генетической программой развития организма и лингвистикой: «...Сейчас на повестке дня стоит рассмотрение временной, программирующей роли языка как моста, перекинутого от прошлого к будущему. Интересно, что известный русский специалист по биомеханике Н.А.Берштей в 1966 году в заключении к своей книге удачно сравнил «запечатлённые в молекуле ДНК и РНК» коды (которые отображают «процессы предстоящего развития и роста») с «речью как психобиологической и психосоциальной структурой, обеспечивающей предварительную модель будущего (Лингвистика в её отношении к другим наукам // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985,с.395).

5) в укрупнении отдельных наук, особенно когнитивной науки, или когнитологии, и интегративных процессов, связанных с ней: современные исследования языка невозможны без привлечения таких понятий, как интенция, память, действие, семантический вывод и др.

Языковая коммуникация оказалась неотделимой от психолингвистических и социолингвистических категорий, поэтому на общем фоне всеобъемлющей триады «социология – психология – филология», по мере укрупнения её отдельных элементов, выступает сплав социальной психологии с лингвистикой в объединяющей их направленности на проблемы общения, без которых ни один аспект деятельностной концепции языка, созданной Гумбольдтом, изучаться не может. Интерес современных лингвистов к этим проблемам был подогрет выделением в специальную область знания теории коммуникации, которая уже своим происхождением была обязана междисциплинарным научным возможностям, так же, как и когнитивная лингвистика.

2. **Антропоцентризм** роднит лингвистику со многими другими областями знания. Этот принцип заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека. Человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений. Таким образом интересы исследования переключаются с объектов познания на субъект. Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое – изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя

языка. По словам И.А.Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов…». Идея антропоцентризма ключевая в современной лингвистике.

Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке всё, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Он передал языку своё игровое начало и свою способность к творчеству: В.фон Гумбольдт считал главным фактором, который привёл к созданию языка творческую деятельность человека, сам язык, по мнению исследователя – это живая деятельность человеческого духа, единая энергия народа. Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Антропоцентричность даёт о себе знать на всём пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе.

Приведём хотя бы такой пример: вся размерно-оценочная шкала в языке “большой - маленький”; “тяжёлый - лёгкий” выстроена, исходя из параметров человеческого тела. Поэтому, говоря о слоне, мы используем размерно-оценочные прилагательные: большой, тяжёлый и др., - а характеризуя параметры воробья, используем прилагательные: маленький, лёгкий и др. По словам Г.Гийома, «будучи языком мыслящего человека, идеальный универсум построен по образу и подобию самого человека, который одновременно и зритель и наблюдатель – глазами тела и глазами разума – действительного универсума, реального мира» (Принципы теоретической лингвистики 1992, с.64).

Разные языки по-разному представляют действующее лицо. Синтаксические метаморфозы человека очень характерны для русского языка. Сдвигая имя лица в ту или иную синтаксически зависимую позицию, русский язык представляет человека то как орудие или объект действия неведомых сил (например: *Понесло*; *Прорвало* и т.д.), то как локус, в котором движется поток сознания, происходят события, пребывают свойства или состояния (ср. предложения: *У меня завтра встреча с друзьями*; *Мысли у него разбегались*; *На душе у него тоска* и пр.). По-английски невозможно адекватно выразить идею русского высказывания «*Его убило молнией*». Не случайно австралийская исследовательница А.Вежбицка утверждает, что для русской ментальности очень важной является идея непостижимости событий (Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996, с.85)

Говорящее лицо явно или неявно, а для лингвиста – всегда явно, присутствует в тексте, осмысляя мир со своей точки зрения. Есть разные формы и возможности обозначения этого присутствия.

Вот бреду я вдоль большой дороги / В тихом свете гаснущего дня… (Тютчев).

Эти строки реализуют дейктический критерий **я – здесь - сейчас**: говорящий, он же лирический герой, в хронотопе происходящего.

На берегу пустынных волн / Стоял Он, дум великих полн, / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася; бедный чёлн / По ней стремился одиноко… (Пушкин).

Автор представляет нам своего героя в хронотопе происходившего, стоящим как бы спиной к нам, и дальше (маркёр *пред ним*) мы видим то, что видит он, его глазами. Ср. *Пошёл старик к синему морю; / **Видит**, на море чёрная буря* (Пушкин). Но почему в повествовании о прошлых событиях появляется настоящее время? Это переключение на точку зрения персонажа. И временем говорящий, если вдуматься, распоряжается в тексте совсем не так, как написано в учебниках. Так, настоящее различно в примерах из Пушкина: (1) ***Стою** над снегами у края стремнины* и (2) *И с каждой осенью я **расцветаю** вновь*:

В (1), как и в тютчевском *Вот бреду я…*, говорящий сейчас в хронотопе и воспринимает окружающее сенсорно; во (2) он как бы поднялся во времени и в пространстве над несколькими, многими осенями и суммирует, осмысляет прошедшее. Здесь другой способ восприятия – ментальный. А повествование в «Пиковой даме» о несчастной судьбе бедной воспитанницы Лизаветы Ивановны автор подкрепляет словами Данте «Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца». Это тоже настоящее время, правда, представленное имплицитно (опущен вспомогательный экзистенциальный глагол *есть*). В данном случае, употребляя настоящее, автор уже как бы выходит за рамки своего текста в контекст мировой литературы, универсально значимых обобщений. Следовательно, когда мы читаем, что грамматическое время объективно, однонаправлено и необратимо, трудно этому поверить. Текст организуется событийным временем, которое автор, говорящий по своей воле, выстраивает, намеренно или произвольно, в том порядке, в котором он перемещает свой

«наблюдательный пункт» по отношению к событиям, действительным или воображаемым. Все соседствующие предикаты связного текста (в том числе и так называемые «полупредикативные» конструкты – причастные, деепричастные обороты, инфинитивы, девербативы и др.) вступают в таксисные отношения – одновременности, параллельности, предшествования, следования.

Язык не только отражает, но и создаёт ту реальность, в которой обитает человек, недаром Ф.де Соссюр сказал, что человек смотрит на мир сквозь языковые очки. Поэтому путь к осмыслению феномена человека лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки. Природе подчинён физический человек, но она ничего не знает о духовной личности.

В языке отражена не только оценка, мнение, но и знание. Передавая знание, язык в то же время формирует сознание. Чтобы говорить о состояниях своего сознания, человек должен его обрести, а чтобы обрести сознание, необходим Другой. Таким образом «Бытие для себя» оказывается обусловленным «Бытием для Другого»: «Из того, что мои действия меня проецируют вовне и осмысливаются Другим, следует, что я есть язык» (Ж.-П.Сартр). М.Хайдеггер определяет личность человека через апелляцию к значению: «Я есть то, что я говорю». Э.Кассирер назвал человека animal simbolicum. Благодаря Другому, а значит, и языку, человек не только познаёт, но и оценивает себя.

В разных научных направлениях и школах антропоцентризм проявляется по-разному.

В генеративной грамматике антропоцентризм сказался в обращении к анализу языковой способности человека: генеративисты не раз декларировали важность апелляции к интуиции говорящего, что привело к новым подходам построения словаря и анализу его семантических особенностей – появились словари тезаурусного типа.

Семантические исследования ознаменовались обращением к терминам и концептам духовной культуры человека (см. работы: В.Н.Телия, А. Вежбицка). Появилась целая серия публикаций о человеческом факторе в языке (см., например: Караулов Ю.Н. Язык и личность. М.,1989).

Новым объединяющим методологическим “зонтиком” для смежных наук стал когнитивный “зонтик”. Выдвигая новую теорию языка, Ян Ньюте назвал её когнитивно-прагматической (Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2001).

3. **Функционализм** – ещё одна черта современной теоретической лингвистики. В 70-е и особенно в 80-90-е годы XX в. функционализм глубоко проникает в методологию лингвистической науки. С одной стороны, это воплощается в появлении нового объекта языкознания — текста, и новой дисциплины — грамматики текста. М. И. Откупщиковой принадлежит программное утверждение о том, что связный текст является «естественно функционирующим объектом лингвистического исследования» (Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. Л.,1982, с.49). С другой стороны, функциональная грамматика показала (и доказала), что

функции носят не только окказиональный, речевой характер, но представляют собой неотъемлемую часть системы языка и выступают в качестве важнейшего фактора категоризации языковых единиц.

Не случайно известный американский ученый в области дискурсивного анализа Д. Шифрин выделяет только две парадигмы лингвистического знания: ***формальную*** (структуралистскую) и ***функциональную*** (интерактивную), в основе которых лежат разные представления о природе языка, методах исследования и целях лингвистического анализа.

В ходе анализа дискурса Д. Шифрин приходит к выводу о том, что ни формальная, ни функциональная парадигмы, взятые сами по себе, не могут дать исчерпывающее описание дискурса. Она выдвигает идею о необходимости синтеза двух парадигм в формально-функциональную парадигму, или формально-функциональный подход к анализу дискурса.

♣ Более подробно см. об этом в уже упоминавшейся работе: Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвитсике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151. Полный текст статьи представлен в разделе «Статьи и отрывки из работ» данного учебного пособия.

Корни функционализма можно отыскать в работах учёных Пражского лингвистического кружка и, кроме того, функционализм связан с целым рядом грамматических концепций зарубежных и отечественных языковедов (Ф. де Соссюра, О.Есперсена, А.М.Пешковского, В.В.Виноградова, Р.О.Якобсона). Существует специфическая область лингвистических исследований, которая получила название

«функциональная лингвистика». Основной принцип функциональной лингвистики – понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (так называемый телеологический принцип) – был выдвинут Р.О.Якобсоном, Н.С.Трубецким и С.О.Карцевским в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), а затем развит в работах других представителей Пражской школы, а также немецкого психолога К.Бюлера, обосновавшего концепцию трёх функций языка – экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной. С конца 40-х гг. 20 в. традиции пражской школы были развиты в нескольких ответвлениях функциональной лингвистики (см. статью «Функциональная лингвистика» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», М., 1990, с.566).

При широком понимании термина “функция” центральной проблемой функционального направления становится исследование функций изучаемого объекта, т.е. языка и речи. Общим постулатом при этом является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, механизм для осуществления определённых целей. Функционализм ведёт, в конечном счёте, к признанию главенствующей роли значения, поэтому подход “от значения - к средствам его выражения” является главным, основным для этого направления.

Под неофункционализмом мыслится изучение языка в действии, в употреблении, т.е., принимая во внимание известную антиномию Ф. де Соссюра “язык - речь”, функциональная лингвистика занимается изучением и описанием речи. Поэтому функционализм отказывается от

прежнего сугубо формального характера описания, а учёт большого количества факторов, действующих в языке и речи, ведёт к более широкой и объективной картине их отражения. Функциональный подход в целом противопоставляется формальному. Так, говорят о «функциональной ономатологии» (В.Матезиус глава Пражской школы), о «функциональной перспективе предложения» (Ян Фирбас, Чехословакия), «функциональной грамматике» (Вильгельм Шмидт, Австрия; Герхард Хельбиг, Германия; Симон Корнелис Дик, Нидерланды; А.В.Бондарко, Г.А.Золотова, Россия) и т.п.

Функциональная грамматика – это разновидность грамматики «нового типа», имеющая объектом изучения функции единиц языка и закономерности их функционирования. Грамматика данного типа (иногда её называют также грамматикой речи) рассматривает в рамках единой системы средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций. В отличие от традиционной описательной грамматики, которая является по преимуществу аналитической и при описании языкового материала использует подход от средства (языковой формы выражения) к значению (или функции), функциональная грамматика как основное, ведущее использует другое направление описания языкового материала – от функций к средствам выражения.

Функциональные аспекты грамматики получили освещение в трудах Г.Пауля, Ф.Брюно, О.Есперсена, К.С.Аксакова, А.А.Потебни, И.А.Бодуэна де Куртенэ,

А.А.Шахматова, А.М.Пешковского. Предшественники функциональной лингвистики – И.А.Бодуэн де Куртенэ, Ф.де Соссюр, О.Есперсен. Термин “функция” многозначен, поэтому существуют разные версии грамматик нового типа - функциональных: английская и нидерландская функциональные грамматики, лексические функциональные грамматики, многотомная “Теория функциональной грамматики”, написанная авторским коллективом петербургских учёных под руководством А.В.Бондарко.

В России сложилась Петербургская школа функциональной грамматики, возглавляемая членом-корреспондентом РАН А.В.Бондарко. Основателями данной научной школы являются академик В. М. Жирмунский; профессора С.Д.Кацнельсон, В.Г.Адмони, Ю.С.Маслов (профессор Санкт-Петербургского университета, некоторое время работавший по совместительству в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР).

Модель функциональной грамматики, созданная санкт-петербургской школой теории грамматики, является новым направлением в функциональной лингвистике, не имеющим аналогов в других школах функционализма. Специфические признаки данной модели – построение и описание системы функционально-семантических полей и категориальных ситуаций.

♣ О функционализме как лингвистической парадигме см. отрывок из работы М.Ю.Олешкова «Основы функциональной лингвистики: Дискурсивный аспект». Отрывок представлен во второй части учебного пособия.

4. **Экспланаторность (объяснительность)** выражается в стремлении современной науки о языке найти объяснение и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и реальному осуществлению речи, и порождению и пониманию её.

А.Е.Кибрик афористично описал чаемое будущее лингвистики как переход от «что-лингвистики» (описание структур) к «как-лингвистике» (описание процессов), и далее – как создание «почему-лингвистики», тем самым подчеркнув ценность *объяснения*, а не только описания. По мнению Р.М.Фрумкиной, в установке на объяснение, в частности, состоит пафос когнитивной лингвистики. Интересно, что одним из источников объяснения когнитивных структур является метафора.

Понятие объяснительности, связанное с доказательностью, аргументированностью и наглядностью лингвистической теории, было выдвинуто на первый план в 60-е гг. XX века. Описание и объяснение противопоставляются друг другу, выдвигаются на передний план дедуктивные (от общего к частному) методы исследования. При этом описание и объяснение различаются следующим образом:

Описание — функция научного исследования, состоящая в фиксировании результатов опыта (эксперимента или наблюдения) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке; описание предшествует объяснению.

Объяснение — функция научного исследования, состоящая в раскрытии сущности изучаемого объекта; осуществляется через постижение определенного закона, которому подчиняется данный объект.

Итак, описательная наука должна отвечать на вопросы «*что*» и «*как*», а объяснительная – на вопрос «*почему*». Человеческий разум никогда не довольствуется наблюдением и описанием окружающих явлений. Он ищет им объяснения. Для объяснительной науки характерна постановка вопроса о происхождении изучаемого круга явлений или объектов. К содержанию научного знания можно отнести, с одной стороны, опыт, наблюдение и описание, с другой — выяснение генезиса и причинных связей. Именно из стремления объяснить язык начала выстраиваться гипотеза о его устройстве, о его глубинных структурах. Сам концепт “язык” далеко не ясен. Н.Хомский в своё время пытался определить язык, идя по пути “радикальной идеализации” - сегодняшняя лингвистика, как зрелая наука, может и должна объяснить изучаемый объект - язык, но не только “в самом себе и для себя самого”, а для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором язык обитает.

5. **Коммуникативность**. Второй когнитивной революцией (или дискурсивным переворотом) стали называть переход от акцентирования внимания на слове и предложении к тексту, к дискурсу.

Диск`урс (от франц. discourse – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими параметрами

(прагматическими, социокультурными, психологическими и др.), речь как акт, действие, как событие. Дискурс – это речь, погружённая в жизнь, один из компонентов деятельности, взаимодействия людей. Поэтому данный термин обычно не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не прослеживаются, не восстанавливаются (ЛЭС, с.137). Однако в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс-анализа и самого термина *дискурс* к языковому материалу разной культурно-исторической отнесенности, например Библейским текстам и апокалиптической литературе, а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу.

♣ ***Предлагаем ознакомиться с отрывком из работы Ю.С.Степанова «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности», посвящённым дискурсу. См. вторую часть учебного пособия.***

Э.Бенвенист одним из первых придал слову «дискурс», которое во французской лингвистической традиции обозначало речь вообще, текст, терминологическое значение, обозначив им «речь, присваиваемую говорящим»; он противопоставил дискурс объективному повествованию. Тезис Бенвениста о «присвоении языка говорящим» открыл те шлюзы, которые позволили «соположить человека и язык и раскрыть каналы ”присвоения” человека языком» (Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.). Как пишет П.Серио, «восстановление роли субъекта в лингвистике и есть новшество, введённое Бенвенистом» (Серио П. В поисках

четвёртой парадигмы. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993 С.37-52). Именно Э.Бенвенист ввёл в системное описание автора и адресата в качестве его необходимых компонентов. Не случайно одну из частей своей «Общей лингвистики» он назвал «Человек в языке». Актуальность для дискурса роли субъекта подчёркивает Л.М.Макаров: «Дискурсивные явления имеют *место* и *время* в качественно иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» [*people-space*], которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли».

Впоследствии понятие дискурса было распространено на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи. Дискурс предполагает изучение, создание, моделирование фреймов (типовых структур, ситуаций) и сценариев. Дискурс обращён и к ментальной сфере, а также к особенностям восприятия речи: её темпа, стилевого ключа общения, к формам этикета, включая речевой этикет, характера (уровня) юмора, аллюзий. Фундаментальная значимость переключения на дискурс связана с осознанием в мировой науке роли межличностных знаковых (символических) взаимодействий в умственных процессах. Существует такая смежная между лингвистикой и психологией область как **дискурсивная психология.**

Т.о., многозначный термин «дискурс», появившийся во Франции в 60-е годы XX века и закрепившийся в исследованиях представителей французской школы (М. Фуко,

П. Вейн, Ж. Лакан, Ж. Делез, Ф. Гваттари), сегодня типичен для различных гуманитарных школ, в центре исследовательского внимания которых прямо или опосредованно находится изучение функционирования языка и речевая деятельность.

Понятие дискурса является одним из ключевых понятий гуманитарного знания 21 века. Этот термин допускает не только варианты произношения (с ударением на первом и на втором слоге), но и множество научных интерпретаций. Обзор существующих подходов к трактовке этого понятия представлен в монографии М.Л.Макарова «Основы теории дискурса» (М., 2003). Основные параметры осмысления дискурса представлены в работе: Ширяева Т.Н. Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010.С.129-140.

Основоположник дискурсологии Ван Дейк дает определения дискурса в двух основных смыслах. В широком смысле ученый интерпретирует дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте». Он также приводит определение дискурса в узком смысле, рассматривая последний в таком случае как текст или разговор, коммуникативное действие. «В этом смысле, — пишет Ван Дейк, — термин “дискурс” обозначает завершенный или

продолжающийся “продукт” коммуникативного действия», его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами.

Развитие понятия «дискурс» обусловило его соотношение с понятиями «речь» и «текст».

В начале 70-х годов была предпринята попытка дифференцировать понятия *текст* и *дискурс*, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории *ситуация*. Так, дискурс предлагалось трактовать как «текст *плюс* ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс *минус* ситуация».

Некоторые лингвисты трактуют ***дискурс*** как подчеркнуто *интерактивный* способ речевого взаимодействия, в противовес ***тексту***, обычно принадлежащему *одному* автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией ***диалог*** vs. ***монолог***.

Одно из распространённых решений данной проблемы представлено в трудах В.В.Богданова (Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990; Текст и текстовое общение. СПб: СПбГУ, 1993). Исследователь рассматривает *речь* и *текст* как две неравнозначные стороны, два аспекта дискурса. Подобное решение встречается и у зарубежных авторов. Не всякая речь поддаётся текстовому перекодированию, и далеко не любой текст можно «озвучить», поэтому дискурс понимается широко – как всё, что говорится и пишется. Текст (в узком смысле) понимается как «языковой материал, фиксированный

на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Т.о., термины *речь* и *текст* являются видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*.

Широкое употребление *дискурса* как родовой категории по отношению к понятиям *речь*, *текст*, *диалог* сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой. Подобной широкой трактовке отдает предпочтение и М.Л.Макаров.

Иная точка зрения на проблему сопоставления / противопоставления текста и дискурса содержится в монографии М.Я.Дымарского (Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX веков). СПб., 1999). По мнению этого исследователя, дискурс характеризуется прежде всего признаком процессности: невозможно существование дискурса вне прикреплённости к реальному физическому времени, в котором он протекает. Именно в этом смысле дискурс противопоставлен тексту – как фиксированному результату, продукту процесса. Текст создаётся с установкой на воспроизведение, дискурс воспроизведению не подлежит; текст может накапливать информацию, дискурс служит передатчиком информации. Поэтому лингвистики текста образование сукцессивное, линейное, а лингвистики дискурса – принципиально нелинейная организация.

Подобная точка зрения на различие между дискурсом и текстом присуща целому ряду функционально

ориентированных исследований, в которых видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: *функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность* и *актуальность — виртуальность*. Соответственно, различаются структурный *текст-как-продукт* и функциональный *дискурс-как-процесс* [*text-as-product, discourse-as-process*] (Макаров М.Л. Основы теории дискурса, с.88).

К настоящему времени в академической среде сложились научные школы и научные направления, пытающиеся ответить на вопрос: «Что же есть дискурс?» и предлагающие собственные оригинальные теоретические модели дискурса, основанные на его сущности.

♣ ***В таблице, представленной во второй части учебного пособия, отражена исследовательская точка зрения Ширяевой Т.Н. См. отрывок из статьи «Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме».***

Во второй половине XX века сформировалась новая ветвь науки, которая получила название **лингвистика текста** (или синтаксис целого текста). Предметом выявления и детального описания стали такие компоненты текста, как абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, категория временного порядка. Так, А.В.Бондарко вслед за В.В.Виноградовым утверждает, что в каждом высказывании заключено определённое отношение к категории временного порядка. В высказывании может быть представлена интерпретация динамического или статического

включения обозначаемой ситуации в ось времени. Возможно и отрицательное отношение к данной категории, отвлечение от семантики временного порядка: *Человек не бывает лучше другого, как не бывает место одной реки глубже или чище места другой реки* (Л.Толстой).

Появилась на этой базе грамматика нового типа – коммуникативная. «Коммуникативная грамматика», как пишет Г.А.Золотова, не противопоставляет язык речи, текст системе, она наблюдает язык в речевой динамике, стремясь извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи и на этой основе найти явлениям их место в системе. Фигура говорящего/наблюдателя с её меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста и одушевляет грамматику.

♣ ***Размышления Галины Александровны о том, почему грамматика является наукой о человеке, представлены в одноимённой статье «Грамматика как наука о человеке», с которой можно ознакомиться в разделе «Статьи и отрывки из работ» данного учебного пособия.***

Кроме тех парадигм, которые уже так или иначе закрепились в лингвистике и в гуманитарных науках, возможно говорить о возникновении иных, более новых парадигм. Так, крупнейший русский методолог языка Валентина Ильинична Постовалова в работе «Наука о языке в свете идеала цельного знания» (Язык и наука конца XX века)

пишет о возникновении ***теоантропокосмической*** парадигмы, исследующей язык в максимально широком контексте «Бог – Космос – Человек». Основы для такого подхода к языку, по мнению исследовательницы, были заложены в трудах русских философов С.Н.Булгакова, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева и др. По мнению автора, данная парадигма поглощает антропоцентрическую.

Особое внимание в исследованиях В.И Постоваловой уделяется характеристике теоантропологического подхода в науке о языке («теолингвистики»), направленного на изучение языка в религиозной коммуникации. Обосновывается необходимость создания особой дисциплины – лингвотеоконцептологии, осуществляющей реконструкцию религиозных концептов как многомерных, живых, мистико-семиотических, смысловых образований в единстве универсальных и идиоэтнических моментов их бытования в религиозных дискурсах на основе анализа текстов православно-христианской духовной культуры и концептосферы православного миросозерцания.

Тема 4.
О плюрализме в лингвистических теориях

Современная ситуация в лингвистике определяется многими исследователями как принципиально полипарадигмальная. Так, задавая вопрос: существует ли мейнстрим в лингвистике, И.А.Угланова, в частности, приходит к отрицательному ответу. Такое «положение дел» исследовательница считает обусловленным вхождением

лингвистики и гуманитарного знания в целом в формат постмодернизма, который отчётливо проявляет себя в культурной ситуации 21 века в художественной литературе, точных науках, таких, как физика, и в философии. В философии, в частности,

В.Г.Гак в статье «О плюрализме в лингвистических теориях» (ФН, 1997, № 6) отмечает, что наиболее существенное отличие новых научных тенденций заключается не в системе конкретных понятий и подходов, использующихся в той или иной теории, но в общих положениях, касающихся теории познания. Во всех разделах языкознания проявляется разнообразие мнений и теорий при истолковании одних и тех же фактов. Современная методология науки склонна видеть в этом плюрализме мнений не слабость науки и недостаток научных исследований, а их достоинство. Дж. С. Милль писал, что плюрализм мнений, воплощающий в себе свободу мышления, есть необходимое условие истины.

В.В.Ильин различает в истории научной методологии три этапа: ***классический, неклассический*** (современный) и ***неоклассический***, формирующийся в наши дни и определяющий науку будущего. Сущностным признаком современной науки он считает «включённость субъективной деятельности в тело знания».

Классической науке была свойственна имперсональность (стремление избежать субъективных пристрастий), надличностные понятия и термины, абсолютизм, кумулятивизм (общая для ряда направлений в логике, методологии и философии науки модель роста

научного знания, согласно которой эволюция науки сводится к постепенному непрерывному накоплению абсолютно достоверных истин (теорий).

Для ***неклассического*** периода, наоборот, характерен персонализм (признание личности как самотворящей стихии), отрицание монизма, допущение множественности субъективных потенциалов, самодеятельность познавателя, модель, разрушающая зеркальное копирование действительности. Если в классической науке единой и единственной сущности соответствовала единая и единственная истина, то в неклассической различные ракурсы видения не сводятся к одному и единственному ракурсу. Современная наука придаёт особое значение полилогу взглядов на одну и ту же реальность. Помимо персонализма и плюрализма взглядов, И.И.Ильин отмечает такие компоненты современной теории познания, как вероятностный характер знания (абсолютная точность и строгость его недостижимы) и формирование интертеории, которая предполагает исходно плюралистическую установку (теория развёртывается как пучок относительно самостоятельных моделей описания предметной области). При этом ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объёмное и объективное видение.

Неоклассический подход ставит в центр научного творчества человека, в связи с чем важное значение приобретают *креативизм*, *аксиология* (теория ценностей) науки, *телеономия* (подчинение целесообразности).

В заключение автор формулирует шесть принципов порождения научного знания, из которых только три

касаются непосредственно методологии науки, а другие три – социологической роли науки и исследователя.

К первым трём принципам относятся:

- принцип терпимости (толерантность к продуктам научного творчества);
- принцип признания многообразия взглядов нормальным, освобождение от теоретического фанатизма;
- принцип условности (относительность собственных результатов).

Как и всякая наука, лингвистика преследует двоякую цель: с одной стороны, описание фактов языка, процессов, происходящих в нём, с другой – постижение сущности этих явлений и процессов. Но исследователи сталкиваются на этом пути с рядом факторов, осложняющих поиски научных решений, делающих научное осмысление их не единственно возможным.

По мнению В.Г.Гака, факторы, вызывающие к жизни плюрализм интерпретации, можно разбить на две группы:

- объективные, касающиеся предмета исследования, или внутренние по отношению к этому предмету;
- субъективные, касающиеся субъекта исследования, самого исследователя и внешние по отношению к предмету лингвистического анализа.

Среди объективных факторов следует назвать следующие:

- недискретность (непрерывность) многих языковых явлений;

- асимметрию, свойственную языковым знакам;
- многоаспектность языковых явлений.

Из субъективных факторов особое значение, по мнению исследователя, имеют два, связанные оба с особенностями человеческого мышления. К ним относятся:

- нежёсткий, расплывчатый характер понятий, которыми оперирует исследователь;
- избирательность субъекта познания по отношению к объекту.

Таким образом, делает вывод Гак, разнообразие научных мнений – объективная данность. В этом не следует видеть ни «анархию», ни проявление пустого субъективизма исследователей, но отражение свойств самих языковых фактов и явлений. Произвол и «анархия» устраняются благодаря исчислимости вариантов научных решений.

Заканчивая разговор о работе В.Г.Гака, хотелось бы добавить к тем чертам неоклассической науки, которые были обозначены выше (ими, безусловно характеризуется и лингвистика) ещё две черты, вполне согласующиеся с её *креативизмом* и *телеономностью* – это «***синергетическое мышление***» и «***игровое начало***».

О первой из обозначенных черт, присущих современной лингвистике, пишет Н.Ф.Алефиренко в нескольких своих работах.

Современная лингвистика опирается на синергетическое мышление. А синергетическое мышление – это мышление мультипарадигмальное, или даже, лучше сказать, межпарадигмальное и плюралистичное. Синергетический

плюрализм, будучи ориентирован на компромисс, выводит нас за границы традиционных антиномий противопоставлений и вводит в мир нелинейности, неоднозначности, метафоричности, случайности смыслов синергетических образов и гештальтов, их незавершённости, диалогичности, а потому и гипертекстуальности, и интертекстуальности (Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра, 2011, с.103). Синергетическое мышление не могло не сформироваться вне новых тенденций внутри самой лингвистики.

♣ ***О возникновении новой – синергетической парадигмы в лингвистике пишет В.Ю.Барбазюк в статье «Возникновение синергетической парадигмы в языкознании». Ознакомьтесь с ней во второй части учебного пособия.***

О второй актуальной для современной лингвистики черте речь идёт в статье Н.Б.Мечковской «Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределённость целей?»

♣ ***Предлагаем ознакомиться с данной статьёй, обратившись ко второй части данного учебного пособия.***

Тема 5.
Доминирующие лингвистические теории конца XX начала XXI века.

Разные исследователи обозначают несколько отличающихся один от другого и всё же пересекающихся по основным параметрам направлений современной

лингвистики, современных /доминирующих лингвистических теорий.

Так, Валерий Закиевич Демьянков в одноимённой статье к доминирующим лингвистическим теориям конца XX века относит: ***генеративную лингвистику, интерпретационизм, категориальные грамматики, функционализм, теорию прототипов, лингвистику текста, теории речевого действия*, «*принцип кооперированности*» и *когнитивную лингвистику*.**

Любовь Николаевна Чурилина («Актуальные проблемы современной лингвистики», М., 2007) среди направлений современного языкознания выделяет следующие: ***генеративное направление*, *функциональное направление*, *дискурсивные исследования*, *когнитивное направление*, *теория языковой личности, проблемы порождения и восприятия речи***, а также такие более частные направления, такие как: *значение слова как достояние индивида, теория «концептуальной» метафоры, ментальный лексикон*.

Николай Фёдорович Алефиренко («Современные проблемы науки о языке», М., 2005) различает современные **лингвистические** и **интерлингвистичекие** теории.

К **лингвистическим** он относит: ***психолингвистику*, *когнитивную лингвистику*, *коммуникативную лингвистику*, *прикладную лингвистику*** (компьютерная лингвистика, проблемы моделирования языка в действии).

К **интерлингвистическим** он относит: ***социо-лингвистику*** и ***лингвокультурологию***. Насколько бесспорным является такое разграничение современных теорий в условиях «лингвистического экспансионизма»?

В учебном пособии В.А.Масловой (Современные направления в лингвистике. М., 2008) отдельные лекционные темы посвящены ***лингвистике текста, коммуникативной лингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, компьютерной лингвистике и лингвополитологии***.

О современных направлениях лингвистики, таких как ***семантика***, ***лингвистика текста***, ***функциональная***, ***коммуникативная*** и ***когнитивная*** лингвистика подробно пишет А.К.Киклевич в трёхтомной монографии под общим названием «Притяжение языка» (Т.1 2007, Т.2 2008).

Обо всех названных выше направлениях в лекционном курсе данного учебного пособия речь вестись не будет. Вы можете выбрать наиболее интересное для вас лингвистическое направление (и тему, связанную с ним) и рассказать о нём на семинарском занятии (далее приведён примерный перечень возможных тем и список литературы к ним).

В рамках же лекционного курса несколько слов хочется сказать об ***интернет-лингвистике***, *или* ***интернет-коммуникации***. Этому будет посвящена последняя тема нашей лекции.

Темы предлагаемые для обсуждения на семинарских занятиях

Тема 1. Когнитивная лингвистика.

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.

2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ, 1994, №4.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
4. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. СЛЯ, 2004, т.63, №3.
5. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. АН. СЛЯ, 2000, т.59, №3.
6. Селивёрстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // ВЯ, 2002, №6.

Тема 2. Функционализм в лингвистике.

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Функционализм.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 1998.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
6. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология.
7. Википедия. Функционализм. А.Кибрик.

Тема 3. Коммуникативная лингвистика

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

2. Дейк Т.А. ванн Язык. Познание. Коммуникация. М.,1989
3. Филиппов К.А. Лингвистика текста СПб., 2003
4. Золотова Г.А..Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982
5. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис М., 2001 (Гл. «Функциональная синтаксическая типология»).
6. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Тема 4. Теория языковой личности в русистике.

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
3. Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974
4. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.
5. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1998.
6. Тарасов И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ, 1992, №4.

Тема 5. Лингвокультурология.

1. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
2. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М., 2004
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.
4. Баксанский О.Е. Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии, 2002, №8.

5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
6. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // ВЯ, 1998, №3.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Тема 6. Социолингвистика

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистик). Л., 1975.
2. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
3. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1990.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1996.
5. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
6. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978

Тема 6.
Интернет-лингвистика

К новым тенденциям явно и очевидно проявляющим себя в коммуникативной лингвистике можно отнести экспансию интернет-коммуникации и ее кодов в обычное общение.

♣ ***О воздействии Сети на естественный язык пишет Н.Б. Мечковская в статье «Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета». Ознакомьтесь***

с данной статьёй. Она представлена полностью в разделе «Статьи и отрывки из работ» данного учебного пособия.

Знак Интернета (слово, оборот или иной знак) в относительно специальном значении встречается в обычных СМИ, художественных текстах, устной несетевой речи, т. е. за пределами Сети, бумажной литературы по информатике и устного общения компьютерщиков: ср. фразы из «Огонька» 1996 г.: *Браузеры позволяют обрабатывать линки и выводить гипертексты на экран* (С. Пачиков); *Хакеры* […] *юзали свободное дисковое пространство* (С. Кузнецов) и т. п.

Мечковская полагает, что Интернет усложняет язык и общение и вместе с тем оказывает на них либерально-демократизирующее воздействие. **Постарайтесь ответить на вопрос, почему это происходит.**

Наталья Борисовна пишет о своеобразии языкового сознания пользователей Интернетом, которое, по её мнению, состоит в расширенной и интенсивной метаязыковой рефлексии. Непосредственно к этому приводят следующие черты сетевого общения: 1) здесь используются полисемиотические (гибридные, креолизованные) знаки и сообщения (смайлики, собака[9]); 2) в русском Интернете в той

[9] … *собачку* в качестве названия для @, значка электронной почты, придумал сам русский язык (точнее, неизвестный автор, или, как в таких случаях говорят, народ). Опять же подобрал нечто похожее, изобрел новую метафору, хотя, надо сказать, сходство с собачкой весьма сомнительно. Я сначала не мог ответить на вопрос, который часто задают иностранцы, – почему именно собака, а потом придумал будку с собакой на длинной цепи, и это почему-то помогает, создает некий образ. Иностранцы поначалу недоумевают, но потом обреченно принимают странную русскую метафору. Вообще, многие языки называют этот значок именем

или иной мере используется не менее двух алфавитов (кириллица и те или иные варианты латиницы) и не менее двух языков. Названные черты сетевой коммуникации осложняют, «утяжеляют» общение, однако эти семиотические «перегрузки» усиливают интеллект и семиотическую компетенцию человека.

♣ Соберите теоретический материал об использовании различных знаков (в том числе эмотиконов) в интернет-коммуникации и сообщениях SMS. Подготовьте реферат или доклад на данную тему. Воспользуйтесь для этого статьёй М.Ю.Сидоровой «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?", или "На зеркало неча пенять…

Вершиной метаязыковой рефлексии пользователей, по мнению Мечковской, является игровая фонетизация письма. Одно из самых значительных проявлений повышенной метаязыковой рефлексии в Рунете связано с самостоятельным (не на филфаках, а в чатах) осознанием относительной раздельности звучания и письма. Русскоязычные «чатляне» радостно открыли для себя, что школьные муки с выбором буквы *А* или *О* в безударном слоге, *И* или *Ы* после *Ц* и т. п. — «напрасны», потому что выбор не влияет на звучание; что *яд* и *йад* произносятся одинаково; что *пруцца* ближе к реальному звучанию, чем *прутся*, и т. д. В Рунете распространилась мода на клишированные фразы и обороты в шутливой «фонетической» орфографии (которую ее сторонники иногда

животного: итальянский видит здесь улитку, немецкий – обезьянку, финский – кошку, китайский – мышку, в других языках мелькают хоботы и свинячьи хвосты. А собачку заметили только мы, такой вот особый русский взгляд. (М.Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007,с.15)

называют *албанским* письмом и с особыми сленговыми значениями: *Выпей йаду!* ‘отстань’; порицания: *Аффтар, убей сибя; падонки; пруцца; жывотное*; похвала: *Аффтар, пешы ещщо (*или *исчо)!; Аффтар жжот* (т. е. ‘зажигает’); *Ацкий сотона* ‘Адский сатана’; *Пазитиф!* ‘Отлично!’, *Готичьно (или Прекольно)* ‘Нормально, здóрово’; иногда с подключением латиницы: *Тсой жыff!;* написания без пробелов: *Ржунимагу; Фтему!* ‘согласен’; Фтопку! ‘К черту!’ и т. п. (цит. по: [Вернидуб 2005]). В Рунете в «албанской» орфографии написаны целые рассказы, или *криатиффы*, как их называют сами *аффтары*.

Таким образом, буквально на наших глазах рождается новая самостоятельная область исследования в рамках коммуникации – интернет-коммуникация.

Интернет – это не просто вопрос о новых технологиях, но проблема кардинальных изменений в жизни человека. Сетевой язык хотя и имеет схожие черты с письменной и устной речью, но, тем не менее, представляет собой совершенно новый феномен. В настоящее время, как уже было отмечено, можно говорить о появлении нового направления в лингвистике, которое получило название - Интернет-лингвистика [Сидорова, Шувалова 2006; Горошко 2007; Crystal 2011], а также об Интернет-дискурсе как об особом виде речевой деятельности.

Интернет-лингвистика — подраздел лингвистики, который был обозначен в работах Дэвида Кристала:

- Crystal, D. (2004). The Language Revolution (Themes for the 21st Century). United Kingdom: Polity Press Ltd. ISBN 0-7456-3312-9

- Crystal, D. (2006). Language and the Internet (2nd Ed.). Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-86859-4.

Этот подраздел занимается изучением новых форм употребления и использования языка, которые возникли под влиянием активного развития Интернет-пространства и иных «новых» средств передачи информации, таких как текстовые сообщения. Изучать интернет-лингвистику можно с точки зрения четырёх концепций: социолингвистической, образовательной, стилистической и практической.

В Интернете существует большое разнообразие материалов, в том числе таких, где происходит максимальное сближение устной и письменной речи. Прежде всего, это касается коммуникации онлайн. Аналогичная ситуация происходит и в мобильном общении, когда осуществляется двусторонняя связь. Устное речевое общение всегда предполагает наличие ситуации общения общую для всех участников коммуникации, а в случае интернет общения, такая ситуация совершенно необязательна.

Эта область лингвистики активно развивается не только за рубежом, но и у нас в России. На сегодняшний день мы имеем как минимум две монографии по интернет-лингвистике. В 2006 году вышли из печати монографии «Интернет-лингвистика: вымышленные языки», в которой М.Ю. Сидорова и О.Н. Шувалова рассматривают деятельность конлангеров (изобретателей вымышленных языков) в Интернете с точки зрения профессиональных лингвистов, и «Интернет-лингвистика. Русский язык: межличностное общение», которая посвящена

коммуникативной и языковой специфике Интернет-дневников, форумов и других форм межличностной виртуальной коммуникации. В свете растущего количества интернет-пользователей, будущее развитие интернет-лингвистики предопределено, так как появляются новые компьютерные технологии, и пользователи будут пытаться создавать новые способы общения в онлайн-пространстве. Интернет по-прежнему играет существенную роль как в создании новых языков, так и в отвлечении внимания от их использования.

С развитием онлайн-пространства появилась и такая новая область изучения этой науки, как **корпусная лингвистика**.

♣ ***Прочитайте доклад В.А.Плунгяна «Лингвистика корпусов», представленный во второй части учебного пособия, и постарайтесь найти в ней ответ на поставленный в заглавии вопрос.***

ЧАСТЬ 2.
СТАТЬИ И ОТРЫВКИ ИЗ РАБОТ

В.М. Алпатов

СТО ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ СБЫВАЮТСЯ ЛИ ПРОГНОЗЫ?

(Вопросы языкознания, 2003, №2, с.114-121)

Среди обширного и богатого идеями наследия И.А. Бодуэна де Куртенэ особый интерес именно сейчас вызывает статья «Языкознание, или лингвистика XIX века», впервые изданная по-польски в 1901 г. и в расширенном виде в 1904 г. Ее русский перевод вошел в известный двухтомник 1963 г. «Избранных трудов по общему языкознанию» И.А. Бодуэна де Куртенэ, т. 2, с. 3-18; на это издание (а точнее, на с. 16-18) мы будем в дальнейшем ссылаться (сейчас готовится новое издание трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, куда вновь войдет эта статья).

В статье, большая часть которой посвящена подведению итогов науки о языке XIX в., в наши дни особо актуальна ее заключительная часть, где выдающийся ученый делает развернутый прогноз из 17 пунктов, касающийся того, какой, по его мнению, будет наука о языке в наступающем XX веке. И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, одним из немногих среди классиков языкознания активно ставил вопрос о языковом прогнозировании, о необходимости изучать не только прошлое и настоящее, но и будущее языков. Этот принцип он распространил в данной статье и на лингвистическую историографию.

Сейчас, когда XX век только что кончился, можно рассмотреть предложенные около ста лет назад прогнозы и попытаться ответить на естественно встающий вопрос: что оправдалось, а что нет. Мы будем

последовательно разбирать пункты из статьи И.А. Бодуэна де Куртенэ, а также идущие после них три ненумерованных абзаца.

«В XX в. языкознанию придется решить следующие задачи:

1. До конца освободиться от схоластических взглядов, идущих от первоначальных грамматических опытов греков и римлян, а также от более позднего налета идей, рабски перенятых либо от индийских грамматиков, либо от грамматиков арабских и еврейских. В связи с этим существовавшая до сих пор лингвистическая терминология должна измениться коренным образом, измениться не только по форме, но и по существу, в том, что касается понятий».

Прогноз сформулирован не очень конкретно, но скорее всего можно утверждать, что сбылся он лишь частично. Понятия предложения, слова, части речи, имени, глагола и др., идущие от греков и римлян, оказались неустранимыми из лингвистического описания. XX век, однако (и здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ в некотором смысле прав), прошел под знаком многочисленных и разнообразных попыток уточнения этих понятий. Эти попытки не были свойственны лингвистике предшествующих веков и начались лишь в конце XIX в., в том числе в работах самого И.А. Бодуэна де Куртенэ. Ученый здесь, вероятно, экстраполировал в будущее этот процесс и в целом оказался прав. Что касается арабских и еврейских грамматиков, то на европейскую науку в целом (не говорим сейчас о семитологии) они прежде всего повлияли в одном отношении: от них идет идея о возможности членения слова на значимые части, понятия корня и аффикса. Но сам И.А. Бодуэн де Куртенэ значительно развил и уточнил эту идею, введя общее понятие морфемы. Объективно речь у него не шла об «освобождении до конца» от данного «налета идей» (хотя он,

может быть, субъективно того хотел). А из идей, пришедших от индийцев, уточнение понятия сандхи привело в XX в. к созданию морфонологии; индийское происхождение имеет и идея синтетического под хода к языку, преобразования смысла в текст, абсолютно не свойственная европейской лингвистике от античности до эпохи И.А. Бодуэна де Куртенэ включительно (риторика развивалась отдельно); в лингвистике XX в. эта идея, появившаяся уже у учеников И.А. Бодуэна де Куртенэ («активная грамматика» Л.В. Щербы), сыграла очень значительную роль.

И.А. Бодуэну де Куртенэ (как и многим его современникам и ближайшим потомкам) была свойственна недооценка «донаучного» языкознания до XIX в., см. например, крайне низкую оценку у него грамматики Пор-Рояля. Одним из редких исключений для него был Г.В. Лейбниц, о котором речь идет в следующем пункте. Но лингвистика XX в. во многом восстановила репутацию науки о языке XVIII в. и предшествующих веков; показательна, например, «вторая жизнь» грамматики Пор-Рояля с 60-х гг. XX в. Этого И.А. Бодуэн де Куртенэ не предугадал. Традиционные понятия в целом устояли, а некоторые из них вернулись в обиход лингвистики после временного забвения. Речь, разумеется, не шла о простом возвращении к старому.

«2. Осуществить мысль Лейбница и, в подражание естествоиспытателям, исходить всюду и всегда из исследования живых языков, доступных для наблюдения, и только потом переходить к рассмотрению языков, отраженных лишь в письменных памятниках древности».

Этот прогноз в целом оправдался. И структурная, и генеративная лингвистика XX в. развивались почти исключительно на материале

современных языков. Даже компаративистика XX в. достигла большинства успехов на материале языковых семей, не имеющих или имеющих в малых количествах письменные памятники древних эпох. Лишь сравнительно немногие достижения лингвистики XX в. (хеттология, тохаристика, дешифровка ряда письменностей) связаны с такими памятниками.

«3. Где только можно, применять метод эксперимента. Это лучше всего осуществимо в антропофонике, которая должна расширить объем своих наблюдений, включив, с одной стороны, звуки, издаваемые животными, а с другой стороны, языки с особенностями произношения, которые до сих пор оставались непонятными для нас. Таким образом, антропофоника, расширив область исследования, на деле станет наукой общей, строящейся на реальном базисе».

В целом этот прогноз также оправдался: в XX в. применение эксперимента в лингвистике значительно расширилось, и не только в упоминаемой И.А. Бодуэном де Куртенэ фонетике, но и в психолингвистике, полевой лингвистике и др. Здесь же речь идет более конкретно об антропофонике. Под этим термином И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, понимал изучение физических свойств и артикуляторных характеристик звуков речи; в XX в. в этом смысле установился термин «фонетика». Говоря об этой дисциплине, ученый оказался прав в целом и не всегда прав в деталях. Несомненно, фонетика, став экспериментальной дисциплиной в XIX в., сохранила этот характер и в XX в. Изучение звуков животных в XX в. также велось, однако, вне связи с «человеческой» фонетикой: стало ясно, что эти области слишком далеки друг от друга. Что же касается «возможностей произношения», то сто лет назад в науке еще не была преодолена идея, согласно которой люди разных рас обладают разными

произносительными возможностями. Наука XX в. окончательно (по крайней мере, так представляется сейчас) пришла к выводу о том, что строение голосового аппарата и акустика звуков универсальны для всех людей, а наличие щелкающих или фарингальных в одних языках при отсутствии в других - проблема фонологии, а не фонетики.

«4. В связи с этим становится необходимой замена знаков алфавита знаками транскрипции на основе анализа или разбора звуков различных языков».

Прогноз оправдался до такой степени, что современному лингвистически образованному читателю может даже показаться странным, зачем такие вещи вообще надо обсуждать. Однако сто лет назад даже многие фонетисты, записывая речь того или иного языка или диалекта, «слышали» буквы, а не звуки. Борьба со смешением звуков с буквами постоянно ведется в разных публикациях И.А. Бодуэна де Куртенэ. Теперь, конечно, в отдельных малопрофессиональных работах такое смешение встречается, но использование транскрипции уже давно общепринято.

«5. Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным».

Прогноз бесспорно оправдался. Примеры математизации лингвистики общеизвестны. Отметим лишь, что в отличие от четырех предыдущих прогнозов, так или иначе опиравшихся на уже существовавшие к концу XIX в. тенденции, здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ мог исходить лишь из способностей к предвидению или из опыта других, очень далеких от лингвистики наук. Всерьез проблема математизации лингвистики встала лишь в 40-50-е гг. XX века.

«6. Языкознание будет становиться все более точной наукой также в зависимости от того, насколько в его базисной науке, в психологии, будет совершенствоваться метод качественного анализа».

Впервые мы имеем прогноз, который скорее всего следует считать не оправдавшимся. «Метод качественного анализа» в психологии безусловно развивался в XX в., однако вряд ли это как-то сказалось на превращении лингвистики в более точную науку; последний процесс шел, но прежде всего по причинам, о которых говорится в предыдущем пункте.

В этом пункте мы в первый раз сталкиваемся с проблемой, которая отразится еще в нескольких пунктах; проблемой психологии как «базисной науки» лингвистики. И.А. Бодуэн де Куртенэ придавал этому очень большое значение, вспомним его определения фонемы и морфемы как единиц, реально существующих в человеческой психике Психологизм не был каким-то индивидуальным свойством его концепции, он был свойствен и главным его научным оппонентам - младограмматикам, и многим другим его современникам. Однако в первой половине XX в. развитие лингвистики пошло противоположно предсказаниям Ивана Александровича, считавшего усиление психологизма в лингвистике неизбежным. Антипсихологизм господствовал почти во всех направлениях структурной лингвистики, лишь немногие из видных ученых 20-30-х гг. XX в. отстаивали необходимость учета взаимоотношений языка и психики: К. Бюлер, А. Гардинер, Э. Сепир. Но во второй половине века ситуация изменилась. Это отразилось не только в формировании и развитии психолингвистики, но еще в большей степени в концепции Н. Хомского, предложившего считать лингвистику ветвью психологии

познания. Однако, разумеется, возврат к признанию психологических основ лингвистики происходит в форме, которую не мог предугадать

И. А. Бодуэн де Куртенэ.

«7. Исследование языковых фактов должно стать строго объективным, оно должно быть констатацией существенных фактов данной эпохи и данной языковой области без навязывания им чужих категорий».

Этот прогноз в целом оправдался, хотя, конечно, надо различать стремление к объективности и к отказу от навязывания чуждых категорий как стремление к идеалу и реальную исследовательскую практику. Первое сейчас общепринято (тогда как наука XIX и более ранних веков чаще всего просто не задумывалась над этим), а на практике вряд ли идеал до конца достигнут. Но в XX в. на пути к этому сделано много. Сто лет назад, например, в описании современных языков за пределами Европы господствовал жанр миссионерской грамматики, в котором в любом языке выделялись одни и те же части речи, грамматические категории и др. Наука XX в., начиная с «классического» структурализма, сделала много для выяснения того, что в языках универсально, а что является типологической особенностью тех или иных языков, например, языков Европы. Важным здесь также была разработка метода описания языков, особенно детальная у дескриптивистов.

«8. Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи».

Этот прогноз оказался абсолютно неверным в ближайшей, но во многом справедливым в более отдаленной перспективе. В структурной лингвистике психичность и социальность, не отвергаясь сами по себе, выводились за пределы объекта «внутренней лингвистики», а то и лингвистики вообще (особенно последовательно – в глоссематике и дескриптивизме). О психических основах мы говорили выше. О социальных основах речи писали в те годы либо продолжатели бодуэновской традиции (Е.Д. Поливанов), либо авторы, резко противостоявшие по идеям всем тенденциям развития науки того времени (В.Н. Волошинов - М.М. Бахтин). Однако лингвистика второй половины XX века в том или ином виде снимает ограничения,

установленные Ф. де Соссюром и его последователями. Впрочем, психичность и социальность может не признаваться одновременно: Н. Хомский связывает лингвистику с психологией, но весьма прохладно относится к внесению в лингвистику социологического компонента. С другой стороны, последний компонент значим не только в собственно социолингвистике, но и в лингвистике дискурса, прагматике и др.

«9. Понятие «звуковых законов» должно быть окончательно отброшено языкознанием и заменено его психологическим эквивалентом».

Этот прогноз не оправдался. Во всем научном творчестве И.А. Бодуэна де Куртенэ заметно очень личное отношение к термину «закон» в лингвистике, восходящее, по-видимому, ко времени его научного и личного расхождения с Н.В. Крушевским, в концепции которого понятие закона занимало очень большое место. Постоянно И.А. Бодуэн де Куртенэ выступал против данного понятия. Однако в лингвистике XX в. разработанное в XIX в. понятие звукового закона (и

шире, закона изменения в языке) сохранилось, хотя и не играет столь большой роли, как в предыдущем веке. Практическая работа компаративиста невозможна без некоторого представления о звуковом законе. Вопрос о психологическом эквиваленте звукового закона составляет часть вопроса о причинах изменений в языке и вместе с ним отошел в XX в. на периферию лингвистики, о чем будет сказано ниже.

«10. Исследуемые языки должны подвергаться всестороннему поэлементному анализу во всех возможных направлениях».

Прогноз оправдался. Структурная фонология и морфология разработала методику поэлементного анализа в соответствующих областях лингвистики, а генеративная лингвистика ведет эту разработку дальше, распространив ее и на синтаксис. Что касается направлений, то, например, в грамматике сто лет назад абсолютно господствовал один путь анализа: от слова вниз, к его частям, и вверх, к его сочетаниям. В науке XX в. был разработан и путь «снизу вверх», от морфем через слова (или без использования такого понятия) к предложениям, и путь «сверху вниз», от предложений к морфемам (последний путь одним из первых разрабатывал как раз И.А. Бодуэн де Куртенэ).

«11. Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления. Это должно привести eo ipso (само собой. - *В.Л.)* к искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом, предрассудка, вырывающего человека из среды других живых существ, а также к освобождению от мании величия, заключающейся в том, что строение «наших» языков считается вершиной морфологического развития в языковом мире.

Прогноз в целом не оправдался. Точнее, его можно разбить на три предсказания, из которых оправдалось лишь последнее, самое частное, о «вершине морфологического развития».

Лингвистическое мышление XX в., по крайней мере, большей его части, шло как раз в сторону отхода от идей развития и эволюции. Пожалуй, именно здесь, а даже не в психологизме, И.А. Бодуэн де Куртенэ более всего отличался от ученых последующих поколений. Задолго до Ф. де Соссюра он предложил разграничение статики и динамики в языке. Но если его статика сопоставима с соссюровской синхронией, то динамика значительно богаче содержанием, чем соссюровская диахрония: это не набор разрозненных фактов, а наука о закономерностях языкового развития. Но именно динамика в целом оказалась чужда лингвистике первой половине XX в. (хотя некоторые идеи, особенно принцип экономии, получили там некоторое развитие). Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ больше всего повлияли на нее в области статики, которую ученый считал лишь частным, предельным случаем динамики (прежде всего идеи о фонеме и морфеме). А Ф. де Соссюр столь повлиял на развитие науки именно тем, что открыл возможность развивать науку о языке, отвлекаясь от существования самой разработанной в те годы ее области – сравнительно-исторического языкознания, целиком сосредоточившись на считавшейся тогда «не вполне научной», «описательной» синхронии. Позднее появилась и структурная диахронная лингвистика, однако и она не пошла по пути, указанному И.А. Бодуэном де Куртенэ. В частности, она отказалась от понятий эволюции и развития, сосредоточившись на дискретных изменениях в языке и перестройке системы на их основе. Лингвистика конца XX в. уже не исходит из столь жесткого, как когда-то, разграничения синхронии и диахронии, однако трудно считать, чтобы

понятия развития и эволюции лежали в ее основе. Вообще проблема причин языкового развития, едва ли не главная для самого Ивана Александровича, а затем для его ученика Е.Д. Поливанова, ушла в XX в. на периферию лингвистики, хотя здесь иногда и появлялись значительные работы, например, «Принцип экономии в фонетических изменениях» А. Мартине. Эта проблема оказалась перенесенной на XXI век.

Не оправдался и прогноз об «искоренении» антропоцентризма. Пожалуй, этот тезис противоречит ряду других у И.А. Бодуэна де Куртенэ, в том числе и содержащихся в разбираемом нами тексте. Признание лингвистики психосоциологической наукой естественно сочетается с антропоцентризмом, а его «искоренение» в истории лингвистики как раз связано с подходом к лингвистике как естественной науке, которого И.А. Бодуэн де Куртенэ не принимал. После некоторых попыток такого «искоренения» в крайних направлениях структурализма мы видим полное господство антропо-

центрического, «менталистского» подхода в последней трети XX века. Н. Хомский, как известно, выдвинул концепцию о качественном различии человека и животных в связи с языком.

Подтвердился лишь частный прогноз о том, что окончательно уйдет в прошлое идея о том, что языки Европы с точки зрения морфологического развития – самые совершенные. Такая идея, очень распространенная в начале и середине XIX в., уже к концу этого века стала отвергаться, а в XX в. от нее отказались (хотя были и рецидивы вроде марризма).

«12. Понятие эволюции должно привести к допущению постоянных осцилляции, колебаний в строении языка (в области

сложных языковых форм: слов, выражений и предложений - переход централизации в децентрализацию и децентрализации в централизацию)».

Опять пример прогноза, неверного в ближайшей перспективе, но во многом верного в более отдаленной. По-видимому, И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду, что идея «осцилляции» должна заменить идею однонаправленного, стадиального развития, сильно скомпрометированную в XIX в. Однако лингвистика в течение большей части XX в. вообще почти не занималась исторической типологией, а отдельные ее идеи на этот счет скорее имели характер однонаправленного развития в смягченном виде: понятие дрейфа у Э. Сепира и др. Но так называемая функционалистская типология последней четверти XX в., особенно в США и России, начала разрабатывать как раз проблему, поднятую И.А. Бодуэном де Куртенэ: грамматикализация и деграмматикализация, движение от подлежащего к топику и в обратном направлении и т.д. Так что с сильной задержкой и этот прогноз начал сбываться.

«13. Лексиология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.».

Редкий термин «лексиология» (не лексикология!) встречается у И.А. Бодуэна де Куртенэ несколько раз, немного по-разному определяясь. Однако в энциклопедии Брокгауза и Ефрона он определял лексиологию как «науку о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема» [Бодуэн 1904: 519], при этом «построение отдельных слов и словоподобных единиц языка» здесь же отнесено к «морфологии в тесном смысле». В другой работе примерно тех же лет лексиологией названо «учение о словах как частях

речи и о разных категориях слов: грамматический род, виды глаголов и т.п.» [Бодуэн 1963: 32], а «представления, касающиеся строя слов и выражений», опять-таки отделены. Можно предполагать, что под «лексиологией» ученый имел в виду лексическую и грамматическую семантику слов. Если это так, то прогноз можно считать оправданным, хотя опять-таки не в ближайшей перспективе. Лексическая семантика сто лет назад существовала (если отвлечься от исторического аспекта) лишь в виде приблизительных, основанных на интуиции толкований в словарях. Первая половина XX в. выдвинула здесь некоторые идеи вроде компонентного анализа, но значительного продвижения вперед не было. Но в последние три десятилетия действительно начала складываться разработанная лексическая семантика, в том числе в нашей стране. Теперь уже можно считать, что «наука о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема» существует.

«14. Возможно, что будут обнаружены новые родственные связи между языками и группами языков и даже принципиально изменится взгляд на сущность межязыкового родства. Откроются совершенно новые горизонты. Имевшиеся до сих пор, в XIX в., попытки сопоставления в генетическом плане языков семитских и ариоевропейских или угро-финских и ариоевропейских не могли увенчаться успехом из-за отсутствия достаточных научных доказательств. Может быть, XX веку больше повезет в этом отношении. Одним из ближайших и первостепенных открытий в этой области является доказательство генетического родства группы семитских языков с кавказскими (грузино-мингрельскими) языками (открытие проф. Марра в Петербурге)».

Как и в случае предсказания 3, этот прогноз оправдался в целом при несовпадении с реальностью в частностях: Н.Я. Марр не сумел ничего доказать из того, что обещал. Кстати, к 1901 г. гипотеза о семитско-картвельском родстве существовала лишь в виде декларативных заявлений. Появившиеся позже более подробные публикации с конкретными примерами сразу разочаровали специалистов. Однако по сути И.А. Бодуэн де Куртенэ оказался прав. Если в XIX в. из областей компаративистики по-настоящему разработана была лишь индоевропеистика, то в XX в. произошли как многочисленные открытия в области установления родственных связей между неиндоевропейскими языками, так и существенное развитие исследований дальнего родства (ностратика). Горизонты действительно открылись (и гипотеза Н.Я. Марра в ее первоначальном виде была, как становится ясно сейчас, научно не обеспеченной догадкой, шедшей в правильном направлении). Не подтвердился лишь прогноз (на котором И.А. Бодуэн де Куртенэ явно категорически не настаивал) об изменении «взгляда на сущность межязыкового родства»: этот взгляд оказался принципиально тем же, что в XIX веке.

«15. Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией».

Опять мы имеем дело с прогнозом, который сейчас выглядит в большей степени оправдывающимся, чем в середине XX века. Вся первая его половина шла под знаком отделения лингвистики от других наук, выработки собственно лингвистических идей и методов. Кто-то с этим не был согласен: сам И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, Э. Сепир, но общая линия развития была такой. Однако последние

десятилетия мы видим все большее развертывание обратного процесса, и соединение языкознания с другими науками идет.

«16. Этимологические и семасиологические исследования окажут огромное влияние на психологию и дадут ей совершенно новый материал для выводов и обобщений».

Этот прогноз, пожалуй, не оправдался, хотя и здесь проблема сейчас актуальнее, чем несколько десятилетий назад. Вопрос о влиянии лингвистики на психологию, поднятый еще в 60-е гг. Н. Хомским, в основном переходит на XXI век.

«17. Наряду с двумя до сих пор известными видами знания, т.е. рядом с интуитивно-артистическим и аналитически-научным знанием станет третий вид знания – знание языковое».

Этот прогноз наиболее сложен для понимания. Что такое «языковое знание», И.А. Бодуэн де Куртенэ в данной статье не объясняет, но в энциклопедической статье 1904 г. он пишет об этом подробнее: «...Мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, з н а н и е я з ы к о в о е, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим. В каждом языке мы можем выделять и определять наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следовавших друг за другом в порядке хронологическом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни... В тесной связи с мышлением язык может воздействовать на него или ускоряюще, или замедляюще, или усиливающим, или подавляющим образом» [Бодуэн 1963: 79]. Далее в качестве примера разбираются членение мира в падежных системах различных языков и «применение закона

эгоцентризма» в языках. То есть языковое знание – это примерно то, что в современных исследованиях называется картиной мира, закрепленной в языке.

Изучение картин мира в науке XIX в. систематически не проводилось, хотя проблема была поставлена еще В. фон Гумбольдтом. На протяжении большей части XX в. оно также находилось на периферии лингвистики, хотя можно вспомнить и Э. Сепира, и Б. Уорфа, и работы В.И. Абаева 30-х гг. Однако сейчас эта проблема стала в лингвистике одной из центральных. Если считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду лишь изучение «языкового знания» в науке о языке, то прогноз можно считать подтвердившимся. Однако создается впечатление о том, что он имел в виду нечто большее: языковое знание войдет в некоторую общую теорию знания, где будет сопоставляться с другими видами знания; заниматься этим должна будет не лингвистика, а какая-то комплексная наука. Если понимать ученого так, то прогноз пока что не сбылся, а проблема переходит на XXI век. Примем компромиссное решение: прогноз сбылся частично.

Таким образом, можно подвести следующие итоги. У И.А. Бодуэна де Куртенэ 17 прогнозов, однако прогноз 11 состоит из трех прямо не связанных между собой частей и может быть разделен на три: по порядку их следования в тексте назовем их 11-1, 11-2, 11-3. Тогда у нас прогнозов будет 19. Из них полностью сбылись прогнозы 2, 4, 5, 7, 10, 11-3, то есть 6 из 19. Сбылись в конечном итоге (при том, что в первой половине века они не подтверждались) прогнозы 8, 12, 13, 15, то есть еще четыре. Частично сбылись прогнозы 1, 3, 14, 17. Не оправдавшимися можно считать лишь пять прогнозов: 6, 9, 11-1, 11-2, 16, то есть чуть более четверти. Если считать прогноз 11 за один, то он может быть отнесен к частично сбывшимся, тогда у нас из 17

прогнозов полностью сбылись пять, сбылись в дальней перспективе четыре, частично сбылись пять и не сбылись совсем лишь три. Процент «попадания» велик.

Безусловно, за сто лет приоритеты лингвистов не могли не измениться и не всегда мы можем считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ предугадал действительно самое важное из того, что потом произошло в лингвистике. Однако многое он предсказал правильно, и особенно примечательно, что он предугадал кое-что из того, к чему наука о языке пришла лишь во второй половине века.

Далее в статье идет фрагмент, где И.А. Бодуэн де Куртенэ уже не дает прогнозы о развитии науки, а высказывает свое представление о желательных изменениях в школьном и вузовском обучении языковым дисциплинам. Приведем его (им заканчивается статья):

«Но языкознание может принести пользу в ближайшем будущем, лишь освободившись от обязательного союза с филологией и историей литературы. Прежде всего университетские кафедры языкознания должны стать самостоятельными и объединиться скорее с кафедрами социологическими и естественно-научными, чем с филологическими. К этому должны подготовить низшая и средняя школы, в которых применение языковедческих знаний займет не последнюю роль. Но для достижения этого нужно покончить с представлением, будто наука о языке начинается с «мертвых» языков, а обучение иностранным языкам должно происходить при помощи перевода, без применения наглядного метода. В школах грамматическая терминология должна стать единообразной, а основой усвоения грамматических понятий должен служить «родной» язык или же другой, соответствующим образом усвоенный. Искусство использования языкового материала для

педагогических целей будет заключаться в осмыслении учениками бессознательных языковых процессов. Чтобы это могло осуществиться, в школах должно прежде всего прекратиться господство мракобесия, препятствующего проникновению в головы молодежи света настоящей науки – науки в ее современном понимании».

Не будем сейчас говорить о том, насколько соответствует идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ языковое обучение начала XXI века во всем мире. Скажем лишь о нашей стране, которую явно в первую очередь имел в виду ученый. Можно сказать, что его надежды оправдались лишь частично**,** причем в вузах и школах по-разному. Осужденное И.А. Бодуэном де Куртенэ объединение лингвистического образования с филологическим в целом оказалось у нас очень устойчивым при всех общественных переменах. Лишь на грани 50-х и 60-х гг. была проведена попытка создания собственно лингвистического образования: в ряде вузов были созданы особые отделения лингвистики, иногда при факультетах кибернетики, но чаще при филологических, однако с собственными программами, не включавшими**,** как правило, филологические дисциплины. Затем, однако, начался, откат, и от того времени сохранилось лишь отделение структурной (ныне - теоретической) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В 90-е гг. снова начали предприниматься попытки создания лингвистических отделений и факультетов, как правило, автономных.

Идея И.А. Бодуэна де Куртенэ об объединении **с** социологическими и естественно-научными кафедрами пока не осуществляется. В школе программа И.А. Бодуэна де Куртенэ частично начала осуществляться после 1917 г.: было ликвидировано

классическое образование, против которого он всегда выступал, значительно изменилось преподавание иностранных языков, в 20-е гг.

А.М. Пешковский, М.Н**.** Петерсон и другие наши выдающиеся ученые много делали для того, чтобы школьное преподавание русского языка стало более научным. Однако их деятельность имела лишь частичный успех, а в последующие десятилетия во многом произошел и откат назад. Сейчас вновь стоит вопрос о переменах в обучении, причем иногда эталоном начинают считать ситуацию предреволюционных лет, можно слышать даже призывы к восстановлению классического образования. Кому-то может даже показаться странным, что столь крупный ученый как раз боролся против традиций времен «серебряного века», однако у него были для этого основания. Во всяком случае и здесь идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ оказываются актуальными. По данной публикации И.А. Бодуэна де Куртенэ см. также статью А.Е. Кибрика [Кибрик 1995], выводы которого близки к нашим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодуэн 1904 - *Бодуэн де Куртенэ ИЛ.* Языкознание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81**.** СПб., 1904.
Бодуэн 1963 - *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию**.** Т. 2. М.,1963.
Кибрик А.Е. 1995 - Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ**.** Сер. 9: Филология**.** 1995. № 5.

Вяч. Вс. Иванов

ЛИНГВИСТИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ. II (М., 2004. - 208 с.). Глава 21. **Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук.**

Электронная версия: http://www.philology.ru/linguistics1/ivanov-04a.htm

С самого начала моих размышлений о языке и языкознании (после того как я в 1947 г. прочитал Соссюра и Сепира) я стал думать о соотношении этой науки с более общими занятиями знаками (семиологией Соссюра, нынешней семиотикой, в «тартуско-московской» школе в 1960-1980-е гг. составившей главный предмет наших обсуждений). Стало ясным, что язык как абстрактная система знаков входит в число объектов, изучаемых логической семиотикой и теми областями логики, которые составляют особую математическую дисциплину. В то время, когда в Праге вырабатывались перенятые нами четверть века спустя в студенческие и аспирантские годы принципы подхода к структурному описанию фонологической и грамматической систем языка, Венский кружок намечал более широкое понимание языка, вслед за Карнапом развитое Рейхенбахом в книге, где языковые категории рассмотрены с точки зрения математической логики. Мы пытались усвоить выводы из работ этих ученых, а потом и продолжить их занятия в тот период, когда я вместе с В. А. Успенским и П. С. Кузнецовым затеял университетский кружок по математической лингвистике. В те годы (1957-1958) один из главных семинаров, где мы занимались вместе с такими логиками, как Д. А. Бочвар (в его институте, где его предметом исследований была химия), был посвящен тщательной проработке книги Карнапа о логическом синтаксисе языка [167]. Одним из первых значимость этой линии исследований для языкознания оценил Ельмслев. В кругу связанных со мной молодых лингвистов, начинавших в первые годы после смерти Сталина свободные занятия наукой, прямым последователем Ельмслева и переводчиком его главного труда был умерший молодым исключительно одаренный Ю. К. Лекомцев. Первым из нас он основательно изучил некоторые разделы математики и пробовал применить их в лингвистических и семиотических занятиях [168]. Несомненной заслугой многих лингвистов (главным образом русских и американских), которые работали на перекрестке этих наук во второй

половине XX в., было выяснение применимости ряда понятий математической логики к изучению естественного языка [169]. Предпринятый в нескольких течениях русской науки (математической лингвистики в том очень широком смысле, в каком она тогда у нас понималась) и американской порождающей грамматики и порождающей семантики опыт перенесения принципов построения формальной системы на естественный язык полезен не столько по непосредственным результатам (сказавшимся главным образом в прояснении многих вопросов синтаксической структуры), сколько как некоторая модель возможной будущей науки (пока еще никак не построенной). Обозначившееся в США противопоставление порождающей грамматики, увлекшейся формализмом и иногда внешней кажущейся математикообразностью рассуждений, и содержательно более богатой функциональной лингвистики как бы символизирует две дороги, которые непременно должны соединиться. Функциональная лингвистика научится более строгим и точным методам доказательств, а некоторые части наследия порождающей грамматики (которая как теория, претендовавшая на не оправданную фактами языка универсальность, скорее всего, не найдет продолжения) соединятся с данными вновь описываемых языков.

Связи языкознания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий. Можно надеяться, что от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания.

Следуя мыслям того же Колмогорова, которые он не раз излагал в переписке и разговорах, можно было бы разделить математику (и отдельные входящие в нее дисциплины), науки об общих идеях (примерами которых может быть информация и сложность), которые достаточно абстрактны, чтобы объединить несколько разных областей, но при этом лишены отвлеченности математики, и конкретные сферы исследования.

Общие идеи по мере того, как их изложение становится более абстрактным, частично могут пересекаться с определенными разделами математики. Как не раз напоминал в своих публикациях на эту тему В. И. Арнольд, с математической точки зрения Рене Том занимался просто теорией особенностей, но сфера приложения теории катастроф (в том числе и к языку, о чем у Тома есть специальная работа [170]) гораздо шире. Том хотел использовать язык топологии для прояснения семантики нескольких употребительных глаголов. Настаивая на том, что связи лингвистики и математики не лежат исключительно или главным образом в сфере числовых характеристик языка, Роман Якобсон отмечал, что одно из центральных понятий лингвистики в его понимании - инвариант - находит наиболее адекватное представление в топологии.

Опять-таки, возвращаясь к примеру Колмогорова, можно напомнить, что теория вероятности как математическая дисциплина входит в теорию меры [171]. Однако, например, применяя к изучению языка и речи (в том числе поэтической) вероятностные методы, мы мало думаем об основаниях теории вероятности, которые требуют знакомства с теорией меры. Можно надеяться, что наиболее плодотворным соприкосновением с математикой для лингвистики может оказаться именно поиск и выработка общих идей, объединяющих ее с другими науками. Кроме сказанного выше об информации убедительным примером может оказаться теория симметрии. Теория симметрии представляет собой приложение теории групп. В такой же мере, в какой по Янгу физика после Эйнштейна целиком строится на понятии симметрии, его аналог выдвигается на первый план и в синхронной и диахронической лингвистике. Здесь можно снова вспомнить Панини и его продолжателей, а возможно, и тех их предшественников, деятельность которых хотел реконструировать Соссюр. Та строго симметричная картина форм и категорий санскрита, которой мы им обязаны, отчасти самим языком, но едва ли не в большей степени его первоописывателями была достроена исходя из того принципа, который после структуралистов мы называем системностью и наличием структуры. С этим связано высокое эстетическое совершенство системы Панини. Возможность осуществления не менее эстетически привлекательных построений в диахронической лингвистике, в частности в «Мемуаре» Соссюра [172]

и в последующих теориях корня Бенвениста и Куриловича, в большой степени основывалась на использовании нескольких замечательных идей древнеиндийских грамматиков (классификация глагольных классов, разделение корней *set* и *anit*). Последовательное применение симметрии для внутренней реконструкции составляет отличительную черту книги Гельба о реконструкции протоаккадского [173]. Особой эстетической стройностью отличаются реконструкции праностратического, предложенные Илличем-Свитычем. Принципы симметрии лежат и в основе разных вариантов исследования аналогии в грамматических изменениях от младограмматиков до Куриловича [174]. Основные достижения разных школ психофонетики и фонологии (в частности, якобсоновских двоичных различительных признаков) и тех геометрических представлений систем фонем, которые начал еще князь Трубецкой, и грамматических значений (падежей по Якобсону) также можно изложить как описание симметрических отношений. В работах по симметрии давно уже приводятся в качестве примеров такие семантические противопоставления, как «левый» и «правый» [175]. Мне думается, что именно на этом пути можно найти решение едва ли не самых сложных проблем семантического исследования. Переделывая (но, быть может, с большим основанием) высказывание, касавшееся предельно общих вещей (мира в целом), я бы рискнул сказать, что *лингвистика спасется красотой* (самого предмета исследований и того, как можно суметь его представить в наиболее адекватном описании).

При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, пограничную не только с психологией и философской прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и соответственно вырастает роль субъективного начала. Антропный принцип, утверждающий потенциальную значимость будущего наблюдателя с самого начала той Вселенной, в которой мы живем, среди нескольких возможных следствий может иметь семиотические и лингвистические: предполагается наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и соответственно эволюция, направленная на то, чтобы их выработать. Хокинг формулирует следствия из слабой версии антропного принципа как обусловленную структурой Вселенной

возможность задавания ее разумными обитателями и наблюдателями вопросов о ее устройстве [176]. Тем самым предполагается наличие у них и разума, и способов выражения и обсуждения мыслей, основанных на наблюдениях.

Выявление закономерных повторов в развитии («волн» или циклов) особенно важно для прогнозирования будущего (по отношению к языку немногие опыты предвидения будущего, например, английского языка у Сепира и русского у Поливанова и Петерсона, при их успешности остаются единичными, как и единократным было участие крупных лингвистов - князя Трубецкого, Сепира, Есперсена - в планировании международного языка, который в глобальном мире не получает пока поддержки [177], ср. об этом выше).

Науки о человеке изучают его поведение, в том числе и речевое, в пространстве-времени макромира. Некоторые аспекты оказываются близкими социальной физике, выводы которой существенны, например, для описания сложения человеческих коллективов.

Согласно замечательной мысли Соссюра, пока еще не получившей достаточно плодотворного развития, лингвистика и другие семиотические дисциплины, оперирующие, как и экономика, категорией ценности, именно поэтому должны строго разделять синхронный срез и диахронию. Но, как и по отношению к биологической и социальной эволюции человека, особую значимость (в том числе и для прогнозирования будущего) приобретает выявление в синхронном состоянии языка архаических черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного.

По мере того, как убыстряющийся технологический прогресс может вести ко все увеличиваюшимися появлению новых языковых элементов, иногда затрудняющих понимание для непосвященных (см., например, выше о сокращениях), кажется все более важным выявление универсальных принципов языковой структуры, которые должны сохраняться при преобразовании существующих языков и при проектировании новых (в том числе искусственных). Если согласно новейшим исследованиям именно развитие языка и символики других знаковых систем (семиосферы) было основой для сдвига в выработке технических средств (техносферы) у предков современного человека

[178], то и последующая эволюция всей техносферы может зависеть от ноосферы и семиосферы, прежде всего от состояния и изменения естественных и искусственных языков.

Отрывок из нобелевской лекции И.Бродского (1987).

<…> независимо от соображений, по которым он (человек – М.М.) берется за перо, и независимо от эффекта, производимого тем, что выходит из под его пера, на его аудиторию, сколь бы велика или мала она ни была, - немедленное последствие этого предприятия – ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оного, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено. Зависимость эта – абсолютная, деспотическая, но она же и раскрепощает. Ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом – то есть всем лежащим впереди временем. Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя он часто и надеется, что стихотворение его переживет, пусть не надолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку...

Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом <…>

Т. Н. Хомутова
НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ
Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.

В статье рассматривается понятие ‘парадигмы’ в историографии науки, анализируются понятия ‘парадигмы’, ‘дисциплинарной матрицы’, ‘эпистемы’, ‘стиля мышления’ и ‘научно-исследовательской программы’ в их применимости к гуманитарному знанию, приводятся различные системы парадигм в лингвистике,

исследуется современная когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания, намечаются перспективы перехода к интегральной парадигме описания языка.

Ключевые слова: научная парадигма, когнитивно-дискурсивная парадигма, интегральная парадигма, лингвистика.

Введение

В последнее время в лингвистической литературе признаком научности и эрудиции стало употребление терминологического сочетания ‘научная парадигма’, которое фактически превратилось в своеобразную «проформу», заменяющую собой различные понятия.

Как правило, в лингвистике научной парадигмой называют какой-либо метод, теорию или подход к изучению языка, что не совсем точно отражает смысл, вкладываемый в понятие парадигмы его автором Т. Куном[1]. По данным С. Маасен и П. Вейнгарта[2], только около 10 % авторов научных статей в области гуманитарного знания, в заглавии которых есть слово ‘парадигма’, ссылаются на Т. Куна.

В связи с этим представляется актуальным рассмотреть историю возникновения и развития понятия ‘научная парадигма’, его семантический диапазон, применимость к лингвистическим исследованиям, существующие парадигмы лингвистического знания, а также современную парадигму описания языка.

История вопроса: парадигма – дисциплинарная матрица – эпистема – стиль мышления – научно-исследовательская программа

Понятие научной парадигмы было введено в научный обиход американским историком Томасом Куном. В своем труде «Структура научных революций» Т. Кун раскрывает глубокие связи науки и общества в их историческом развитии[3]. Т. Кун разработал понятие научного сообщества как логического субъекта научной деятельности. Научное сообщество у Т. Куна имеет *единую систему стандартов – парадигму*, которую исследователь может принять без доказательств. Парадигма – это *научные достижения, признанные* всеми членами научного сообщества и являющиеся *моделью постановки проблем и их решения*[4]. Парадигмы включают законы, теории, способы применения, необходимое оборудование. Формальными признаками научного сообщества выступают концептуальные модели, общие утверждения, ценностные установки, образцы решения конкретных задач и проблем[5]. Такой подход означает подход к науке как *традиции.*

Основной формой существования науки, по Куну, является нормальная наука, в которой ученые работают в русле одной парадигмы. Они не создают новых теорий, а углубляют и расширяют

имеющиеся знания. Однако в процессе развития научного знания возникают кризисные ситуации, требующие пересмотра парадигмы. В таких условиях нормальная наука порождает экстраординарную науку, в рамках которой происходит переосмысление существующей парадигмы и переход к новой в результате научной революции. По мнению Т. Куна, выбор новой парадигмы не является однозначно детерминированным, а осуществляется в значительной степени случайно под воздействием посторонних факторов. Т. Кун сравнивает это явление с возникновением новой религии, как иррациональный акт веры.

Во втором издании своей книги Т. Кун сужает понятие парадигмы до *образцовых (достойных подражания) достижений прошлого* и вводит новое понятие *дисциплинарной матрицы*, под которым он понимает *всю совокупность убеждений, ценностей и приемов, разделяемых членами данного сообщества*[6], то есть фактически заменяет им первоначальное понятие парадигмы. Следует отметить, что терминологическое сочетание ‘дисциплинарная матрица’ не получило признания в научном сообществе и практически не используется, в то время как термин ‘парадигма’ перешел в разряд эпонимов[7].

Хотя Т. Куну не удалось раскрыть механизм формирования новых теорий и взаимодействия нормальной и экстраординарной науки, его концепция смены научных парадигм внесла существенный вклад в историю и философию науки.

Одновременно с парадигматическим направлением Т. Куна во Франции развивается эпистемологическое направление в историографии науки, основоположником которого стал философ, теоретик культуры и историк М. Фуко. По мнению М. Фуко возникновение и развитие различных теорий и гипотез определяется исторически изменяющимися *призмами видения* природных и социальных процессов. Эти призмы видения М. Фуко называет *эпистемами*[8]. Нетрудно заметить определенное сходство между парадигмами знаний Т. Куна и эпистемами М. Фуко.

Во второй половине XX века в связи с развитием истории науки было сформулировано еще одно общее для науки, искусства и языка понятие *‘стиль мышления, миропонимания’*, которое использовалось наряду с парадигмой Т. Куна и эпистемой М. Фуко. Под стилем мышления М. Борн понимает «общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке»[9]. Таким образом, будучи заимствованным физикой и историей науки, и без того многозначное

слово «стиль» получило еще одно значение *‘определенного периода в развитии науки с характерными для него идеями’*.

Дальнейшее развитие процессы изменения научного знания и формирования новых теорий получили в концепции *научно-исследовательских программ* английского философа венгерского происхождения И. Лакатоса[10]. И. Лакатос предложил в качестве основной единицы развития научного знания *научно-исследовательскую программу*.

Научно-исследовательская программа содержит «жесткое ядро», которое признается неопровержимым. В состав ядра входят философские принципы, которые рассматриваются в качестве эвристического основания. Программа имеет «защитный пояс», так называемую область «негативной эвристики», которая состоит из вспомогательных гипотез и соответствующих действий ученых, снимающих противоречия. В программу включается также область «позитивной эвристики», или свод методологических исследовательских правил, которые указывают на перспективность или бесперспективность дальнейшего исследования. Научно-исследовательская программа представляет собой не изолированную теорию, а *ряд модифицированных теорий, в основе которых лежат общие исходные принципы.*

Вытеснение одной программы другой происходит в результате научной революции. Выбор между программами осуществляется *рационально*, на основе того, что одна из программ признается прогрессирующей, а другая – регрессирующей. Прогрессирующая программа должна успешно предсказывать новые факты, а ее теоретический рост должен превышать эмпирический. Источником развития науки, по Лакатосу, выступает *конкуренция научно-исследовательских программ*. И. Лакатосу удалось объяснить непрерывность в развитии теоретического знания, его относительную независимость от эмпирического процесса развития науки в виде прогрессивного сдвига проблем, сопровождающегося ростом их эмпирического базиса.

Однако, несмотря на явные преимущества теории научно-исследовательских программ И. Лакатоса над парадигмой Т. Куна, эпистемой М. Фуко, стилем мышления М. Борна, научное лингвистическое сообщество предпочитает использовать привычное понятие *научной парадигмы* в ее первоначальной трактовке как *признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений*[11]. Это можно объяснить как удобством использования известного понятия ‘парадигма’ в применении к лингвистике, его краткостью, так и определенной инертностью

мышления, а, возможно, и недостаточной информированностью ученых. Фактически же под парадигмой в лингвистике понимают определенный подход, теорию или метод лингвистического исследования, получившие широкое признание в лингвистическом сообществе.

Научная парадигма по Т. Куну и гуманитарное знание

Весьма важным для определения парадигмы знания является его отнесенность к естественному или гуманитарному типу. У Т. Куна научное знание развивается по-разному в «научных» и «ненаучных» дисциплинах. Научные (естественные) дисциплины развиваются в рамках единой парадигмы, общей для всех членов научного сообщества, в то время как для «ненаучных» (гуманитарных) дисциплин характерно множество одновременно развивающихся методологических и концептуальных направлений и, как следствие этого, постоянная критика фундаментальных теоретических положений.

Т. Кун относил гуманитарные дисциплины к «ненаучным». Такого же мнения придерживаются и ряд других ученых[12].

Подобное отношение к гуманитарному знанию объясняется тем, что слово science (как в английской, так и во французской культурно-лингвистических средах) применяется, главным образом, для описания исследовательских практик естественных и точных наук, т. е. того, что И. Кант называл «чистым разумом». Иначе говоря, западные эквиваленты слова ‘наука’ уже содержат в себе невысказанное, но подразумеваемое дополнение – [о природе][13].

В данном случае, на наш взгляд, имеет место подмена общего понятия ‘наука’ понятием ‘естественные науки’, что вряд ли правомерно. «Наука – это сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания; включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира; обозначение отдельных отраслей научного знания»[14]. Это определение распространяется как на естественные, так и на гуманитарные науки. Безусловно, методы и аппарат естественных наук отличаются от методов и аппарата наук гуманитарных, что, тем не менее, не мешает относить последние к наукам.

Т. Кун признавал, что позаимствовал само понятие парадигмы из гуманитарных наук. Что касается его применения по отношению к гуманитарным наукам, то, по мнению Т. Куна, это возможно только в аспекте их общего развития как последовательности *периодов развития в рамках определенной традиции*, прерываемых новыми

нетрадиционными включениями. В аспекте же единства взглядов, так называемого научного консенсуса, ни одна из гуманитарных наук, по мнению Т. Куна, не имеет ничего подобного по сравнению с «настоящими» науками.

Это дает повод как для резкой критики самой идеи применения понятия парадигмы к истории лингвистики[15], так и для определенных сомнений в применимости этого понятия к лингвистике современной[16].

Следует отметить, что замечание Т. Куна об отсутствии единой парадигмы и множестве методологических и концептуальных направлений в гуманитарных науках не лишено оснований. Подобная множественность вызвана объективными причинами, прежде всего, сложным объектом исследования (человек, язык, общество, культура и т. д.), не предполагающим однозначного толкования. Мы считаем, что в силу этого понятие парадигмы гуманитарного знания не может быть столь закрытым, как понятие парадигмы естественного знания, и должно учитывать объективную множественность. На наш взгляд, перефразируя Т. Куна, парадигма гуманитарного знания – это *признанные частью научного сообщества научные достижения, которые в течение определенного времени дают этой части научного сообщества модель постановки проблем и их решений.* Исходя из этого, представляется вполне правомерным говорить о полипарадигмальности гуманитарного, в том числе лингвистического, знания.

Парадигма в лингвистике

Идеи Куна оказали большое влияние на историографию лингвистики. Одни лингвисты применяли понятие парадигмы ко всей истории развития языка от античности до наших дней. По мнению других лингвистов, первая по-настоящему научная парадигма в лингвистике появилась в начале XIXвека, поэтому понятие парадигмы применимо только к лингвистике XIX–XX и далее веков[17].

Что касается количества парадигм в лингвистике, этот вопрос остается открытым. Традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую.

«Сравнительно-историческая парадигма была первой парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под эгидой этой парадигмы. При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово», – пишет В. А. Маслова[18].

По мнению А. М. Ломова, системно-структурная парадигма основывалась на допущении, что элементы языка могут быть

квалифицированы с достаточной полнотой и необходимой строгостью, если будут рассматриваться как составные части более широкого универсума, представляющего собой некую систему и определяющего наиболее существенные свойства каждого отдельно взятого элемента. Это означало перенос центра тяжести в лингвистическом исследовании на языковую имманентность и потребовало жесткого ограничения языка от всякого рода смежных феноменов (прежде всего – культуры, человека, общества)[19]. Язык рассматривался по Соссюру «в самом себе и для себя».

Кризис изоляционистских представлений привел лингвистику к необходимости изучения языка во всем многообразии его внешних связей, связей с человеком, культурой, обществом. Антропоцентризм стал характерной чертой современных лингвистических исследований.

Антропоцентрическая парадигма (номинативно-прагматическая парадигма у А. М. Ломова), по мнению В. А. Масловой, переключает интересы исследователя с объекта на субъект познания, анализируется человек в языке и язык в человеке. В качестве основных направлений, формирующихся в рамках данной парадигмы, называются когнитивная лингвистика и лингвокультурология[20].

Антропоцентризм, безусловно, является отличительной чертой современной лингвистики, однако возведение его в статус парадигмы ставится под сомнение некоторыми учеными на том основании, что он считается онтологической, а не методологической установкой[21].

Ю. Н. Караулов пишет об исторической, психологической, системно-структурной и социальной научных лингвистических парадигмах[22]. В рамках социальной (коммуникативной) парадигмы выделяется целый ряд направлений: антропоцентрическое, социолингвистическое, когнитивное, психолингвистическое, лингвокультурологическое, которые так или иначе связаны с текстом и речевой деятельностью. Очевидно, что четыре лингвистические парадигмы Ю. Н. Караулова могут быть сведены к упомянутым выше трем традиционным парадигмам лингвистического знания по В. А. Масловой путем объединения психологической и социальной парадигм в антропоцентрическую.

Вместе с тем, анализ традиционных парадигм показывает, на наш взгляд, их неоднородность. Так называемая «сравнительно-историческая парадигма» представляет собой отдельный, хотя и очень важный, метод исследования языка, в то время как системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы включают не только различные методы исследования, но и разное понимание самой природы языка.

Известный американский ученый в области дискурсивного анализа Д. Шифрин выделяет только две парадигмы лингвистического

знания: формальную (структуралистскую) и функциональную (интерактивную), в основе которых лежат разные представления о природе языка, методах исследования и целях лингвистического анализа[23].

Функциональная парадигма, по Д. Шифрин, базируется на двух основных положениях: (а) язык имеет функции, которые по отношению к самой языковой системе являются внешними; (б) внешние функции оказывают влияние на внутреннюю организацию языковой системы. Эти положения отличают функционализм, с одной стороны, от тех подходов, которые не учитывают внешних языковых функций и ограничиваются исследованием только внутренних функций языковой системы, а, с другой стороны, от формализма. Функциональная парадигма в терминологии Д. Шифрин соответствует антропоцентрической парадигме по В. А. Масловой.

Формальная парадигма, по Д. Шифрин, хотя и признает наличие у языка социальных и когнитивных функций, отрицает их влияние на внутреннюю организацию языковой системы. Для формальной парадигмы, по Д. Шифрин, которая соответствует системно-структурной парадигме в терминологии других авторов, характерны автономность и модульность.

В ходе анализа дискурса Д. Шифрин приходит к выводу о том, что ни формальная, ни функциональная парадигмы, взятые сами по себе, не могут дать исчерпывающее описание дискурса. Она выдвигает идею о необходимости синтеза двух парадигм в формально-функциональную парадигму, или формально-функциональный подход к анализу дискурса[24].

Таким образом, говоря о парадигме в лингвистике, следует признать, что большинство ученых-лингвистов понимают ее как *метод, подход или модель постановки проблемы и ее решения*, то есть так, как Т. Кун понимал дисциплинарную матрицу. А поскольку в лингвистическом сообществе в силу сложности объекта исследования решить все проблемы с помощью какого-то одного метода или подхода весьма сложно, то и сама *лингвистика* по определению *полипарадигмальна.*

Современная парадигма лингвистического знания

Характеризуя современную парадигму научного знания, которая пришла на смену генеративизму в лингвистике второй половины XX века, разные авторы называют ее по-разному: функциональная, формально-функциональная[25], коммуникативная, когнитивная, коммуникативно-когнитивная, когнитивно-коммуникативная[26], когнитивно-дискурсивная[27], коммуникативно-деятельностная[28] и т. д. Как следует из приведенных определений, практически все они

включают несколько составляющих, что свидетельствует о множественности используемых подходов к исследованию языка.

По мнению Е. С. Кубряковой современная парадигма знания провозглашает *синтез когниции и коммуникации*, а избранная исследователем форма когнитивно-ориентированного или коммуникативно-ориентированного анализа является лишь «условностью описания», поскольку синтезируемые когнитивно-дискурсивной парадигмой установки когнитивизма корректируются в ней с учетом исходных положений парадигмы коммуникативной[29].

Е. С. Кубрякова выделяет общие, присущие всем функциональным и когнитивным направлениям современной лингвистики, «нетождественным теориям о сути языка» черты[30], которые, хотя и преломляются в этих теориях по-разному, формируют единые исходные теоретические и методологические установки при исследовании естественного языка, так называемую единую «дисциплинарную матрицу», по Т. Куну. Эти установки представляют собой определенный фундамент исходных знаний и «порождающую среду» для идей и концепций в области современной лингвистики[31].

Е. С. Кубрякова выделяет следующие четыре принципиальные установки для всех школ и направлений, относимых к современной лингвистической парадигме[32]:

1) экспансионизм, проявляющийся в выходе лингвистики на связи с другими науками, а также в интеграции нескольких смежных наук и укрупнении отдельной большой науки;

2) антропоцентризм, в соответствии с которым научные объекты изучаются с позиций их роли для человека, при этом антропоцентризм может принимать в различных лингвистических направлениях нетождественные формы;

3) функционализм (или неофункционализм), при котором центральной проблемой науки становится изучение функций объекта исследования, его назначения;

4) экспланаторность, трактуемая как тенденция современной лингвистики найти определенное объяснение внутренней организации языка, его отдельным модулям и т. д.

Таким образом, Е. С. Кубрякова искусно разводит понятия ‘парадигмы’ и ‘дисциплинарной матрицы’. На наш взгляд, под парадигмой она понимает признанные научным сообществом достижения, то есть теории (когнитивную и коммуникативную), а под дисциплинарной матрицей – единую модель постановки проблем и их решений, то есть методологические принципы.

Интеграция когниции и коммуникации в новой лингвистической парадигме требует новых подходов к исследованию языка, определяет важность формирования нового понятийно-терминологического

аппарата для его описания. Необходимость использования достижений когнитивистики при этом очевидна.

По мнению Е. Кубряковой, разделяющей точку зрения Я. Ньютса, исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное[33]. В настоящее время многочисленные лингвистические исследования проводятся в рамках когнитивной лингвистики, претендующей на роль новой общей теории языка.

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что когнитивное направление – *не единственный* «опорный пункт» в исследовании языка, это одно из многих возможных направлений, таких как коммуникативное, культурологическое, социальное, структурное и т. д., которые только *вместе взятые* и могут дать адекватное описание и объяснение языка.

Интеграция научного знания

Наука отражает качественное разнообразие мира. Изучая отдельные стороны бытия, наука обладает фрагментарностью. Каждая научная дисциплина имеет специфический предмет и методы исследования. Единство мира проявляется в процессе интеграции научного знания, в его междисциплинарных связях.

Развитие науки и научного знания происходит в единстве процессов дифференциации и интеграции. Резкий рост объектов доступных для научного изучения, аналитический подход к действительности приводят к тому, что в настоящее время насчитывается не менее 15 тысяч различных научных дисциплин[34].

Не вызывает сомнения тот факт, что дифференциация научного знания позволяет более глубоко изучить отдельные аспекты действительности. Так, лингвистика включает фонетику, фонологию, морфологию, синтаксис, лексикологию, стилистику, лингвистику текста, психолингвистику, социолингвистику, прагмалингвистику и целый ряд других дисциплин, изучающих язык с различных точек зрения.

Однако наряду с позитивными моментами дифференциации существует опасность разложения единой научной картины мира, превращения науки из целостной системы знания в суммативную. Во избежание этого в науке усиливаются интегративные тенденции, в основе которых лежит философский принцип единства мира. Интеграция проявляется, в частности, в организации исследований на стыке смежных наук, в разработке междисциплинарных научных методов, в поиске объединительных теорий, в изменении самого принципа выделения научных дисциплин[34].

Глобализация науки с неизбежностью привела к формированию *нового интегрального подхода*, целью которого является синтез на-

учных парадигм различных областей знания, таких как психология, когнитивистика, социология, философия, лингвистика, теология, естественные науки и т. д.

Основоположником интегрального подхода считают *Кена Уилбера*, американского философа и психолога[35].

Интегральный подход К. Уилбера

В качестве интегрального метода К. Уилбер использует *метод «ориентирующих обобщений»*. Метод ориентирующих обобщений проводит параллели между поведением органических, неорганических и общественных систем, выявляет изоморфоные модели и общие характеристики систем с целью выработки теоретических положений, применимых в различных научных областях. К. Уилбер использует «ориентирующие обобщения» с целью выработать интегральные объяснительные принципы для построения новой интегральной теории в общем цикле развития научного знания.

Основой нового интегрального подхода К. Уилбера является *«всесекторная, всеуровневая» модель AQAL* (“all quadrantsall levels”), которая, по мнению автора, обладает минимальной степенью усложненности, необходимой для обеспечения чего-либо близкого к подлинной интегральной науке. Эта модель построена на основе аналитико-синтетической обработки более чем 200 общепринятых иерархий и систем из различных сфер деятельности человека и включает пять принципиально неупрощаемых компонентов, которые, по мнению К. Уилбера, необходимо учитывать в любой интегральной модели (секторы, уровни, линии, состояния, типы).

Основополагающим компонентом интегральной модели К. Уилбера являются *секторы.* Идея К. Уилбера заключается в том, что каждое событие имеет *четыре измерения опыта*, а именно, каждое событие можно рассмотреть с точки зрения «я» (или того, как лично я воспринимаю и ощущаю это событие), с точки зрения «мы» (или того, как не только я, но и другие воспринимают это событие), с точки зрения «оно» (или индивидуально-объективных фактов этого события) и с точки зрения «они» (или коллективно-объективных фактов этого события). К. Уилбер называет все эти измерения секторами.

На основе анализа данных фактографического поиска К. Уилбер приходит к выводу, что каждое из разнообразных описаний естественного хода развития попадает в один из четырех секторов и далее в рамках этих секторов наблюдается согласование стадий или уровней.

Таким образом, секторы рассматриваются как четыре базовые точки зрения, которые необходимо учитывать в стремлении наиболее полно и точно изучить какой-либо объект. Интегральный подход,

учитывая все эти точки зрения, становится тем самым *всеохватывающим и эффективным.*

Открытие глубинной структуры, объединяющей указанные элементы, и является главным достижением интегрального подхода. При этом следует принимать во внимание и все остальные элементы интегральной модели, присутствующие в секторах, а именно линии, уровни, состояния и типы. В этом заключается суть интегрального подхода и интегральной модели «все секторы, все уровни, все линии, все состояния, все типы», в сокращенной версии «все секторы, все уровни», или AQAL ("all quadrants, all levels").

По мнению К. Уилбера, интегральная модель является наиболее полной и точной из имеющихся сегодня, она затрагивает все основы, индексирует любую деятельность, ускоряет междисциплинарное и наддисциплинарное познание, облегчает взаимопонимание, создает интегральное образовательное сообщество и, таким образом, представляет собой ключ к ускорению эволюции человека[35].

Интегральный подход К. Уилбера есть не что иное, как *интегральная «матрица» современного научного знания* в терминологии Т. Куна (слово «дисциплинарная» в данном случае неуместно, поскольку дисциплинарной она становится при наполнении ее конкретными методами той или иной науки). В настоящей работе, во избежание излишней наукообразности, мы будем использовать термин «интегральная модель» и «интегральный подход» для характеристики методологических принципов К. Уилбера.

Интегральный подход успешно используется в современной медицине, психологии, политике, математике, искусстве, образовании и других областях человеческого знания[36].

Интегральный подход в лингвистике

Развитие лингвистической науки на современном этапе также характеризуется поиском нового «интегрального» подхода, формированием новых парадигм знания, предполагающих отход от идей «структурной» парадигмы.

Р. Г. Пиотровский, один из основоположников отечественной лингвистической синергетики, так характеризует современное состояние лингвистики: «Современное языкознание представляет сегодня мозаику фактов, частных экспериментов, устоявшихся штампов и <…> набор гипотез, каждая из которых объясняет системные отношения внутри отдельных грамматических, фонетических, лексических и других лингвистических совокупностей. Можно считать, что современная лингвистическая теория успешно реализует известный принцип дополнительности. Однако постоянно эксплуатировать принцип дополнительности наука не может, поскольку он блокирует поиски и

выявление единых глубинных механизмов, обеспечивающих функционирование и развитие данного системного объекта действительности»[37].

По мнению ряда зарубежных ученых, основная проблема современной лингвистики заключается именно в том, что представить ее объект в виде автономного образования очень сложно (Ж. Деррида, Дж. Джозеф и др.)[38]. Это подтверждает мысль о том, что все в мире взаимосвязано, *язык представляет собой сложный интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте.*

На необходимость интегрального подхода в отечественной лингвистике впервые указала Е. С. Кубрякова, которая в результате глубокого анализа современного состояния лингвистической науки пришла к выводу, что в концепциях различных школ и направлений, выступающих с критикой «генеративного» подхода к языку, обнаруживаются попытки продвижения в сторону новой интегральной парадигмы знания, функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей выход за пределы формализованной концепции языка[39].

В основе интегральной парадигмы, по мнению Е. С. Кубряковой, лежит *когнитивно-дискурсивный подход* к языку и языковым объектам, который предполагает комплексное междисциплинарное исследование с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания[40].

Когнитивно-дискурсивный подход признает двумя главными функциями языка когнитивную и коммуникативную и преследует цель «изучать эти функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом»[41].

Когнитивная составляющая данной парадигмы позволяет анализировать типы знаний/информации, вербализуемых в научном тексте, и стоящие за ними ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату с учетом прагматической направленности текста, интенций автора и особого контекста коммуникативного акта[42].

Думается, что предложенные Е. С. Кубряковой когнитивно-дискурсивную парадигму и дисциплинарную матрицу, объединяющую такие черты, как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность, можно в определенной мере назвать *интегральными* и соответствующими современному этапу развития лингвистики.

Так, в эпоху глобализации науки экспансионизм является непременным атрибутом любой методологии, поскольку стремление дать наиболее полное, всеобъемлющее описание объекта исследования,

описания, включающего взгляд «со всех сторон», требует привлечения методов различных наук.

Антропоцентризм, выдвинутый в качестве методологического принципа новой парадигмы, привлекает наше внимание к онтологическим «субъектным» характеристикам объекта исследования, которые присущи языку и любому языкотворческому произведению apriori и представляют собой «отчужденные» от субъекта в процессе коммуникативной деятельности и опосредованные языковой системой неотъемлемые части объекта. Коммуникативная деятельность, подобно труду, по Марксу, постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности. Поэтому изучение предметных, бытийных форм коммуникативной деятельности, например, текста, невозможно без обращения к субъекту этой деятельности, иначе такое изучение будет неполным.

Функционализм, подобно антропоцентризму, является ведущим методологическим принципом современной лингвистики и акцентирует внимание на изучении функций объекта исследования. Если функцию понимать как онтологическое свойство объекта, то и функционализм в этом смысле будет также онтологичен.

Что касается экспланаторности, то этот методологический принцип обусловлен растущим уровнем развития науки, появлением новых, более точных методов исследования, которые способствуют человеку в его поиске истины, в стремлении найти объяснение порождению и пониманию языка.

С точки зрения развития современной науки, все четыре рассмотренных выше отличительных черты обусловлены процессом глобализации, стремлением к целостности, «единству мира».

Антропоцентризм обусловлен глобализацией объекта как целостной системы порождения и понимания речи, функционализм – глобализацией объекта как знаковой системы, в которой наряду с формой и содержанием имеется функция (виртуальная или актуальная), экспансионизм – глобализацией методов исследования, вызванной глобализацией объекта, экспланаторность – глобализацией критериев истины, применимых к разным наукам, в том числе и гуманитарным.

Имея такую глобальную, или интегральную, дисциплинарную матрицу, и сама *лингвистика должна стать интегральной*, способной дать всестороннее описание и объяснение объекта исследования.

В этом отношении когнитивно-дискурсив-ный подход имеет сходство с интегральным подходом, с позиций которого текст необходимо рассматривать не как объект сугубо лингвистического исследования, но как объект, рассредоточенный по четырем секторам, изучение которого невозможно без одновременного обращения к сознанию, языковой системе, культуре и социуму.

Когнитивно-дискурсивная парадигма Е. С. Кубряковой vs. интегральная модель К. Уилбера

Сравнительный анализ когнитивно-дискурсивной парадигмы Е. С. Кубряковой и интегральной модели К. Уилбера показывает следующее:

- когнитивно-дискурсивная парадигма Е. С. Кубряковой и интегральная модель К. Уилбера не исключают, а дополняют друг друга;
- интегральная модель К. Уилбера носит общий виртуальный характер, применима к любым объектам благодаря методу ориентирующих обобщений, отличается большой детализированностью, что позволяет учесть большое количество факторов при рассмотрении объекта исследования;
- когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания Е. С. Кубряковой может рассматриваться в качестве актуализованного варианта, частного случая общей интегральной модели К. Уилбера, а именно в качестве одной из моделей интегральной лингвистики.

Несмотря на разницу в уровне обобщения и терминологии между рассматриваемыми моделями, наблюдается сходство по сути, а именно учитываются не только «оно»-измерения, но и «я»-, и «мы»-измерения, то есть личностные, социокультурные и познавательные аспекты деятельности говорящего. Так, в нашей интерпретации, когнитивной составляющей парадигмы Е. С. Кубряковой соответствует внутренне-индивидуальный сектор модели К. Уилбера, а дискурсивной – сразу все три оставшихся сектора модели К. Уилбера: внешне-индивидуальный (язык, текст), внешне-коллективный (социолингвистический контекст) и внутренне-коллективный (лингво-культурологический контекст), объединенные коммуникативной деятельностью, деятельностью по порождению и восприятию текста.

Следует отметить, однако, что нерасчлененность дискурсивной составляющей рассматриваемой модели может привести к тому, что основное внимание в исследованиях будет уделяться какому-то *одному* из ее аспектов, а не их интегральному единству. В связи с этим представляется *перспективной* разработка новых вариантов интегральной модели лингвистики в целом и интегральной теории текста в частности.

Выводы

Под парадигмой научного знания в лингвистике понимают определенный подход, теорию, модель или метод исследования, получившие широкое признание в лингвистическом сообществе.

Лингвистика полипарадигмальна. Множество ее методологических и концептуальных направлений вызваны сложным

объектом исследования, не предполагающим однозначного толкования.

Современный этап развития науки характеризуется процессом глобализации. Глобализация с неизбежностью приводит к формированию нового интегрального подхода (К. Уилбер), целью которого является синтез парадигм научного знания.

С позиций интегрального подхода язык необходимо рассматривать как объект, рассредоточенный по четырем секторам, изучение которого невозможно без одновременного обращения к сознанию, языковой системе, культуре и социуму.

Современная парадигма лингвистики – парадигма интегральная. В ее основе лежит комплексное междисциплинарное исследование с учетом взаимодействия различных областей лингвистики.

Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания (Е. С. Кубрякова) может рассматриваться в качестве актуализованного варианта, частного случая общей интегральной модели, а именно в качестве одной из моделей интегральной лингвистики.

Поиски в направлении оптимальной интегральной модели лингвистики в целом и интегральной модели текста в частности являются перспективным направлением современных лингвистических исследований в рамках интегральной парадигмы лингвистического знания.

Примечания

[1] См.: Кун, Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1975. С. 11.

[2] См.: Maasen, S. Metaphorsand the Dynamicsof Knowledge / S. Maasen, P. Weingart. L. ; N.-Y. : Routledge, 2000. P. 83.

[3] См.: Кун, Т. Указ. соч.

[4] Там же. С. 11.

[5] См.: Звездкина, Э. Ф. Теория философии / Э. Ф. Звездкина, В. Ф. Егоров. М. : ЭКСМО, 2004. С. 378.

[6] См.: Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolutions. 2-nd edn. (First published in 1962). Chicago, IL : Univ. of Chicago Press, 1970. P. 175.

[7] См.: Maasen, S. Op. cit. P. 84.

[8] См.: Фуко, М. Слова и вещи (археология гуманитарных наук). СПб. : A-cad, 1994. 406 с.

[9] Борн, М. Состояние идей в физике // Физика в жизни моего поколения (пер. с англ). М. : Иностр. лит., 1963. С. 226–251.

[10] См.: Lakatos, J. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs// Criticism and the Growth of Knowledge / ed. by J. Lakatosand A. Musgrave. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 1970. P. 91–195.

[11] См.: Кун, Т. Указ. соч.

[12] См.: Ohman, S. Linguistic Science and other Intellectual Residuesof ExpiringModernity // Pen conference. Istanbul, 2004. 24–28 Oct.
[13] См.: Подвойский, Д. Г. Гуманитарии в «негуманитарном мире». Положение наук о человеке, культуре и обществе . URL : http:// www.katrenko.ru/science/ 2009/ 04/02/ dpodvoiski.html.
[14] Советский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1982. С. 865.
[15] См.: Percival, W. K. The Applicability of Kuhn'sParadigmsto the History of Linguistics// Language. 1976. 52/2. P. 285–294.
[16] См.: Угланова, И. А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? // Филол. заметки : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 : в 2 ч. Пермь ; Скопье ; Любляна : Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 163–173.
[17] См.: Verburg, P. Vicissitudesof Paradigms// Hymes, D. (ed.). Studiesin the History of Linguistics: Traditionsand Paradigms/ ed. D. Hymes. Bloomington ; L. : Indiana Univ. Press, 1974. P. 191–230.
[18] Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Издат. центр «Академия», 2001. С. 5.
[19] См.: Ломов, А. М. Типология русского предложения. Воронеж : ВГУ, 1994. 280 с.
[20] См.: Маслова, В. А. Указ. соч. С. 6–8.
[21] См.: Угланова, И. А. Указ. соч.
[22] См.: Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1987. 263 с.
[23] См.: Schiffrin, D. Approachesto Discourse. Cambridge, MA : Blackwell PublishersInc., 1995. 470 p.
[24] Ibid. P. 20–43.
[25] См.: Schiffrin, D. Op. cit.
[26] См.: Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : РГГУ, 1995. С. 144–238; Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. 520 с.
[27] См.: Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей…; Дроздова, Т. В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные научные экономические тексты). М. ; Астрахань : АГПУ, 2003. 223 с.; Ракитина, С. В. Научный текст : когнитивно-дискурсивные аспекты. Волгоград : Перемена, 2006. 277 с.
[28] См.: Сидоров, Е. В. Онтология дискурса. М. : ЛКИ, 2008. 232 с.
[29] См.: Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.
[30] Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей… С. 147.
[31] См.: Дроздова, Т. В. Указ. соч.

[32] См.: Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей… С. 207–221.
[33] Там же. С. 215–216.
[34] См.: Губбыева, З. О. Концепция современного естествознания / З. О. Губбыева, А. Ю. Каширин, Н. А. Шлапакова. Тула : Тул. ГПУ им. Л. Н. Толстого, 2001. URL : http://www.tula.net/tgpu/resources/kse/lec2html .
[35] См.: Уилбер, К. Введение в интегральную теорию и практику: основы ИОС и «всесекторной, всеуровневой» карты. URL: http://www.integralnaked.org.
[36] См.: AQAL : Journal of Integral Theory and Practice. URL: http://integral.infusionsoft.com.
[37] Пиотровский, Р. Г. Лингвистическая синергетика : исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб. : Филол. фак. СпбГУ, 2006. С. 137.
[38] См.: Вайнштейн, О. Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. Arbor Mundi. 1992. № 1. С. 73–80; Joseph, J. E. Twentieth-century Linguistics: Overview of Trends// The Encyclopedia of Language and Linguistics/ ed. R. E. Asher. Pergamon Press, 1994. P. 4799.
[39] См.: Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей… С. 230.
[40] См.: Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 237 с.
[41] Об актуальных значениях теории словообразования (на рубеже веков) : материалы междунар. конф., посвящ. науч. наследию проф. М. Д. Степановой и его дальнейшему развитию : к 100-летию со дня рождения / под ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГЛУ, 2001. С. 12.
[42] См.: Дроздова, Т. В. Указ. соч. С. 18.

Станислав Гроф

ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЗГА. Гл.1. Природа реальности: заря новой парадигмы (отрывок из работы). Электронный ресурс: http://bookz.ru/authors/grof-stanislav/grofstns02/1-grofstns02.html

В настоящее время новое мышление в науке быстро набирает силу. Хотя поразительные индивидуальные разработки ещё не сведены воедино, последовательной и исчерпывающей научной парадигме, способной заменить механистическую модель Вселенной, пока нет, но к этой впечатляющей мозаике необычайно быстро добавляются всё новые и новые фрагменты. Я убеждён, что для будущего науки (а

возможно и для всей нашей планеты) чрезвычайно важно, чтобы эти новые устремления завоевали признание научной общественности. Именно поэтому я не представляю материал в упрощённой и популярной версии (что, возможно, предпочли бы многие издатели, с которыми я вёл переговоры). Я испытываю сильную потребность представить данные своих исследований сознания в контексте революционных открытий – столь важных для моего личностного и профессионального развития – в других дисциплинах. Поэтому представление моих собственных данных предваряет глава о возникающей парадигме, в которой суммированы результаты многих исследователей и мыслителей и тем самым подготовлен весь контекст книги.

Одно из самых глубоких влияний на моё мышление оказали холономические принципы, развитые в трудах Готфрида Вильгельма Лейбница, Жана-Батиста Фурье, Денниса Гаора, Дэвида Бома, Карла Прибрама и Хьюго Зукарелли. И признавая величие предложенных холономическм мышлением революционных альтернатив, противопоставивших себя механистической концепции "разума, содержащегося в мозге", я решил назвать эту книгу "За пределами мозга".

1. ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ: ЗАРЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В разных частях этой книги будут обсуждаться важные наблюдения из различных областей знания - те наблюдения, которые неспособны ни признать, ни объяснить механистическая наука и традиционные концептуальные системы психиатрии, психологии, антропологии и медицины. Некоторые из новых данных столь значительны, что указывают на необходимость радикальной ревизии современного понимания человеческой природы и даже природы реальности. Поэтому кажется уместным начать книгу с экскурса в философию науки и пересмотреть некоторые современные идеи о соотношении научных теорий и реальности.

Сопротивление наплыву новых революционных данных со стороны традиционно настроенных ученых основано по большей части на фундаментальном непонимании природы и функции научных теорий. В последние несколько десятилетий такие философы и

историки науки, как Томас Кун (Kuhn, 1962), Карл Поппер (Popper, 1963, 1965), Филипп Франк (Frank, 1974) и Пол Фейерабенд (Feyerabend, 1978) привнесли достаточно ясности в эту область. Пионерские изыскания этих мыслителей заслуживают хотя бы краткого обзора.

Философия науки и роль парадигм

Со времен промышленной революции западная наука добилась поразительных успехов и стала мощной силой, формирующей жизни миллионов людей. Ее материалистическая и механистическая ориентация почти полностью заменила теологию и философию в качестве руководящих принципов человеческого существования и до невообразимой ранее степени преобразовала мир, в котором мы живем. Технологический триумф был столь заметен, что только в самое последнее время и лишь немногие засомневались в абсолютном праве науки определять общую жизненную стратегию. В учебниках по различным дисциплинам история науки описана преимущественно как линейное развитие с постепенным накоплением знаний о Вселенной, а кульминацией этого развития представлено современное положение дел. Поэтому важные для развития научного мышления фигуры выглядят сотрудниками, работавшими над общим для всех кругом проблем, руководствуясь одним и тем же набором фиксированных правил, которые, кстати, только совсем недавно определены в качестве научных. Каждый период в истории научных идей и методов видится логической ступенью в постепенном приближении ко все более точному описанию Вселенной и к предельной истине о существовании.

Детальный анализ научной истории и философии показал чрезвычайно искаженную, романтизированную картину реального хода событий. Можно весьма убедительно доказать, что история науки далеко не прямолинейна и что, несмотря на технологические успехи, научные дисциплины вовсе не обязательно приближают нас к более точному описанию реальности. Самым видным представителем этой еретической точки зрения является физик и историк науки Томас Кун. Его интерес к развитию научных теорий и революций в науке вырос из размышлений над некоторыми фундаментальными различиями

общественных и естественных наук. Он был потрясен количеством и степенью разногласий среди специалистов по общественным наукам относительно базисной природы вошедших в круг рассмотрения проблем и подходов к ним. Совсем иначе обстоят дела в естественных науках. Хотя занимающиеся астрономией, физикой и химией вряд ли обладают более четкими и точными решениями, чем психологи, антропологи и социологи, они не затевают почему-то серьезных споров по фундаментальным проблемам.

Исследовав глубже это очевидное несоответствие, Кун начал интенсивно изучать историю науки и спустя пятнадцать лет опубликовал работу "Структура научных революций" (Kuhn, 1962), которая потрясла основы старого мировоззрения.

В ходе исследований ему становилось все более очевидным, что в исторической перспективе развитие даже так называемых точных наук далеко от гладкости и однозначности. История науки ни в коей мере не является постепенным накоплением данных и формированием все более точных теорий. Вместо этого ясно видна ее цикличность со специфическими стадиями и характерной динамикой. Процесс этот закономерен, и происходящие изменения можно понять и даже предсказать: сделать это позволяет центральная в теории Куна концепция парадигмы.

В широком смысле парадигма может быть определена как набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых членами данного научного сообщества. Некоторые из парадигм имеют философскую природу, они общи и всеохватны, другие парадигмы руководят научным мышлением в довольно специфических, ограниченных областях исследований. Отдельная парадигма может поэтому стать обязательной для всех естественных наук, другая - лишь для астрономии, физики, биологии или молекулярной биологии, еще одна - для таких высокоспециализированных и эзотерических областей, как вирусология или генная инженерия[10].

---

[10] - В своей последней работе Томас Кун различает уже более специфические составляющие и элементы того, что изначально объединил под общим термином "парадигма". Например, он выделил символические обобщения (практику выражения

Парадигма столь же существенна для науки, как наблюдение и эксперимент; приверженность к специфическим парадигмам есть необходимая предпосылка любого серьезного научного дела. Реальность чрезвычайно сложна, и обращаться к ней в ее тотальности вообще невозможно. Наука не в состоянии наблюдать и учитывать все разнообразие конкретного явления, не может провести всевозможные эксперименты и выполнить все лабораторные и клинические анализы. Ученому приходится сводить проблему до рабочего объема, и его выбор направляется ведущей парадигмой данного времени. Таким образом, он непременно вносит в область изучения определенную систему убеждений.

Научные наблюдения сами по себе не диктуют единственных и однозначных решений, ни одна из парадигм никогда не объяснит всех имеющихся фактов, и для теоретического объяснения одних и тех же данных можно использовать многие парадигмы. Какой из аспектов сложного явления будет выбран и какой из возможных экспериментов будет начат или проведен первым, определяется многими факторами. Это случайности в предварительном исследовании, базовое образование и специальная подготовка персонала, опыт, накопленный в других областях, индивидуальные задатки, экономические и политические факторы, а также другие параметры. Наблюдения и эксперименты могут и должны значительно сокращать диапазон приемлемых научных решений - без этого наука стала бы научной фантастикой. Тем не менее, они не могут сами по себе и сами для себя полностью подтвердить конкретную интерпретацию или систему убеждений. Таким образом, в принципе невозможно заниматься наукой без некоторого набора априорных убеждений, фундаментальных метафизических установок и ответов на вопрос о природе реальности и

определенных устойчивых связей в кратких уравнениях, таких как f=ma, I=V/R или E=mc2); доверие к частным моделям (планетарная модель атома, корпускулярная или волновая модели света, модель газа в виде крошечных биллиардных шаров материи, пребывающих в беспорядочном движении, и т. д.); общность ценностей (значение предсказания, проверяемость, воспроизводимость, логическая непротиворечивость, вероятность, наглядность или приемлемый допуск ошибки): образцы (примеры решения конкретной проблемы, в которых согласованные принципы применяются в различных областях).

человеческого знания. Но следует четко помнить об относительной природе любой парадигмы - какой бы прогрессивной она ни была и как бы убедительно ни формулировалась. Не следует смешивать ее с истиной о реальности. Согласно Куну, парадигмы играют в истории науки решающую, сложную и неоднозначную роль. Из приведенных выше соображений ясно, что они безусловно существенны и необходимы для научного прогресса. Однако на определенных стадиях развития они действуют как концептуальная смирительная рубашка - тем, что покушаются на возможности новых открытий и исследования новых областей реальности. В истории науки прогрессивная и реакционная функции парадигм словно чередуются с некоторым предсказуемым ритмом.

Ранним стадиям наук, которые Кун описывает как "допарадигмальные периоды", свойственны концептуальный хаос и конкуренция большого числа расходящихся воззрений на природу. Ни одно из них нельзя сразу отбросить как неверное, так как все они приблизительно соответствуют наблюдениям и научным методам своего времени. Простая, элегантная и правдоподобная концептуализация данных, готовая объяснить большую часть имеющихся наблюдений и обещающая служить руководящей линией для будущих исследований, начинает в данной ситуации играть роль доминирующей парадигмы. Когда парадигму принимает большая часть научного сообщества, она становится обязательной точкой зрения. На этом этапе имеется опасность ошибочно увидеть в ней точное описание реальности, а не вспомогательную карту, удобное приближение и модель для организации существующих данных. Такое смешение карты с территорией характерно для истории науки. Ограниченное знание о природе, существовавшее на протяжении последовательных исторических периодов, представлялось научным деятелям тех времен исчерпывающей картиной реальности, в которой не хватает лишь деталей. Это наблюдение столь впечатляет, что историк легко мог бы представить развитие науки историей ошибок и идиосинкразий, а не систематическим накоплением информации и постепенным приближением к окончательной истине.

Как только парадигма принята, она становится мощным катализатором научного прогресса; Кун называет эту стадию

"периодом нормальной науки". Большинство ученых все свое время занимается нормальной наукой, из-за чего эта отдельная сторона научной деятельности стала в прошлом синонимом науки вообще.

Нормальная наука основывается на допущении, что научное сообщество знает, что такое Вселенная. В главенствующей теории определено не только то, чем является мир, но и чем он не является; наряду с тем, что возможно, она определяет и то, что в принципе невозможно. Кун описал научные исследования как "напряженные и всепоглощающие усилия рассовать природу по концептуальным ящикам, заготовленным в профессиональном образовании". Пока существование парадигмы остается само собой разумеющимся, только те проблемы будут считаться законными, для которых можно предположить решение - это гарантирует быстрый успех нормальной науки. При таких обстоятельствах научное сообщество сдерживает и подавляет (часто дорогой ценой) всякую новизну, потому что новшества губительны для главного дела, которому оно предано.

Парадигмы, следовательно, несут в себе не только познавательный, но и нормативный смысл; в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они также определяют разрешенное проблемное поле, устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все научные основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Некоторые проблемы, представлявшиеся ранее ключевыми, могут быть объявлены несообразными или ненаучными, а иные - отнесены к другой дисциплине. Или же наоборот, какие-то вопросы, прежде не существовавшие или считавшиеся тривиальными, могут неожиданно оказаться предметами значительного научного интереса. Даже в тех областях, где старая парадигма сохраняет свою действенность, понимание проблем не остается тем же самым и требует нового обозначения и определения. Нормальная наука, основанная на новой парадигме, не только несовместна, но и несопоставима с практикой, которой управляла предыдущая парадигма.

Нормальная наука занимается по сути только решением задач; ее результаты в основном предопределены самой парадигмой, она производит мало нового. Главное внимание уделяется способу

достижения результатов, а цель состоит в дальнейшем оттачивании ведущей парадигмы, что способствует увеличению сферы ее применения. Следовательно, нормальные исследования кумулятивны, так как ученые отбирают только те проблемы, которые могут быть решены при помощи уже существующих концептуальных и. инструментальных средств. Кумулятивное приобретение фундаментально новых знаний при этих обстоятельствах не просто редкостно, а в принципе невероятно. Действительное открытие может произойти только в том случае, если не сбудутся предположения относительно природы, методов и средств исследования, основанные на существующей парадигме. Новые теории не возникнут без разрушения старых воззрений на природу.

Новая, радикальная теория никогда не будет дополнением или приращением к существующим знаниям. Она меняет основные правила, требует решительного пересмотра или переформулирования фундаментальных допущений прежней теории, проводит переоценку существующих фактов и наблюдений. По теории Куна, только в событиях подобного рода можно признать настоящую научную революцию. Она может произойти в каких - то ограниченных областях человеческого знания или может радикально повлиять на целый ряд дисциплин. Сдвиги от аристотелевской к ньютоновской физике или от ньютоновской к эйнштейновской, от геоцентрической системы Птолемея к астрономии Коперника и Галилея, или от теории флогистона к химии Лавуазье - замечательные примеры изменений этого рода. В каждом из этих случаев потребовался отказ от широко принятой и достойной научной теории в пользу другой, в принципе с ней несовместимой. Каждый из этих сдвигов вылился в решительное переопределение проблем, доступных и значимых для научного исследования. Кроме того, они заново определили то, что допустимо считать проблемой, а что - стандартами законного ее решения. Этот процесс приводил к коренному преобразованию научного воображения; мы не преувеличим, если скажем, что под его воздействием менялось само восприятие мира.

Томас Кун отметил, что всякая научная революция предваряется и предвещается периодом концептуального хаоса, когда нормальная практика науки постепенно переходит в то, что он называет

"экстраординарной наукой". Раньше или позже повседневная практика нормальной науки обязательно приведет к открытию аномалий. Во многих случаях некоторые приборы перестанут работать так, как предсказывает парадигма, в ряде наблюдений обнаружится то, что никак не вместить в существующую систему убеждений, или же проблема, которую нужно решить, не будет поддаваться настойчивым усилиям выдающихся специалистов.

Пока научное сообщество остается под чарами парадигмы, одних аномалий будет недостаточно, чтобы засомневаться в обоснованности базовых допущений. Поначалу неожиданные результаты будут называться "плохими исследованиями", поскольку диапазон возможных результатов четко определен парадигмой. Когда результаты подтверждаются повторными экспериментами, это может привести к кризису в данной области. Однако даже тогда ученые не откажутся от парадигмы, которая привела их к кризису. Научная теория, однажды получившая статус парадигмы, до тех пор будет в ходу, пока ей не найдется жизнеспособной альтернативы.

Несовместимости постулатов парадигмы и наблюдений еще недостаточно. В течение некоторого времени расхождение будет рассматриваться как проблема, которая в конце концов разрешится за счет модификаций и прояснений. И все же после периода утомительных и бесполезных усилий аномалия вдруг выходит за рамки еще одной загадки, и данная дисциплина вступает в период экстраординарной науки. Лучшие умы в этой области концентрируют свое внимание на проблеме. Критерии исследования начинают слабеть, экспериментаторы становятся менее предубежденными и готовыми рассматривать дерзкие альтернативы. Растет число конкурирующих обоснований, причем они все больше расходятся по смыслу.

Неудовлетворенность существующей парадигмой возрастает и выражается все более недвусмысленно. Ученые готовы обратиться за помощью к философам и обсуждать с ними фундаментальные установки - о чем и речи не могло быть в период нормальных изысканий. До и во время научных революций происходят также горячие дебаты о законности методов, проблем и стандартов. В этих обстоятельствах, с развитием кризиса возрастает профессиональная

неуверенность. Несостоятельность старых правил ведет к интенсивным поискам новых.

Во время переходного периода проблемы можно решать как при помощи старой, так и при помощи новой парадигмы. Это неудивительно - философы науки не раз доказывали, что конкретный набор данных всегда можно интерпретировать в рамках нескольких теоретических построений. Научные революции - это те некумулятивные эпизоды в науке, когда старая парадигма полностью или частично заменяется новой, с ней несовместной. Выбор между двумя конкурирующими парадигмами нельзя сделать на основе оценочных процедур нормальной науки. Последняя является прямой наследницей старой парадигмы, и ее судьба решающим образом зависит от исхода этого соревнования. Поэтому парадигма становится жестким предписанием по необходимости - она в состоянии к чему-то склонить, но не способна убедить ни логическими, ни даже вероятностными аргументами. Перед двумя конкурирующими школами встает серьезная проблема коммуникации. Они оперируют разными базовыми постулатами о природе реальности и по-разному определяют элементарные понятия.

Вследствие этого, они не могут прийти к согласию даже в том, какие проблемы считать важными, какова их природа и что собой представляет их возможное решение. Научные критерии разнятся, аргументы зависят от парадигмы, а осмысленная конфронтация невозможна без взаимной интерпретации понятий. В рамках новой парадигмы старые термины обретают совсем иные определения и новый смысл; в результате они скорее всего и соотноситься будут совершенно иначе. Коммуникация через концептуальную перегородку будет заведомо неполной и приведет к путанице. В качестве характерного примера можно привести полное различие по смыслу таких понятий, как материя, пространство и время в ньютоновской и эйнштейновской моделях. Рано или поздно, ценностные суждения тоже вступят в действие, поскольку разные парадигмы расходятся в том, какие проблемы решать, а какие оставлять без ответа. Критерии же для экспертизы по этой ситуации находятся целиком вне круга нормальной науки.

Ученый, занятый нормальной наукой, становится решателем задач. Парадигма для него - то, что само собой разумеется, и ему совсем не интересно проверять ее надежность. На самом деле он существенно укрепляет ее фундаментальные допущения. Этому в частности есть такие вполне понятные объяснения, как энергия и время, затраченные в прошлом на обучение, или академическое признание, тесно связанное с разработкой данной парадигмы. Однако корни затруднения уходят гораздо глубже, за пределы человеческих ошибок и эмоциональных привнесений.

Они затрагивают саму природу парадигм и их роль в науке. Важная часть этого сопротивления - уверенность в том, что текущая парадигма верно представляет реальность, и в том, что она в конце концов справится со всеми своими проблемами. Таким образом, сопротивление новой парадигме является, в конечном счете, той самой предрасположенностью, которая делает возможным существование нормальной науки. Ученый, занимающийся нормальной наукой, напоминает шахматиста, чья активность и способность к решению задач жестко зависят от набора правил. Суть игры состоит в отыскании оптимальных решений в контексте этих априорных правил, и в подобных обстоятельствах было бы абсурдным в них сомневаться - а уж тем более их изменять. В обоих примерах правила игры разумеются сами собой; они представляют необходимый набор предпосылок для деятельности по решению задач. Новизна же ради новизны в науке не желательна, в отличие от других областей творчества.

Таким образом, до проверки парадигмы дело доходит, только в том случае, когда при постоянных неудачах решить важную задачу возникает кризис, порождающий конкуренцию двух парадигм. Новой парадигме предстоит пройти испытание по определенным критериям качества. Она должна предложить решение каких-то ключевых проблем в тех областях, где старая парадигма оказалась несостоятельной. Кроме того, после парадигмальной смены должна быть сохранена такая же способность к решению задач, какая была у уходящей парадигмы. Для нового подхода важна также готовность к решению дополнительных проблем в новых областях. И, тем не менее, в научных революциях наряду с выигрышами всегда есть и потери. Их

обычно скрывают, принимая негласно - до той поры, пока прогресс. гарантирован.

Так, ньютоновская механика, в отличие от аристотелевской и картезианской динамики, не объяснила природу сил притяжения между частицами материи, а просто допустила гравитацию. Этот вопрос был позднее адресован общей теории относительности и только в ней получил разрешение. Оппоненты Ньютона считали его приверженность к врожденным силам возвратом к средневековью. Точно так же, теория Лавуазье не смогла ответить на вопрос, почему самые разные металлы столь похожи - вопрос, с которым успешно справлялась теория флогистона. И только в двадцатом веке наука снова смогла взяться за эту тему. Оппоненты Лавуазье возражали также против отказа от "химических принципов" в пользу лабораторных элементов, считая это регрессом от обоснования к простому наименованию. В другом подобном случае, Эйнштейн и другие физики противились главенствовавшей вероятностной интерпретации квантовой физики.

Новая парадигма не принимается постепенно, под неумолимым воздействием очевидности и логики. Смена происходит мгновенно, она похожа на психологическое превращение или на сдвиг в восприятии фигуры и заднего плана, и оно подчиняется закону "все или ничего". Ученые, избирающие для себя новую парадигму, говорят о том, что их "осенило", о неожиданном решении или о вспышке проясняющей интуиции. Почему так происходит, пока не совсем понятно. В дополнение к способности парадигмы исправить кризисную ситуацию, к которой привела старая парадигма, Кун упоминает в качестве причин иррациональные мотивы, биографически предопределенную идиосинкразию, исходную репутацию или национальность основоположника и другие причины. Кроме того, важную роль могут играть и эстетические качества парадигмы - такие, как элегантность, простота и красота.

В науке существовала тенденция рассматривать последствия смены парадигмы с точки зрения нового толкования имеющихся данных. Согласно этому взгляду, наблюдения однозначно определяются природой объективного мира и аппарата восприятия. Однако, такая позиция сама зависит от парадигмы - это одно из основных допущений картезианского подхода к миру. Необработанные

данные наблюдения далеки от того, чтобы представлять чистое восприятие; а стимулы не следует путать с их восприятием или ощущением. Восприятие обусловлено опытом, образованием, языком и культурой. При определенных обстоятельствах одни и те же стимулы могут привести к различным ощущениям, а различные стимулы - к одинаковым. Для первого из этих положений примером могут служить двусмысленные картины, вызывающие радикальное переключение гештальта восприятия. Самые известные из них те, что могут быть восприняты двумя различными способами - т.е. как утка или кролик, как античная ваза или два человеческих профиля. Хорошим примером второго положения служит человек с дефектом зрения, который учится при помощи сложных линз корректировать изображение мира. Нет нейтрального языка наблюдения, который строился бы только по отпечаткам на глазной сетчатке. В понимании природы стимулов, сенсорных органов и их взаимодействия отражается существующая теория восприятия и человеческого разума.

Ученый, принимающий новую парадигму, не интерпретирует реальность по-новому, скорее он похож на человека в новых очках. Он видит те же самые объекты и находит их совершенно преображенными по сути и во многих деталях, при этом будет убежден, что они таковы на самом деле.

Мы не преувеличим, говоря, что со сменой парадигмы мир ученых меняется тоже. Они используют новые инструменты, ищут в других местах, наблюдают другие объекты и постигают даже знакомое в совершенно ином свете. Согласно Куну, этот радикальный сдвиг восприятия можно сравнить с неожиданным перемещением на другую планету. Научный факт нельзя отделить от парадигмы с абсолютной четкостью. Мир ученых изменяется качественно и количественно за счет новых разработок - либо факта, либо теории.

Сторонники революционной парадигмы обычно не интерпретируют концептуальный сдвиг как новое, но относительное, в конечном счете, восприятие реальности. А если это все-таки происходит, возникает тенденция отбросить старое, как неправильное и приветствовать новое, как точную систему описания. Однако, в строгом смысле, ни одна из старых теорий не была действительно плохой, пока применялась только к тем явлениям, которые могла

адекватно объяснить. Неправильным было обобщение результатов на другие области науки. Таким образом, в соответствии с теорией Куна, старые теории можно сохранить и оставить как верные в том случае, когда диапазон их применения ограничен только такими явлениями и такой точностью наблюдения, когда уже можно говорить об экспериментальной очевидности. Это значит, что ученому нельзя говорить "научно" и авторитетно о каком-либо явлении, которое еще не наблюдалось. Строго говоря, непозволительно полагаться на парадигму, когда исследование только открывает новую область или ищет такой степени точности, для которой в теории нет прецедента. С этой точки зрения даже для теории флогистона не нашлось бы опровержения, не будь она обобщена за пределы той области явлений, которые ею объясняются.

После сдвига парадигмы старую теорию можно понимать в некотором смысле как частный случай новой, но для этого ее нужно сформулировать иначе и преобразовать. Ревизию следует предпринять хотя бы для того, чтобы ученый мог использовать преимущества ретроспективного взгляда; ревизия также подразумевает изменение смысла фундаментальных концепций.

Таким образом, ньютоновская механика может толковаться как специальный случай эйнштейновской теории относительности, и для нее можно предложить разумное объяснение в диапазоне ее применимости. Однако такие основополагающие концепции, как пространство, время и масса, коренным образом изменились и теперь несоизмеримы. Ньютоновская механика сохраняет свою действенность, пока не претендует на применение в области больших скоростей или на неограниченную точность своих описаний и прогнозов. Все исторически значимые теории так или иначе показали свое соответствие наблюдаемым фактам. Правда, ни на одном из уровней развития науки нет решительного ответа на вопрос: согласуется ли какая-то отдельная теория с фактами, и до какой степени согласуется. Тем не менее, полезно сравнить две парадигмы и спросить, какая из них лучше отражает наблюдаемые явления. В любом случае парадигмы всегда следует рассматривать только как модели, а не как окончательные описания реальности.

Новая парадигма редко принимается легко, поскольку это зависит от различных факторов эмоционального, политического и административного свойства, а не является просто делом логического доказательства. В зависимости от природы и горизонта парадигмы, а также от других обстоятельств могут потребоваться усилия не одного поколения, прежде чем новый взгляд на мир установится в научном сообществе. Высказывания двух великих ученых показательны в этом отношении. Первое - заключительный пассаж из "Происхождения видов" Чарльза Дарвина (Darwin, 1859): "Хотя я полностью убежден в истинности воззрений, представленных в этом томе,.. я ни в коей мере не надеюсь убедить опытных натуралистов, в чьих умах запасено множество фактов, которые на протяжении долгого времени понимались с точки зрения, абсолютно противоположной моей... Но я смотрю в будущее с надеждой на молодых натуралистов, которые смогут взглянуть на обе стороны вопроса беспристрастно". Еще более убедителен комментарий Макса Планка из его "Научной автобиографии" (Plank, 1968): "...новая научная истина не убеждает оппонентов, не заставляет их прозреть, побеждает она потому, что ее оппоненты в конце концов умирают и вырастает новое, знакомое с ней поколение".

Как только новая парадигма принята и ассимилирована, ее основные положения включаются в учебники. Поскольку они становятся источниками авторитета и опорой педагогики, их приходится переписывать после каждой научной революции. По самой своей природе эти положения будут искажать не только специфику, но и саму суть той революции, которая их породила. Наука описывается как серия индивидуальных открытий и изобретений, которые в совокупности представляют современное тело знания. И выходит так, что с самого начала ученые пытались достичь цели, предписанные самой последней парадигмой. В исторических обзорах авторы склонны раскрывать только те аспекты работы отдельных ученых, в которых можно увидеть вклад в современное мировоззрение. Так, обсуждая ньютоновскую механику, они не упоминали ни той роли, которую Ньютон отводил Богу, ни глубокого интереса к астрологии и алхимии, которые интегрировали всю его философию. Аналогично, нигде не упоминается о том, что декартовский дуализм ума и тела подразумевает существование Бога. В учебниках не принято

упоминать, что многие из основателей современной физики - Эйнштейн, Бом, Гейзенберг, Шредингер, Бор и Оппенгеймер - не только считали свои работы вполне совместимыми с мистическим мировоззрением, но в каком-то смысле открывали мистические области своими научными занятиями. Как только учебники переписаны, наука снова оказывается линейным и кумулятивным предприятием, а история науки излагается как постепенное приращение знаний. Доля человеческих ошибок и идиосинкразии всегда умалялась, а циклическая динамика парадигм с ее периодическими сдвигами затемнялась.

Подготовлялось поле для спокойной практики нормальной науки, до тех пор пока следующее накопление наблюдений не вызовет к жизни новую парадигму. Еще один философ, чья работа имеет непосредственное отношение к теме - Филипп Франк. В своей ключевой книге "Философия науки" (Frank, 1974)он дает проницательный детальный анализ взаимоотношений между наблюдаемыми фактами и научными теориями. Ему удалось развеять миф о том, что научные теории можно логически выводить из наличных фактов и что они однозначно зависят от наблюдений феноменального мира. Используя в качестве исторических примеров геометрические теории Евклида, Римана и Лобачевского, ньютоновскую механику, эйнштейновскую теорию относительности и квантовую физику, он пришел к замечательным догадкам о природе и динамике научных теорий.

В соответствии с теорией Франка каждая научная система базируется на небольшом числе основных утверждений о реальности или аксиом, которые считаются самоочевидными. Истинность аксиом определяется не рассуждением, а непосредственной интуицией; они произведены имагинативными способностями ума, а не логикой[11]. Применяя строгие логические процедуры, можно извлечь из аксиом систему других утверждений или теорем. Возникнет чисто логическая

[11] - Примерами этому служат исходные аксиомы евклидовой геометрии (только одна прямая соединяет две точки; две параллельные линии никогда не пересекаются), постулат Ньютона о сохранении материи или его законы движения, а также принципы постоянства и относительности, выдвинутые Эйнштейном.

по природе теоретическая система - она подтверждает саму себя, и ее истинность по существу не зависит от физических случайностей, происходящих в мире. Чтобы оценить степень практической применимости и соответствия такой системы, следует проверить ее отношение к эмпирическим наблюдениям. Для этого элементы теории должны быть описаны с помощью "операциональных определений" в бриджменовском смысле[12]. Только тогда можно определить пределы применимости теоретической системы к материальной реальности.

Внутренняя логическая истинность евклидовой геометрии или ньютоновской механики вовсе не разрушилась, когда выяснилось, что их применение в физической реальности имеет специфические ограничения. По Франку, все гипотезы по существу спекулятивны. Различие между чисто философской гипотезой и гипотезой научной состоит в том, что последнюю можно проверить. Теперь уже неважно, чтобы научная теория взывала к здравому смыслу (это требование было отвергнуто Галилео Галилеем). Она может быть сколь угодно фантастичной и абсурдной, пока поддается проверке на уровне повседневного опыта. И напротив, прямое утверждение о природе Вселенной, которое нельзя проверить экспериментально, является чисто метафизической спекуляцией, а не научной теорией. Такие утверждения, как "Все существующее по природе материально, и духовного мира нет" или "Сознание есть продукт материи", принадлежат, конечно, к этой категории, независимо от того, насколько самоочевидными они могут показаться носителю здравого смысла или механистически ориентированному ученому.

Наиболее радикально научную методологию в ее современных формах критикует Пол Фейерабенд. В ошеломляющей книге "Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания" (Feyerabend, 1978) он решительно заявляет, что наука не управляется и не может управляться системой жестких, неизменных и

---

[12] - По мнению Франка, цель науки состоит в установлении системы связей между символами и рабочими определениями этих символов – причём таким образом, чтобы логические заключения, сделанные на основе этих утверждений, становились утверждениями о наблюдаемых фактах, которые подтверждаются актуальным чувственным восприятием

абсолютных принципов. В истории немало очевидных примеров тому, что наука является по существу анархическим предприятием. Попрание основных гносеологических правил было не случайным событием - это было необходимо для научного прогресса. Самые успешные научные изыскания никогда не следовали рациональному методу. В истории науки вообще и во время великих революций в частности более решительное применение канонов текущего научного метода не ускоряло бы развитие, а приводило бы к застою. Коперниканская революция и другие коренные разработки в современной науке выжили только потому, что правила благоразумия в прошлом часто нарушались.

Так называемое условие соответствия, требующее от новых гипотез согласованности с принятыми ранее, неразумно и непродуктивно. Оно отклоняет гипотезу не из-за несогласия с фактами, а из-за конфликта с господствующей теорией. В результате, это условие защищает и сохраняет ту теорию, которая древнее, а не ту, которая лучше. Гипотезы, противоречащие хорошо обоснованным теориям, дают нам факты, которые нельзя получить никаким другим путем. Факты и теории связаны более тесно, чем это признает традиционная наука, и до некоторых фактов не добраться иначе, как при помощи альтернатив установившимся теориям.

При обсуждении гипотез чрезвычайно важно использовать весь набор адекватных, но взаимонесовместных теорий. Перебор альтернатив центральному воззрению составляет существенную часть эмпирического метода. И мало сравнить теории с наблюдениями и фактами. Данные, полученные в контексте отдельной концептуальной системы, не могут быть независимыми от базовых теоретических и философских допущений этой системы. В подлинно научном сравнении двух теорий "факты" и "наблюдения" должны трактоваться в контексте проверяемой теории. Поскольку факты, наблюдения и даже оценочные критерии "связаны парадигмой", то наиболее важные формальные свойства теории обнаруживаются по контрасту, а не аналитически. Если ученый захочет максимально увеличить эмпирическое содержание взглядов, которых он придерживается, обязательной для него станет плюралистическая методология - нужно

вводить конкурирующие теории и сравнивать идеи с идеями, а не с экспериментальными данными.

Нет такой идеи или такой системы мышления, пусть самой древней или явно абсурдной, которая не была бы способна улучшить наше познание. К примеру, древние духовные системы и первобытные мифы кажутся странными и бессмысленными только потому, что их научное содержание либо неизвестно, либо искажено антропологами и филологами, не владеющими простейшими физическими, медицинскими или астрономическими знаниями. В науке разум не может быть универсальным, а иррациональное никак не исключить полностью. Не существует единственной интересной теории, которая соглашалась бы со всеми фактами в своей области. Мы обнаруживаем, что ни одна теория не в состоянии воспроизвести некоторые количественные результаты, и что все они на удивление некомпетентны качественно.

Все методологии, даже самые очевидные, имеют собственные пределы. Новые теории первоначально ограничены сравнительно узким диапазоном фактов и медленно распространяются на другие области. Форма этого расширения редко определяется элементами, составлявшими содержание теорий старых. Возникающий концептуальный аппарат новой теории вскоре начинает обозначать собственные проблемы и проблемные области. Многие из вопросов, фактов и наблюдений, имеющие смысл только в оставленном уже контексте, неожиданно оказываются глупыми и неуместными: они забываются или отбрасываются. И наоборот, совершенно новые темы проявляются как проблемы чрезвычайной важности.

Наше обсуждение научных революций, динамики парадигм и функционирования научных теорий может, наверное, оставить у читателя впечатление, что данная работа имеет отношение главным образом к истории науки. Легко предположить, что последний серьезный концептуальный переворот произошел в первые десятилетия нашего века, а следующая научная революция произойдет когда-нибудь в отдаленном будущем. Вовсе нет, главная весть этой книги в том, что западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит наконец концептуальным

мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную духовность с западным прагматизмом.

Михаил Эпштейн. ВВЕДЕНИЕ. О ситуации. От пост- к прото- // Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. Электронный ресурс: http://www.emory.edu/INTELNET/mt_contents.html

О СИТУАЦИИ

От "пост-" к "прото-"

Среди понятий и терминов, определивших самосознание культуры и движение гуманитарных наук конца 20-го века, первое место занимают не существительные или прилагательные, а приставка "пост-". *Постмодернизм, постструктурализм, постисторизм, постутопизм, постколониализм, посткоммунизм* и множество других "постов" приклеивались ко всевозможным явлениям, чтобы поскорее сдать их в архив. Магия приставки "пост" позволяла отметить знаком прощания и отодвинуть в прошлое все, что еще вчера представлялось современным и актуальным. Можно было легко расквитаться с урбанизмом или лиризмом, христианством или либерализмом, наклеив на них ярлычок "пост" и представив свою передовую позицию/идентичность как *постурбанизм, постлиризм, постхристианство, постлиберализм*...

Такой способ обновления, однако, чреват собственным поражением. "Пост" мышление страдает зависимостью от тех самих понятий, которые пытается оставить в прошлом, - тянет за собой их концептуальный послед. Например, понятие "поструктурализм" намертво приковано к тому самому структурализму, от которого стремится уйти подальше. Эта зависимость от прошлого становится еще более очевидной в случае модного ныне умножения самих "постов", когда, например, постмодернизм в свою очередь отбрасывается в прошлое смелым добавлением к нему еще одного "пост": пост-постмодернизм. На одном академическом философском сайте можно найти такие примеры "пост" и "пост-пост" дискурса:

Недавние споры в гуманитарных науках сосредоточились на периоде постистории, пост-постмодерности, постискусства, посткапитализма, постфилософии, пост-постструктурализма, постгендера, пострасы, постметанарративов: перечень столь же нескончаемый, как и сами споры. [1]

Такое механическое добавление приставки: *пост-постмодерность, пост-постструктурализм* – освобождаетот необходимости качественного определения новизны и, как, в принципе бесконечный самоповтор, приближается к самопародии.

Однако на рубеже 20-го - 21-го веков наблюдается радикальный сдвиг в самосознании культуры. Мы живем не **после** (модернизма, структурализма, утопизма, коммунизма...), но в самом начале нового периода, который лучше всего характеризуется приставкой "прото-": *протоглобальный, протоинформационный, протовиртуальный...* Например, наша цивилизация может быть названа протоглобальной, потому что собственно глобальность предполагает, согласно общепринятому научному определению, впервые выдвинутому советским астрофизиком Н. С. Карадашевым, овладение всеми источниками энергии на данной планете и способность регулировать и изменять ее климат (цивилизация первого типа - "планетарная"). По оценкам специалистов, нашей цивилизации потребуется еще три-четыре века, чтобы стать подлинно глобальной.

Сошлемся на суждения выдающихся современных ученых, физика Стивена Хокинга и биолога Эдварда Уилсона, которые склонны определять наше время в терминах "прото", а не "пост". Стивен Хокинг пишет в книге "Вселенная в сжатом изложении": "...Теперь мы стоим в начале новой эры, когда мы будем способны усложнять наш внутренний код, ДНК, не дожидаясь медленных результатов биологической эволюции". [2] Тем самым нынешнее состояние человечества можно охарактеризовать как *протобиотехническое*.

Эдвард Уилсон, отмечает в своей книге "Соударение: Единство знания": "Предсказуемые синтезы [между различными ветвями знания], конечная цель науки, все еще находятся на ранней стадии, особенно в биологии". [3] Отсюда следует, что нынешняя стадия

междисциплинарного сотрудничества может быть названа *протосинтетической.*

Такие "прото" вездесущи на рубеже веков. Растущие мощности компьютеров – свидетельство становления искусственного *протоинтеллекта*; генетические эксперименты, в частности клонирование, - намек на возможность искусственной *протожизни*; всемирная электронная сеть - зародыш *протоглобального* сотрудничества умов и коллективного *проторазума.*

Интересно, что термин "пост" часто по привычке применяется к тем явлениям, которые более уместно обозначить как "прото". Н. Кэтрин Хэйлес в своей известной и влиятельной книге "Как мы стали постчеловеками" определяет наше время в терминах "пост":

Прежде всего, постчеловеческое ставит информационную модель выше ее материального воплощения, так что наше воплощение в биологическом субстрате рассматривается скорее как историческая случайность, а не неизбежность жизни. [4]

Однако если следовать логике этого объяснения, нынешнее состояние цивилизации следует охарактеризовать скорее как *протоинформационное*, а не *постчеловеческое*. Человеческое тело все чаще рассматривается как знаковое устройство, совокупность информационных процессов, происходящих на всех уровнях организма. Норберт Винер в свое время предположил, что впоследствии человека можно будет передавать, как сообщение, по телеграфу. [5] Другой выдающийся теоретик робототехники и информнационного века Ханс Моравец полагает возможным загрузить содержание человеческого сознания в память компьютера. [6] Все это говорит не о конце человека, но о начале превращения его материальных составляющих в информационные.

Хотя вся книга Н. Кэтрин Хэйлес, начиная с заглавия, пронизана "пост" концептами, знаменательно, что в заключении "Что это значит - быть постчеловеком?" автор, в сущности, ставит под вопрос уместность этой терминологии.

Но постчеловеческое на самом деле не означает конца человеческого. Оно означает только конец определенной концепции человека... как автономного существа, осуществляющего свою волю через индивидуальное действие и выбор. [7]

Как ни относиться к такому радикальному заявлению, очевидно, что речь идет по существу не о "постчеловеке", но о "проточеловеке", о начале экспансии человека за пределы собственного тела, о перспективе превращения тела в цифровой луч, информационный поток.

...В этой постчеловеческой модели... функции человека расширяются, потому что расширяются параметры обитаемой им когнитивной системы. Речь не о том, чтобы отказаться от тела, оставить его позади, но о том, чтобы распространять воплощенное сознание самыми разными специфическими, локальными, материальными путями, чего невозможно достичь без электронных протезов. [8]

В понимании Хэйлес, "постчеловеческое", таким образом, предполагает не устранение, но скорее расширение человеческого, которое начинает выходить за рамки телесности через систему электронных преобразователей, усилителей, удлинителей, превращающих тело в информационное поле, не замкнутое границами пространства и времени. Очевидно, что такая перспектива относится к мировоззрению "прото", которое предполагает открытость будущего, а не завершенность прошлого…

Приставка "прото-", которой я предлагаю обозначить очередной и назревший сдвиг в "пост-пост-постмодернистской" культуре, есть радикальный переход от конечности к начальности как к модусу мышления.

Томас Кун уподобляет смену научных парадигм мгновенному сдвигу видения в опытах гештальт психологии, когда один и тот же рисунок вдруг начинает восприниматься совершенно иначе. "То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывалось кроликом". [11] Таким же образом меняется концептуальный узор и в современных гуманитарных науках: там, где еще недавно виделось завершение, "пост", вдруг открывается новое начало, "прото". Все, что предыдущее поколение воспринимало под знаком "пост", новое

поколение видит как "прото", как подступ к новой эпохе, набросок новой культурной формации.

Конец реальности, о котором так много говорили "пост" мыслители, особенно Ж. Бодрийяр... Для поколения середины 1990-х, возлелеянного в пеленках электронных сетей, так называемый "конец реальности" - это только начало новой виртуальной эры.

Конец субъекта, смерть автора, стирание подписи, о которых возвещали Луи Альтюссер, Ролан Барт, Мишель Фуко... На самом деле, этим возвещается не конец, но скорее начало новой эпохи умножения авторских личностей и концептуальных персон. [12]

М. Ю. Олешков (отрывок из работы).

ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ. I (Нижний Тагил, 2006. - 146 с.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/oleshkov-06.htm

1. ФУНКЦИОНАЛИЗМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Функциональная лингвистика

Лингвистическим функционализмом называется направление в языкознании, представители которого считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основная идея функционализма - в объяснении языковой формы ее функциями.

Термин «функциональная лингвистика» используется в нескольких смыслах. В наиболее узком смысле он употребляется по отношению к Пражской лингвистической школе. Согласно телеологическому принципу (Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, С. О. Карцевский) язык как целенаправленная знаковая система средств выражения предназначен для выполнения определенных функций (прежде всего, - коммуникативной). Такой взгляд обусловил развитие функционального подхода в описании различных лингвистических явлений - от фонологии до семантики. Исследование социальной функции привело к развитию теории функциональных стилей

(разновидностей литературного языка, используемых в определенных социальных условиях), а также к возникновению теории актуального членения предложения.

Функциональная лингвистика как направление в широком смысле (функционализм) выходит за рамки структурализма и основывается на положении о том, что языковая система и ее составляющие подвержены влиянию и, более того, формируются под воздействием функциональных требований. Таким образом, задача функционализма состоит в объяснении языковой формы через ее функцию. В этом смысле функционализм противопоставлен формализму, постулирующему языковую структуру независимо от каких-либо функций и отрицающему влияние функций и коммуникативных целей на систему языка. Наиболее влиятельным представителем формализма является Н. Хомский с его генеративной грамматикой. Основной недостаток функционализма, по мнению представителей формальной грамматики, заключается в нечеткости понятия "функция" в целом и "коммуникативная функция" в частности.

Следует учитывать, что противопоставление между формализмом и функционализмом не является элементарным.

Функционалисты в отдельных случаях формализуют свои результаты, но не считают формализацию главной целью лингвистического исследования. Формалисты объясняют языковые факты без апелляции к языковым функциям, а ориентируются на аксиомы, которые сформулированы Н. Хомским. Фактически, под сомнение ставится сам приоритет коммуникативной функции языка. Такая критика не отрицает функционального подхода, а лишь показывает его ограниченность и необходимость рассмотрения других языковых функций.

Итак, 1) функционализм в целом не отрицает существования самостоятельной языковой системы или «языковой формы», а лишь утверждает, что она подвержена функциональному воздействию; 2) функционализм не отвергает формальных методов описания. Другими словами, отношение к формальным методам не связано с основным пунктом противостояния функционализма и формализма - отношением к роли функции языка и к влиянию функции на языковую систему.

Основные принципиальные отличия функционализма от генеративной грамматики могут быть сформулированы следующим образом.

1. Функционализм - это принципиально типологически ориентированная лингвистика. Функционализм не формулирует никаких априорных аксиом о структуре языка, а интересуется всем объемом фактов естественных языков. Даже те функциональные работы, которые имеют дело с каким-то одним языком (будь то

русский, английский или какой-либо «экзотический» язык), как правило, содержат типологическую перспективу, то есть помещают факты рассматриваемого языка в пространство типологических возможностей. В этом контексте всю историю генеративной грамматики последней четверти XX века следует рассматривать, как поиск возможностей найти соответствие материала типологически разнородных языков с концептуальными положениями «Универсальной грамматики» Н. Хомского, сформулированными в 1950-60-х гг.

2. Вторая, более общая характеристика функционализма, - эмпиризм, тенденция к анализу больших объемов данных, полученных в процессе наблюдения за функционированием языка в коммуникативном пространстве социума (ср., например, корпусы разговорного языка, используемые У. Чейфом и С. Томпсон). При этом «прикладной» характер таких исследований не отрицает теоретических обобщений, и, в итоге, многие функциональные работы представляют собой целые лингвистические теории.

3. Функционализм активно использует количественные методы - от простых подсчетов (Т. Гивон) до статистики в полном объеме (Р. Томлин).

4. Функционализм как направление имеет междисциплинарную основу. Исследования проводятся «на стыке» с психологией (У.Чейф, Р. Томлин), социологией (С. Томпсон), статистикой (М. Драер), историей и естественными науками (Д. Николс). Эта тенденция характерна для многих гуманитарных парадигм XX-XXI веков.

Дискуссии между формалистами и функционалистами имеют большое значение для развития прежде всего американской лингвистики, где позиции формализма особенно сильны. Именно для американских функционалистов характерно философское и методологическое осмысление недостаточности формального подхода к языку (Р. Д. Ван Валин, Т. Гивон, С. Томпсон и другие). Европейская же лингвистика (и российская в частности) находится в сфере влияния структурализма, основные направления которого развивают функциональный принцип описания языка. Тем самым функциональный подход является для нее если не обязательным, то, по крайней мере, естественным.

Как лингвистическое направление функционализм изучает языковую форму. Но в рамках своей концептуальной специфики исследователи-функционалисты считают, что языковая форма в принципе мотивирована языковыми функциями, то есть, адаптирована к функциям, выполняемым языком. Таким образом, один из ключевых вопросов функционализма - это вопрос об автономности языковой формы. При этом, по уровню «радикальности», можно выделить три

уровня «обособленности» функционального направления от формального.

1. «пограничный», или консервативный, уровень, при котором функциональный анализ рассматривается как некоторый «довесок» к формальному анализу.

2. «умеренный» уровень, при котором исследуется в основном грамматика, считающаяся относительно автономной структурой, мотивированной определенными функциями;

3. «радикальный» уровень, в рамках которого функционалисты считают, что грамматика может быть сведена к дискурсивным факторам.

Рассмотрим некоторые концептуальные положения функциональной лингвистики, наиболее общим постулатом которой является мнение о том, что язык устроен в соответствии со своей коммуникативной функцией.

Так, Сандра Томпсон, отмечает: «Несомненно, что грамматика мотивирована в значительной степени функциональными обстоятельствами <...> Ключевая черта функционализма - это признание того, что принципы, лежащие в основе устройства языковой системы, производны от «экологического контекста», в котором функционирует язык» (Thompson 1991: 93).

Принцип мотивации грамматики дискурсивным употреблением может быть проиллюстрирован следующей цитатой: «Если мы хотим понять, почему грамматические модели работают гак, как они работают, мы должны обратиться к тому, как язык используется говорящими в обычном бытовом диалоге. <...> С методологической точки зрения важно отметить, что говорящие абсолютно ничего не подозревают о факторах. влияющих на их собственное употребление. <...> Только глядя на естественный дискурс, а точнее - разговорный дискурс, мы можем выяснить дистрибутивные модели, непосредственно связанные с вопросом о том, как возникают интересущие нас грамматические модели» (Thompson, Mulac 1991: 250).

Важным для функционалистов представляется корреляция формы и прагматики. Так, принцип дискурсивной мотивации может быть обоснован частотностью использования коммуникантами той или иной формы, что сформулировано в крылатом высказывании Джона ДюБуа: «что говорящие делают чаще, то грамматика кодирует лучше» (DuBois 1985). Джон Хэйман декларирует принцип экономии: при прочих равных условиях выбираются более экономные, более короткие формы. «Произвольность грамматической структуры по большей части обусловлена существованием равновероятных мотиваций, таких, как иконизм и экономия, которые находятся в отношении конкуренции за выражение в рамках одной и той же языковой оси» (Haiman 1983: 781).

В функциональном направлении исследований широко используется диахронический подход. Та или иная модель устроена так, как она устроена, потому, что она произошла из некоторой другой модели. Например: «Чтобы узнать, почему суффиксы встречаются чаще, чем префиксы, следует иметь в виду, что позиция нового аффикса определяется позицией соответствующего элемента до того, как он стал аффиксом» (Bybee 1988: 375).

Таким образом, обращение к прагматической природе функционирования языка является определяющим в современных направлениях функциональной лингвистики. «Поскольку грамматика рождается (emerges) из конкурирующих мотиваций, коренящихся в когнитивной и прагматической организации человеческого взаимодействия, то наиболее разумный подход к объяснению грамматики, как кажется, - пытаться понять когнитивные и прагматические принципы, а также принципы «рутинизации», от которых зависят силы, формирующие грамматику» (Thompson 1991:96).

1.2. Функциональная грамматика

Исследования грамматического строя естественных языков, основанные на функциональном принципе, получили название функциональной грамматики. Описание грамматики строится исходя из содержания и назначения языковых единиц. Подобного рода исследования представлены в работах Ф. Брюно, О. Есперсена и других. Теоретическую основу функциональной грамматики заложил и развил С. Дик, который говорит о различных видах адекватности грамматики - психологической, типологической и прагматической.

Оригинальную теорию функциональной грамматики развивает А. В. Бондарко. Центральным понятием данной теории является функционально-семантическое поле. Это система языковых единиц, категорий и других явлений, объединенных на основе общности функций, обусловленных определенной семантической категорией.

Современная лингвистика рассматривает текст как результат взаимодействия множества разнородных факторов лингвопрагматического, стилистического, психологического, этнокультурного и социокультурного характера, поэтому оптимальная смысловая интерпретация текста/дискурса может быть осуществлена только при выявлении всех этих факторов.

При этом преобладающими должны быть системно-языковые факторы, рассматриваемые в особом аспекте, в особой перспективе - с учетом их функций (в направлении от функции к средствам). Описанная в таком аспекте языковая система и является

функциональной грамматикой и, как разновидность грамматики, может быть определена как часть функциональной лингвистики, которая «рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций» (Бондарко 1990: 565).

Система языка может быть описана двояко: 1) как система форм, соотнесенных с системой значений (функций), или 2) как система значений (понятий, семантических конфигураций, семантических полей), сопоставляемая с разноуровневыми языковыми формами.

В то же время, систематическое описание грамматики языка не может быть последовательно семантическим (ориентированным в направлении от значения к форме) или последовательно формальным. Это обусловлено как асимметрией языкового знака, так и тем обстоятельством, что в реальной речевой деятельности ни говорящий, ни слушающий подобным образом не действуют.

Воспринимая (интерпретируя) текст, мы анализируем языковые формы, стремясь реконструировать семантические структуры, имевшиеся в сознании говорящего, автора текста. Мы как будто «идем» от формы к значению, но такое представление так же неточно, как и мнение, будто говорящий последовательно идет от значений (некоторых конфигураций значений) к формам.

Если у говорящего есть возможность выбора языковых форм, то у слушающего есть свобода семантических интерпретаций. Но свобода эта ограничена. Говорящий так же «привязан» к языковым структурам, как и слушающий, а слушающий, если он подчиняется конвенциям речевого общения, всегда стремится понять, что имеет в виду говорящий. Оба участника коммуникации строят, порождают текст, последовательность знаков, соотнесенную с тождественными в целом (но не в деталях, не в оттенках) семантическими структурами.

Адресат, воспринимая текст, всегда ставит себя на место говорящего. В свою очередь, говорящий, реализуя свою систему интенций, обязательно принимает во внимание потребности и цели адресата. Оба используют язык как систему форм, обусловленную системой значений.

По словам У. Чейфа, «продвигаясь от своего первоначального понятия к высказыванию», говорящий принимает во внимание «как понятийные, так и синтаксические соображения» (Чейф 1975: 7-8).

Авторы русской академической грамматики, строящие описание «от формы к значению», отмечают, что «характеристики значений грамматических единиц всех уровней составляют неотъемлемую часть этого описания», т.е. «обязательно входят в их первичные определения», (Русская грамматика 1980: 9-10).

Таким образом, функциональный подход вовсе не предполагает недооценки формально-грамматических аспектов. По словам Г.А.Золотовой, «понятие "коммуникативный"... не противопоставляется понятию "конструктивный", поскольку в синтаксисе нет конструкций, не предназначенных участвовать тем или иным способом в процессе коммуникации...» (Золотова 1982: 3-4).

Итак, выбор функционального метода, несмотря на кажущееся удобство «формально-грамматического» описания языковых явлений, определяется природой языка как знаковой системы. «Функциональный метод исходит из презумпции функциональной обусловленности языковой формы» (Кибрик 1982: 20).

По словам А.В. Бондарко, «у функциональной грамматики есть свой предмет - функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании. Функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода систему... - систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» (Бондарко 1983: 3). В этом аспекте определяющим является понятие функционально-семантического поля, которое трактуется как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и "строевых" лексических, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» (Теория функциональной грамматики 1987: 11). При этом функциональная грамматика в своем развитии все более ориентируется на исследование речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации семантических, структурных, прагматических, стилистических и иных функций языковых единиц. Поэтому, как отмечает, В.А. Мишланов, «вариант функциональной грамматики, базирующийся на понятии функционально-семантического поля, оказывается, на наш взгляд, одним из наиболее действенных и перспективных для разработки общей методологии и частных методик комплексного семантического анализа текста (дискурсивного анализа, ставящего целью выявить все компоненты смысла речевого произведения того или иного жанра)» (Мишланов 2005: 181).

Таким образом, для адекватной интерпретации текста/дискурса необходимо: 1) выявить сигнификативные, денотативные и референциальные значения языковых выражений, включая стилистические, эмоциональные и оценочные коннотации; 2) определить временные и пространственные границы описываемых

событий; 3) учесть анафорические отношения, присущие как простому предложению (высказыванию), так и тексту в целом; 4) оценить отношения между коммуникантами (участниками ситуации) и характер интенциональности взаимодействия в процессе речевого акта; 5) выявить имплицитные смыслы высказываний (пресуппозиции), а также связи, включающие данный текст в интертекстуальное пространство на уровне дискурсивного и герменевтического анализа. Для осуществления этого пречня операций функциональная грамматика использует систему языковых средств и категорий, таких, как темпоральность, аспектуальность, таксис. модальность, определенность/неопределенность, нереальность. бытийность, локативность и др.).

Следует отметить, что сегодня функциональная грамматика не замыкается на грамматическом уровне, и именно поэтому она способна не только перечислить все основные (узуальные) синтаксические формы, присущие коммуникативной ситуации того или иного типа, но и выявить коммуникативные, структурные и иные признаки, опираясь на которые адресат речи адекватно воспринимает смысл высказывания

Ю.С.Степанов

Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века, М., 1995. С.35-74 (отрывок).

1. Дискурс

Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль" (речи или языка). Причина того, что при живом термине "функциональный стиль" потребовался другой — "дискурс", заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) "функциональный стиль" означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т. д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англо-саксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания.

Англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции — как к особенностям текстов. "Дискурс" в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях. Т. М. Николаева в своем Словарике терминов лингвистики текста (1978 г.) под этим термином писала: "Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных (т. е. даже не синонимичных. — Ю. С). Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная" [Николаева 1978, 467]. Лишь значительно позднее англосаксонские лингвисты осознали, что "дискурс" — это не только "данность текста", но и некая стоящая за этой "данностью" система, прежде всего грамматика. "Первоначально,— писали в 1983 г. Т. А. ванн Дейк и В. Кинч,— теоретические предположения, основанные на том, что грамматика должна объяснить системно-языковые структуры целого текста, превращаясь, таким образом, в грамматику текста, оставались декларативными и по-прежнему слишком близкими по своему духу генеративной парадигме. Однако вскоре и грамматика текста, и лингвистические исследования дискурса разработали более независимую парадигму, которая была принята в Европе и в Соединенных Штатах" [ван Дейк и Кинч 1988, 154]. Однако и в этой работе двух авторов по-прежнему доминирует чисто "текстовой" подход— на тексты смотрят, в общем, как "на речевые произведения", которых великое множество, может быть множество неисчислимое, и которые поэтому требуют выработки лишь общих принципов для своего понимания (для "своей грамматики"), но не реальных конкретных грамматик разных типов дискурса.

Между тем В. 3. Демьянков в своем словаре "Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста" (вып. 2, 1982 г.) сумел дать обобщающий эскиз того, что представляет собой "грамматика" и, шире, "мир дискурса". В. 3. Демьянков писал (мы опускаем его многочисленные указания на отдельные работы, подтверждающие его обобщения): «Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретаторамиром, который "строится" по ходу развертывания дискурса, — это точка зрения

"этнография речи", ср. предлагаемый (в одной из работ. — *Ю. С.)* гештальтистский подход к дискурсу. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформа тивная информация и "не-события", т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями » {Демьянков 1982, 7]. Это лучшее до сих пор определение дискурса показывает, что для понимания того, что такое дискурс, мы нуждаемся не столько в общих рекомендациях (которые ставили своей целью, например, Т. А. ван Дейк и В. Кинч в упо-мянумой работе),— ведь дискурс описывается как всякий я з ы к (а не просто текст), как всякий язык, имеющий свои тексты, — мы нуждаемся в хороших описаниях дискурсов, без которых не может быть продвинута и их теория. И такие описания не замедлили появиться. И еще на каком материале!

Мы имеем в виду — уже ставшую классической — работу франко-швейцарского лингвиста и культуролога Патрика Серио (другая его работа публикуется в настоящей книге) "Анализ советского политического дискурса" ("Analyse du discours politique sovietique", Paris, 1985) (см. [Seriot 1985], — далее указываем страницы этого издания).

П. Серио начинает свое исследование как историческое, показывая, какое воздействие оказал на русский язык "советский способ оперирования с языком" на протяжении десятилетий советского строя.

Что получилось в русском языке— новый язык? Новый "подъязык"? Новый "стиль"? Нет, — гласит ответ П. Серио. — То, что образовалось в русском языке должно быть названо особым термином — "д и с к у р с". Мы, со своей стороны, предварительно разъясним это явление так: д и с к у р с — это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особыеправила лексики. И, как мы увидим дальше, в конечном счете в свою очередь создает особый "ментальный мир". Дискурс советской идеологии хрущевской и брежневской поры получил во Франции среди знающих русский язык наименование "langue de bois", "деревянный язык" (во Франции бытует также выражение "gueule de bois", явно сходное с упомянутым, но применимое обычно к тому, что человек ощущает у себя во рту при "крутом похмелье").

Конечно, дискурс существует не только в явно обозначенной политической сфере. Скажем, — современный "русский речевой этикет" (так даже называются некоторые книги). Идет ли речь о нормах русского языка? Нет, — опять отвечает Серио. — Речь идет о нормах дискурса, которые авторы подобных работ желают выдать за нормы русского языка вообще. И это совершенно верное утверждение П. Серио. Автор ставит своей задачей "читать строки", а не "читать между строк": дискурс — это прежде всего тексты (прежде всего, но как мы опять-таки увидим ниже — далеко не только тексты). П. Серио анализирует вплоть до мельчайших деталей два — "основополагающих" для названной эпохи — текста: Н. С. Хрущев "Отчет Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза XXII съезду КПСС" (1961 г.) и Л. И. Брежнев "Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической Партии Советского Союза" (1966 г.). В результате анализа выясняются две яркие особенности советского политического дискурса этой эпохи — так называемая "номинализация" и так называемое "сочинение" (т. е. сочинительные связи в некоторых частях предложения).

Номинализация — само по себе явление не новое, это одна из общих тенденций языкового союза, в который входит русский язык. Но в советском политическом дискурсе эта тенденция приобретает до крайности гипертрофированные масштабы и преломляется особым образом. Вот типичный пример (из доклада Брежнева, по книге "Ленинским курсом", М.: Изд. Политич. литер., 1973, с. 313):

"Главным источником роста производительности труда Должно быть повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологическихпроцессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление специализации и улучшение производственного кооперирования предприятий".

Семантическим итогом таких бесчисленных номинализа-ций, т. е. замены личных форм глаголов их производными на *чгние, -ение, -ация* и т. п. является исчезновение субъекта, агенса того, о чем говорится. Все процессы приобретают безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет "классическая" безличность в русском языке (например, *Меня так и осенило; Его будто бы ударило,* и т. п.). А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие, уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями.

Сочинение — другая особенность советского политического дискурса. Оно приобретает две основные формы — либо соединяются посредством союза "и" два понятия (или большее их число), которые

в обычной русской речи, т. е. за пределами данного "дискурса", синонимами не являются: например, "партия", "народ" — результат "партия и народ". Либо, при другой форме сочинения, союз "и" вообще устраняется и логические отношения между соединенными понятиями вообще приобретают форму, не поддающуюся интерпретации: например, "партия, весь советский народ"; "комсомольцы, вся советская молодежь".

Результатом этой процедуры оказывается следующий семантический парадокс: огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навевается идея об их действительном соотношении в "жизни", о чем-то вроде их "тождественности". П. Серио приводит такой список сочиненных понятий — иллюстрация парадокса [Seriot 1985, 95]:

партия = народ = ЦК = правительство = государство = коммунисты = советские люди = рабочий класс = все народы Советского Союза = каждый советский человек = революция = наш съезд = рабочие = колхозники = беспартийные = рабочие совхозов = специалисты сельского хозяйства = . . . и т. д. (мы пропускаем часть списка) . . . = народы всех братских республик Советского Союза = общество = инженеры = техники = конструкторы = ученые = колхозное крестьянство = крестьяне = делегаты XXII съезда- народы других стран == все человечество = трудящиеся всех стран = весь социалистический лагерь = социализм = массы **=: МИЛЛИОНЫ.**

Точно такое же соотношение касается и тех, кто произносит "отчетный доклад". Но здесь вопрос даже сложнее: «Что делает Хрущев или Брежнев, "выступая с докладом"?»— "читает доклад" (или: "зачитывает" его)? "произносит доклад"? "делает доклад"? и т. д. Очевидно, что все эти разные формы предполагают разное авторское участие, разную степень ответственности докладчика за текст доклада. И, совершенно подобно тому, что мы отметили выше при "номинали-зации", здесь происходит "исчезновение авторства" и одновременно "исчезновение ответственности": официально приемлемо почти только одно выражение — "выступил с докладом".

С другой стороны, к тому же результату ведет и "сочинение", итогом чего оказывается, что "источником" текста является: я (= Генсек) = ЦК = вся партия = наша страна - мы, а его "получателем", "адресатом": делегаты съезда = все коммунисты = народ = все прогрессивное человечество = все люди = мы [Seriot 1985, 71].

Рассмотрим теперь некоторые общие признаки дискурса вообще.

Дискурс, по-видимому, создается не во всяком языке, или, точнее не во всяком ареале языковой культуры. Мы увидим далее (в разделах 2 и 3), что дискурсы, в частности, "дискурс царя Эдипа", выделяются в

древнегреческом языке соответствующей эпохи. Это связано, по-видимому, с наличием особого мифологического слоя в греческой культуре того времени. Но не является ли дискурс всегда, в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии?

Во всяком случае дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, — в настоящее время уже не является адекватным. П. Серио [Seriot 1985, 287] хорошо показывает это на примере сравнения русского политического дискурса с переводами его текстов на чешский язык. Возьмем, к примеру, такое высказывание из советского политического дискурса:

«В отличие от других форм организации общественно-производственного труда учащихся школьная бригада помогает наиболее удачно решать задачи массового вовлечения подростков и юношей в колхозное производство, обеспечения их труда педагогическим и агротехническим руководством, выполнения учащимися всего комплекса полевых работ, применения механизации".

Чешский перевод:

"Na rozdil od jinych organizacnich forem spolecenske vyrobni pra-ce zaku pomaha Skolni brigada nejzdarileji reSit ukol, aby byla dospivajici mladez masove zarazena do kolchozni vyroby, aby jeji praci bylo zajiSte-no pedagogicke a agrotechnicke vedeni, aby zaci vykonavali cely kom-plex polnich praci a aby bylo vyuzito mechanizace".

Если подходить к сравнению этих образцов текста только с точки зрения языковой "характерологии" и сравнительной стилистики, как это предписывалось в духе соответствующего определения языка (см. пункт 5 в предыд. статье), то останется как раз неучтенным и неосознанным то различие, что русско-советские номинализации по-чешски передаются развернутыми фразами и, следовательно, в чешском языке не существует фундаментальная двусмысленность советского политического дискурса, которая отмечена выше.

Другая особая, конституирующая черта дискурса состоит в том, что дискурс предполагает и создает своего рода идеального адресата (как говорит П. Серио, un Destina-taire ideal). Этот "идеальный адресат дискурса" отличен от конкретного "воспринимателя речи" (un recepteur concret), каковыми являются, в частности, все делегаты съезда КПСС, сидящие в зале заседаний съезда и слушающие отчетный доклад. "Идеальный адресат, — говорит П. Серио, — может быть определен как тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат

учитывает все пресуппозиции. В самом деле, отрицать пресуппозиции было бы равносильно отрицанию правил игры и тем самым отрицанию за говорящим-докладчиком его права на место оратора, которое он занимает».

Но каковы эти пресуппозиции?— Они показаны в предыдущем анализе. В частности, одной из самых сильных является следующая: номинализованные группы (номинализации вместо пропозиций, содержащих утверждение) являются обозначениями объектов (референтов), реально существующих, — однако их существование (т. е. утверждение существования) никем не производилось: номинализации такого рода выступают как кем-то (неизвестно кем, — это остается в тени) изготовленные "полуфабрикаты", которые говорящий (оратор) лишь использует, вставляя в свою речь. П. Серио называет эти "полуфабрикаты" — номинализации специальным термином "le preconstruit", примерный перевод которого может быть таким: "предварительные заготовки", или, как мы уже сказали "полуфабрикаты". (Во французском языке, например, сборные дома называются аналогичным термином "prefabrique".)

Из этих особенностей дискурса вытекают новые требования к его логическому анализу. П. Серио демонстрирует это на следующем примере (с. 241 и сл.). Допустим, мы имеем фразу (это подлинная фраза из доклада Н. С. Хрущева):

"Одержанные советским народом всемирно-исторические победы являются самым убедительным доказательством правильного применения и творческого развития марксистско-ленинской теории".

Обычный логический анализ, т. е. анализ в терминах пропозиций-утверждений был бы таким:

(1) советский народ одержал всемирно-исторические побе ды;

(2) м.-л. теория правильно применяется / применялась / бы ла применена. — N правильно применяет / применял / применил м.-л. теорию;

(3) м.-л. теория творчески развивается / развивалась / раз вилась. N развивает / развивал / развил м.-л. теорию.

Однако ввиду наличия в исходном контексте не пропозиций, а номинализаций все эти утверждения и соответствующий силлогизм как бы заранее устранены, или, говоря теперь точнее в терминах анализа дискурса, заранее утверждены как не требующие доказательства, как "preconstruit".

В своей работе П. Серио создает эскиз нового типа логического анализа, применимого к советскому политическому дискурсу и, как мы полагаем, к дискурсу вообще. Эту часть исследования П. Серио мы здесь оставляем в стороне, — более подробно новый тип анализа

будет освещен ниже, по данным, главным образом, так называемой "Пенсильванской школы" США, в особенности работ 3. Вендлера.

В заключении этого раздела отметим лишь одну немаловажную для нашей книги деталь: так называемый "классический генеративный анализ" не дает адекватного результата в случаях, подобных только что рассмотренному. «"Классическая" генеративная модель (т. е. модель синтаксиса, функционирующего без учета лексики, даже если она принимает во внимание "лексические ограничения", des contraintes de selection) дала бы в таких случаях анализ, основанный на представлении синтагматической последовательности (компонентов фразы. — *Ю. С.*). … Такой анализ функционирует, на наш взгляд, путем атомизации поверхностных единиц» [Seriot 1985, 319 и сл.]. Между тем суть анализа, по справедливому выводу П. Серио, должна заключаться как раз в том, чтобы описать фундаментальную особенность дискурса данного типа— "амбивалентность", или фундаментальную двусмысленность" (ambivalence ou ambiguite) его именных групп-но-минализаций. П. Серио удачно подошел к формулировке этой задачи.

Следующий шаг в ее решении был связан с работами "Пенсильванской школы" США и с новой трактовкой категорий "Факт" и "Причина".

Итак, что такое дискурс?

Подводя итог этому разделу, нужно сказать, что дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир, В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из "возможных миров". Само явление дис-курса, его возможность, и есть доказательство тезиса "Язык — дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык — дом бытия".

Поэтому ниже, в следующем пункте, когда мы перейдем к анализу категории "Факт", мы будем говорить не только о категориях в формах языка (это, со времени Категорий Аристотеля, основной принцип рассуждений о категориях), но и о категориях в формах определенных дискурсов, — а это уже некоторое новшество. Оно носит логико-лингвистический характер. Собственно говоря, его уже — если не предвидел (поскольку он занимался другими вопросами,

нежели те, к которым мы хотим применить его рассуждение) — то во всяком случае предварил Б. Рассел в своей теории типов, изложенной в его совместной с А. Н. Уайтхедом работе "Principia mathematica" (в 1-м томе, 1910г.) и первоначально имевшей целью разрешить проблему логических парадоксов (ср., например, известный "парадокс лжеца" и др.). «Основной принцип этой теории,— резюмирует Х. Б. Карри, — состоит в том, что логические понятия (высказывания, индивиды, пропозициональные функции) располагаются в иерархию "типов" и что функция может иметь в качестве своих аргументов лишь понятия, которые предшествуют ей в этой иерархии, но не принадлежат ее уровню» [Карри 1969, 47]. Поскольку всякое предложение, построенное по нормальной модели, может быть сведено к некоторой пропозициональной функции (предикат при этом становится выражением функции, субъект и объекты ее аргументами), и поскольку дискурсы различаются типами своих предложений и, следовательно, своими пропозициональными функциями, то ясно, что это положение Рассела имеет также прямое отношение к логическому описанию дискурсов. Это делается тем более очевидным, если мы вспомним другие высказывания Б.Рассела по этому вопросу, например, следующее: "Если слова являются словами различных типов, то выражаемые ими значения также являются значениями различных типов". С другой стороны, в теории типов пересматривается обыденная, или "наивная" презумпция, что любое грамматически правильное предложение выражает некоторое осмысленное суждение.

Ширяева Т.Н. «Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме» // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. С.129-140.

	Подход к сущности дискурса	**Основные представители**	**Сущность понимания дискурса**
1	Лингвистический	З. Харрис, Э. Бьиссанс, Э. Бенвенист, Н.Д.	Уточнение и развитие традиционных понятий речи, текста,

		Арутюнова, С.И. Виноградов, Ю.Н.Караулов, А.Е. Кибрик, О.В. Платонова, В.В. Петров, Ж. Коке, П.де Манн, И.П. Ильин	диалога; поиски третьего члена оппозиции язык — речь. Синоним понятия «стиль»; исследование авторского стиля, авторской интенции, сцепление структур значения по собственным правилам комбинации и трансформации.
2.	Семиотический	А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, Ж. Делез, П. Анри, Ф. Гваттари	Изучение семиотически-нарративных структур и их трансформации в дискурсивные структуры, оперирование глубинными формами; исследование системности.
3.	Диалогический (полифонический)	М.М. Бахтин Ю. Кристева	Диалог, всегда вписанный в социокультурный контекст, является механизмом текстопорождения, прототипической ситуацией общения, превращает текст в дискурс
4.	Социальный	Э. Косериу, М. Пёше, П. Серио	Социальная практика, состоящая из

		М. Фуко, М. Фэрклау	высказываний, соотносимых с областями человеческого знания. Действующий язык, связанный с социальными отношениями, идентичностями, установлением отношений власти.
5.	Идеальный	Ю. Хабермас	Идеальный вид коммуникации в максимальном отстранении от социальной реальности.
6.	Деятельностно-коммуникативный	А.Ф. Алефиренко В.В. Богданов, В.З. Демьянков, Г.Н. Манаенко, В.И. Тюпа	Коммуникативная стратегия языка, обладающая креативной, референтной и рецептивной функциями.
7.	Когнитивный	Е.С. Кубрякова, Т.В. Милевская, М.Л. Макаров	Способ организации языковой и внеязыковой информации в форме текста для обмена и передачи информации средствами естественного языка на основе концептуальных представлений пользователя языка.

Т.о., дискурс может быть описан на основе различных параметров, признаков или свойств, существующих в нем одновременно. Объединяющими свойствами всех перечисленных концепций (и их разновидностей) являются динамизм каждого понимания и тенденция к их взаимопроникновению, что обусловлено динамичной природой языка в целом как особой естественной семиотической системой по обработке, накоплению и передаче информации и динамичной речевой деятельностью отдельных носителей языка, направленной на обмен информацией.

Г. А. Золотова

ГРАММАТИКА КАК НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ

(Русский язык в научном освещении. - № 1. - М., 2001. - С. 107-113). Электронный ресурс: http://www.philology.ru/linguistics1/zolotova-01.htm

Всякая наука стремится осмыслить не только свой объект, но и свое место, свою роль в системе человеческих знаний.

Древние включали грамматику в понятие искусства - ars, artis, наряду с такими «умственными занятиями» как риторика, астрономия и др.

Вергилий же полагал, что «грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание» (О изобретателях вещей, кн.1, гл.7) [цит. по Виноградов 1958: 48].

Подобная оценка звучит и в нашем азбуковнике конца XVI века: грамматика - «основание и подошва всем свободным хитростям» (т.е. наукам и искусствам) [там же: 12].

Основы российской грамматической науки заложены М. В. Ломоносовым «с явной ориентацией на глубокую смысловую содержательность речи как основу ее общественной ценности» [Виноградов 1958: 29].

Усилиями многих поколений накапливались грамматические наблюдения. В середине XX века, философские, логические увлечения, успехи естественных наук, стремление к «объективной точности знания» побуждали часть лингвистов к поискам «чистой формы», к построению схем и математических выкладок, пренебрегавших смыслом.

Но изучать в языке форму без содержания - все равно, что представить море без воды. Остроумно оценивала ситуацию Н.Д. Арутюнова: «знаковая теория предложения, связав его с миром, пустила по миру, - оторвала от хозяина - человека».

Сейчас хозяин-человек разными путями, в разных концепциях возвращается в науку о языке. Это важнейшая и нелегкая задача - вернуть человека в лингвистику на подобающее ему место.

Условия нашего зарегламентированного образования способствовали закреплению устоявшейся, так называемой традиционной грамматики, которую десятилетиями повторяли в учебниках и программах. Неудовлетворенность этими одинаковыми, на глазах стареющими грамматическими близнецами-братьями искала выхода.

Формировались смежные и дочерние области знания: семантика, прагматика, теория речевых актов, когнитология и другие, стремящиеся к самоутверждению, к суверенному, автономному существованию. Разрабатывались новые подходы к языку, возрождались полузабытые старые. Каждая область плодила полезные и бесполезные термины. Но другим материалом, кроме языкового, эти науки не располагают, существовать они могут только на почве языка. А язык материально един. Рассматривая его с одной, пусть и необходимой точки зрения, мы недооцениваем другие, разрушаем единство языкового феномена. Создается однобокое, обедненное представление о предмете.

Приходит пора собирать эти знания, интегрировать, расширив привычные границы грамматики. Критерием необходимости этого процесса и объединяющим началом становится фигура человека, говорящего лица.

Человек создал язык для общения с себе подобными. Говорящий, мыслящий, чувствующий человек - главное действующее лицо в мире и в языке. Его осмысление мира, его отношение к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах.

Суждения об антропоцентрической направленности лингвистики становятся к концу XX века чуть ли не общим местом. Что же конкретно меняет эта ориентация в нашем понимании грамматических явлений?

Лингвистика все увереннее приближается к признанию текста основным своим объектом. Ведь язык существует ради коммуникации, и осуществляется коммуникация в текстах - разной формы, разного объема и назначения, письменных и устных, спонтанных и подготовленных.

Грамматическая наука - часть филологии, это не свод парадигм, правил и запретов, а ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли.

Все категории и элементы языка как части целого предназначены служить тексту. Каждой языковой единице, помимо формы и значения, присуще имманентное свойство - функция, тот способ, которым она служит построению коммуниката. Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее **формы, значения и функции.**

Этот комплексный критерий, более объективно отвечающий сущности языковых явлений, позволяет переориентировать грамматику от классификационных задач к объяснительным. Вместо ответа на вопрос под какую классификационную рубрику это подводится?, и исследователю, и обучаемому предстоит искать ответы на более содержательные вопросы: *что выражено?* (о значении), *как, чем выражено?* (о форме), *зачем, для чего?* (о функции). На этой основе можно двигаться к следующему вопросу: *почему?* (о выборе, о смысловых, ситуативных, стилистических предпочтениях говорящего).

Не в разделении, не в противопоставлении «уровней» языка цель грамматического анализа, а в наблюдении, осознании результата совместных усилий семантики, морфологии, синтаксиса.

Немаловажно то, что это взаимодействие, тройственный критерий подводит более прочный фундамент и под наши классификации, в которых остается масса нерешенных, дискуссионных вопросов.

Обратимся к материалу одного из основополагающих разделов курса синтаксиса «Типы простого предложения». Мы требуем и от школьников, и от абитуриентов, и от студентов свободного владения терминами «односоставные - двусоставные», «личные - безличные» и т.д. при разборе предложений. Судьбу человека иногда решаем. А ведь сами - если честно и вдумчиво - на каждом пятом-десятом предложении можем споткнуться. Вот хрестоматийный пример: *Вы выходите на крыльцо. Вам холодно немножко… Вам дремлется… Над вами, кругом вас - туман…* (по Тургеневу).

Вы выходите…- двусоставное предложение? Но *Вы* здесь обобщенно-личное, а обобщенно-личные предложения - по схеме разновидность односоставных. *Вам холодно, Вам дремлется* - безличные, но сообщают о предикативном признаке лица, притом опять обобщенно-личного субъекта. Так личные они или безличные? Односоставные или двусоставные? Безличные или обобщенно-личные?

Над вами – туман - односоставное с обстоятельством места? *Туман* - подлежащее или сказуемое? А может быть, *Над вами* - подлежащее, называющее место, пространство, а туман - его

предикативный признак? Но *Над вами* - опять обобщенное лицо… и т.д.

Затруднительность положения и вопрошающего, и отвечающего в подобных случаях подтверждает, что в привычной схеме отсутствует четкий критерий деления. Не устарела ли сама схема? Сослужив прогрессивную службу своему времени, она не может десятилетиями оставаться незыблемой. Традиция в грамматике - это интерес и уважение к знаниям, оставленным нам предшествующими поколениями. Но традиционность в смысле застылость, неподвижность, боязнь поиска не свойственна науке по сути ее.

Не помогает привычная схема выйти из противоречий и в вопросе о способах выражения подлежащего. Александр Блок мечтал в свое время «*…Все сущее увековечить, Безличное - вочеловечить*»… А лингвисты, наоборот, личное - расчеловечивают.

Оправданно ли употреблять термин «безличное» по отношению к предложениям *Вам дремлется, Не спится, няня, Мне грустно потому, что весело тебе?* Ведь в них говорится о состоянии лица, о признаке, который вне лица, вне носителя его не может существовать; и лицо это, личный субъект, названо определенными падежными формами имени, а если не названо, ясно из контекста и по значению, и по форме, и по месту (законной препозиции) в предложении.

Современной грамматике известно и то, какие текстовые, коммуникативные условия допускают неназванность субъекта, неполную реализацию этой двусоставной модели (*Не спится, няня; Грустно, Нина*) и в каких условиях это невозможно (легко, например, таким способом превратить в абсурд строку из Лермонтова *…грустно, потому что весело*…).

Проблема признания свойственного некоторым моделям русских предложений подлежащего в косвенных падежах обсуждалась еще полтора века назад, но учебники продолжают оберегать грамматику от реальных фактов и здравого смысла.

Остаются пограничные конфликты и между рубриками «односоставных». Один специалист скажет: *Цыплят по осени считают* - неопределенно-личное предложение, потому что предикат в 3-ем лице множественного числа. Другой скажет - обобщенно-личное, потому что пословица.

Но дело опять не просто в том, чтобы подвести под рубрику. В этом делении можно увидеть большее: позицию говорящего по отношению к тому, о чем идет речь. Представляя субъект как неопределенно-личный, говорящий имеет в виду «кто-то другие, но не я», исключенность себя из возможных субъектов действия, **эксклюзивность:** *Кто-то стучит; Звонят; В трактир, говорят, привезли свежей семги* (Гоголь). Представляя субъект как

обобщенно- личный, говорящий имеет в виду «я и другие»: *Вы выходите на крыльцо; Идешь и думаешь…; Весь ты перезябнешь, руки не согнешь* (И. Суриков). «Другие и я»: Цыплят по осени считают, - включенность себя в число возможных субъектов, **инклюзивность.**

Оппозиция инклюзивности/эксклюзивности может быть сильным экспрессивным средством, когда служит способом выражения категории человеческого сознания «свой/чужой».

Ср. *Ну, удерешь с парохода, не ступишь и шагу - схватят, приведут к английскому коменданту и сейчас же повесят…*

В стихотворении М. Волошина «Террор» (1921г.) из семи четверостиший шесть состоят из одних неопределенно-личных предложений, сурово перечисляющих действия**не**названных (в «Коммуникативной грамматике», с. 462 - опечатка) палачей. (А. Н. Толстой).

Именно потому, что неназванность субъекта значима, а по природе действие не может быть бессубъектным, в «Коммуникативной грамматике» мы рассматриваем неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как модификации, с дополнительным смыслом, лично-глагольных, двусоставных. И в «безличных», тоже двусоставных, субъект (подлежащее!) выражен дательным не для того, чтобы его исключили из класса за морфологическую непохожесть, но для того, чтобы передать дополнительное значение **инволюнтивности,** независимости состояния от воли его носителя.

Двойная бухгалтерия, игра в qui pro quo («семантический субъект» *У детей кашель* прикидывается «грамматическим объектом», чтобы мы все-таки его перехитрили и распознали его субъектную роль) уместна в маскараде или в авантюрном романе, но не в языке, где все системно выражает смысл, если не жертвовать смыслом синтаксической системы, поддаваясь давлению морфологических критериев. Благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей.

Изучение языка только с проникновением в его человечески значимые социальные, культурные, экспрессивные смыслы может сделать его привлекательным объектом и вместе с тем орудием развития интеллекта и вкуса.

Что бы ни говорили учебники, любой текст организует человек. Говорящее лицо явно или неявно, а для лингвиста - всегда явно, присутствует в нем, осмысляя мир со своей точки зрения. Есть разные формы и возможности обозначения этого присутствия.

Вот иду я вдоль большой дороги В тихом свете гаснущего дня… (Тютчев).

Эти строки реализуют дейктический критерий я - здесь - сейчас: говорящий, он же лирический герой, в хронотопе происходящего.

На берегу пустынных волн / Стоял Он, дум великих полн / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася, бедный челн / По ней стремился одиноко… (Пушкин).

Автор представляет нам своего героя в хронотопе происходившего, стоящим даже как бы спиной к нам, и дальше (маркер *пред ним*) мы видим то, что видит он, его глазами. Ср.*Пошел старик к синему морю, / Видит - на море черная буря* (Пушкин).

Но почему в повествовании о прошлых событиях появляется настоящее время? Это переключение на точку зрения персонажа, это настоящее время старика (Ср. [Успенский 1970]).

И временем, если вдуматься, говорящий распоряжается в тексте совсем не так, как написано в учебниках. Какое отношение к моменту речи говорящего имеет тот же пример со стариком? Да и что это за момент, где он? А что объясняет этикетка «настоящее историческое»? Почему *Вот идет старик к синему морю…* более историческое, чем *Пошел старик к синему морю?*

То же настоящее различно в примерах из Пушкина: (1) *Стою над снегами у края вершины* и (2) *И с каждой осенью я расцветаю вновь*.

В (1), как и в тютчевском *Вот бреду я…*, говорящий сейчас в хронотопе и воспринимает окружающее **сенсорно**; во (2) он как бы поднялся во времени и в пространстве над несколькими, многими осенями и суммирует, осмысляет прошедшее. Здесь другой способ восприятия - **ментальный.**

А повествование в «Пиковой даме» о несчастной судьбе бедной воспитанницы Лизаветы Ивановны автор подкрепляет словами Данте «Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца». Это тоже настоящее время, но автор уже как бы вышел за рамки своего текста в контекст мировой литературы, универсально значимых обобщений.

Вот что интересно наблюдать - свободный полет человеческой мысли (и речи соответственно) в пространстве и времени, а не прикрепленность к «моменту речи». А затем – выявить, какие закономерности этот полет, движение, перемещения организуют в текстовую структуру, в композицию целого произведения.

Когда мы читаем в лингвистических трудах, что грамматическое время объективно, однонаправленно и необратимо, трудно этому поверить. Происходит механический перенос свойств физического времени на время грамматическое. Дело в том, что их-то и надо разграничить.

Время физическое, природное однолинейно и необратимо, ход его независим от человека. Но соотнесенность с этим временем факультативна для текста.

Текст, художественный ли, устно-бытовой ли, организуется событийным временем, которое автор, говорящий по своей воле выстраивает, намеренно или произвольно, в том порядке, в котором он перемещает свой «наблюдательный пункт» по отношению к событиям, действительным или воображаемым. Все соседствующие предикаты связного текста (в том числе и так называемые “полупредикативные” конструкты - причастные, деепричастные обороты, инфинитивы, девербативы и др.) вступают в таксисные отношения - одновременности, параллельности, предшествования, следования.

Р. Якобсон в свое время недооценил грамматическую роль говорящего лица, противопоставив время как «шифтерную» категорию, связанную с актом речи, «нешифтерным» категориям таксиса и вида [Якобсон 1972].

Оппозицию несовершенного и совершенного вида тоже не объяснить без учета точки зрения говорящего, либо «сопровождающего взглядом» длящийся процесс (*шел, шел; сидит, молчит*), либо фиксирующего изменения в продолжающемся процессе, «пересекая» его наблюдением (*малыш подрос, брат растолстел, похолодало, ветер усилился*).

Увидеть творческую силу говорящего, автора, субъективное управление текстовым временем, подвижность точки отсчета, наблюдательного пункта - все это предусловия анализа принципов построения текста.

Еще в 30-е годы В. В. Виноградовым была сформулирована задача выявить поддающиеся систематизации типизированные речевые единицы и изучать законы их комбинирования, соединения в текстах разного типа и назначения. В работах Виноградова [1930,1936] заложены основы науки о структуре текста.

Как возможное решение этой задачи разработана его последователями концепция пяти коммуникативных регистров речи, конкретные реализации которых и оказываются конститутивными единицами, композитивами текста. Практически любые тексты обнаруживают регистровое строение, с разными, естественно, количественными и качественными предпочтениями. Выявлены три оси времени, типы композиций, общие ступени рассмотрения текстовой структуры, даны многие примеры анализа текстов. «Коммуникативная грамматика» не противопоставляет язык речи, текст системе. «Грамматика» наблюдает язык в речевой динамике, стремясь извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи и на этой основе найти явлениям их место в системе.

Фигура говорящего/наблюдателя с ее меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и

коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста и одушевляет грамматику. Поиски очеловеченного представления языковой системы, раздвигая границы грамматической компетенции, подводят более аргументированную лингвистическую базу под филологические исследования и поднимают грамматику на уровень современных гуманитарных задач, способствуя «раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом» (Л. В. Щерба).

Литература

Виноградов 1930 - В. В. Виноградов. О художественной прозе. М.;Л., 1930.

Виноградов 1936 - В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии, 2. М.; Л., 1936.

Виноградов 1958 - В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1988 - Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко., М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1970.

Степанов 1981 - Ю. С. Степанов. В поисках прагматики (проблема субъекта). ИАН СЛЯ. 1981. Т 40. No 4.

Успенский 1970 - Б. А. Успенский. Поэтика композиции. М., 1970.

Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Щерба 1974 - Л. В. Щерба. Новая грамматика // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Якобсон 1972 - Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

В. Ю. Барбазюк

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Lingua mobilis №6 (25), 2010. С.12-19.

В современной науке отмечается становление новой трансдисциплинарной методологии - лингвосинергетики. В статье рассматриваются истоки и перспективы, а также базовые понятия нового направления в современной лингвистике. Возможность приложения синергетического подхода к изучению языка, речевой деятельности; предпринимается попытка наметить границы и основные задачи новой области исследований.

Ключевые слова: синергетика, лингвосинергетика, аттрактор, самоорганизация, метафора.

Несмотря на то, что синергетика, относительно новая наука о самоорганизации и саморазвитии сложных систем, она находит все новые применения в различных сферах науки и техники. О ней написано уже немало научных трудов, в которых делается попытка обобщить главные закономерности сложных систем, выявленные в естественных науках.

Создателем синергетического направления является Г.Хакен. Он перечислил следующие ключевые положения этого междисциплинарного научного направления:

1. «Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействие друг с другом.
2. Эти системы являются нелинейными.
3. При рассмотрении систем различного происхождения речь идет об открытых системах, далеких от состояния равновесия.
4. Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям.
5. Системы могут стать нестабильными.
6. Происходят качественные изменения.
7. В этих системах обнаруживаются эмерджентные новые свойства
8. Возникают пространственные, временные, пространственно-временные и/или функциональные структуры.
9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими.
10. Во многих случаях возможна математизация» [9. С. 55]

Синергетика (от греч. syergētikós – совместное действие, взаимодействие и т.п.) – новое междисциплинарное направление исследования систем, состоящих из большого числа компонент или подсистем,

сложным образом взаимодействующих между собой. В результате такого взаимодействия возникают процессы, которые приводят к самоорганизации системы.

Одно из наиболее удачных определений самоорганизующихся систем было дано Б.Г.Юдиным: «Самоорганизующиеся системы можно определить как системы, способные при активном взаимодействие со средой изменять свою структуру, сохраняя в то же время целостность и действуя в рамках закономерностей, присущих окружению, выбирать одну из возможных линий поведения. Такая система может учитывать большое число факторов, каждый из которых меняется в широких пределах, т. е. способна осуществлять контроль, регулирование или управление чрезвычайно сложными процессами» [11. С. 360-361].

Основы синергетики – понятия открытых, нелинейных систем и процессов, детерминированного хаоса, диссипативных структур и многие другие – заложены именно Г.Хакеном и И.Р.Пригожиным [8. С. 2] и получили дальнейшее развитие в различных областях естественнонаучного и гуманитарного знания: физике, химии, биологии, социологии, педагогике, лингвистике, а также в искусстве, культуре, коммуникации (Е.Н.Князева, В.И.Аршинов, Д.С.Чернавский, В.Г.Буданов, А.В.Волошинов, И.А.Евин, В.Г.Зинченко) [4. С. 228].

В последние годы наблюдается тенденция к сближению естественных и гуманитарных наук, возрастающий интерес гуманитариев к идеям и методам синергетики. Синергетическое понимание множества явлений завоевывает все больше последователей в мире. В стороне от этого научного направления не осталось и языкознание. Ряд идей синергетики, например таких, как нелинейность языковой системы, открытость и динамическая структурность, разрабатываются лингвистами.

Синергетическое мировидение характеризуется в философии как холистическое, нелинейное, эволюционное. С точки зрения интересов языкознания такое понимание действительности можно пред ставить через обоснование следующего постулата: Язык «является целым, нестабильным, меняющимся эволюционирующим миром, что дает право говорить применительно к нему об определенной неустойчивости» [1. С. 20].

Лингвистическая синергетика – новая парадигма познания языка как человеческого, социального, биопсихического, когнитивного и социального явления. В основе лингвосинергетики лежит подход к языку (*дискурсу*) как самоорганизующейся системе, тесно взаимосвязанной с внешней средой (сознанием коммуникантов и общей системой языка), чье воздействие, наряду с внутренними процессами речевой системы, приводит к возникновению функциональных коле-

баний (в терминах лингвосинергетики «*флуктуаций*»), отклонение от равновесного состояния прагма-смыслового поля дискурса, поддерживаемого так называемыми параметрами порядка, управляющего функционированием системы. В ответ на вызванные изменения, хаотизацию, в смысловой системе возникают новые, спонтанные свойства, способствующие дальнейшему движению дискурса к наиболее упорядоченной точке системы – коммуникативной цели – «*функциональному аттрактору*» как самому благоприятному режиму функционирования. «Появляющиеся в процессе общения излишки информации, будучи нерелевантными и дезорганизующими элементами дискурсивной системы, подвергаются «диссипации» – рассеиваются во внешнюю среду, из которой, в свою очередь, осуществляется приток в систему ресурсов, способствующих погашению смысловой разупорядоченности, т.е. в развитии системы на основе круговой причинной связи постоянно происходит движение и взаимодействие прагма-семантических компонентов, что создает комплексное синергийное функциональное пространство дискурса» [10. С. 176].

Лингвосинергетика – не просто новый этап, а активно развиваемая самостоятельная парадигма системной лингвистики, в основе которой лежит подход к языку/речи/дискурсу как динамической саморегулируемой системе. «Многие идеи современного языкознания, в том числе английского, родственны синергетическим и свидетельствуют о своевременности возникновения данного направления, интегрирующего их в систему и направляющего в единое русло» [7. С. 104].

Таким образом, с позиций лингвосинергетики система дискурса характеризуется «как динамичная нелинейная саморегулируемая система смыслов дискурса, формируемая через их речевое выражение» [6. С. 23].

Дискурс (discourse) – «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса…Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями…» [3. С. 327].

Необходимо отметить, что, развивая основы синергетического направления лингвистики, следует вести речь не о механическом переносе естественнонаучной терминологии в область языковедческих изысканий, а об уместном использовании необходимых терминов при выработке новых подходов к анализу функциональной составляющей

речевой деятельности – с опорой на сложившиеся до этого и достаточно обоснованные научные представления, но с преломлением их в новом ракурсе.

Феномен самоорганизации и саморегуляции языка является объектом целого спектра концепций, разновидностей динамического подхода к изучению языковых единиц Дж.К. Ципфа, М. Сводеша; квантитативной лингвистики и типологии (Р.Г. Пиотровский, М.В. Арапов, В.Т. Титов, Дж. Гринберг).

Предмет лингвистической синергетики, по Р.Г. Пиотровскому, – «обнаружение и изучение механизмов самоорганизации и саморегуляции языка» [2. С. 65].

С применение синергетической методологии изучаются такие сложные человекомерные системы, как ментальный лексикон (психолингвистическая концепция ментального лексикона как динамической самоорганизующей системы А.А. Залевской), ядро ментального лексикона (концепция ядра как странного аттрактора, притягивающего к себе все траектории эволюции системы Н.О. Золотовой), речевая деятельность и слово (направление «лингвосинергетика», разрабатываемое Барнаульской психолингвистической школой), текст (концепция текста как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы Н.Л. Мышкиной, концепция текста как природного энергетического объекта Г.Г. Москальчук), знак (концепция семиозиса как трансформации энергии в информацию Э. Таборски).

Фундаментальным положением синергетической лингвистики является тезис о неравновестности, неустойчивости, открытости и нелинейности языковой системы.

Неравновесность – состояние удаленности системы от равновесия (под действием некоторых сил), характеризуемое процессами обмена между динамической системой и внешней средой. Неравновесные системы способны воспринимать различия во внешней среде и «учитывать» их в своем функционировании.

Нелинейность – зависимость свойств системы от комплекса процессов, которые в ней протекают, и от внешних воздействий. Понятие нелинейности подразумевает возможность разных решений или путей эволюции системы при имеющихся начальных условиях.

Некоторые положения синергетики неоднократно излагались, анализировалась их применимость в лингвистике, обосновывалась эффективность их приложения.

Суть этих положений следующая:

1. Способность системы к самоорганизации обусловлена ее неравновесным состоянием и наличием иерархии подсистем, способных моделировать друг друга и окружающую среду.

2. В самоорганизующихся системах присутствуют аттракторы. В синергетике они «приводят к общему знаменателю» большое разнообразие объяснений того, как происходит порождение текста и контекста. Для таких объяснений привлекаются понятия экстралингвистических условий, интенций коммуникантов, языковой личности, языковой картины мира и др.

Самоорганизация является фундаментальным понятием синергетики и означает переход от хаоса к структурированному состоянию, ведет к переходу системы в устойчивое состояние – аттрактор.

Аттрактор – некоторая точка в сложной самоорганизующейся системе, которая определяет динамику системы, проявляет и направляет ее эволюцию. Отличительное свойство аттрактора в том, что он как бы притягивает к себе все прочие траектории эволюции системы.

Аттракторы – реальные структуры в пространстве и времени, на которые выходят процессы самоорганизации в открытых нелинейных средах… «Структуры-аттракторы выглядят как цели эволюции… в качестве таких целей могут выступать как хаотические состояния, так и различные типы структур, имеющих симметричную, правильную архитектуру и возбуждаемых в среде в некотором смысле резонансом» [5. С. 39].

Итак, под аттрактором в синергетике понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество траекторий системы, определяемых разными начальными условиями.

Креативный аттрактор в лингвосинергетике – доминантный смысл – это «зона гармонизации симметрии и ассиметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [2. С. 77].

Как разновидность, различают также «*странный аттрактор*», отличный от состояния равновесия, характеризующийся тем, что хотя к нему и «притягиваются» решения, но ведут они себя «странным»– случайным образом, разбиваясь на множество траекторий.

Стоит также учитывать, что становление лингвосинергетической парадигмы связано и с рядом трудностей:

Трудно проверить предлагаемые синергетические модели экс1. периментально.

Практически невозможно наблюдать механизмы саморегули2. рования и самоорганизации языка в силу медленной трансформации систем языка.

Обнаружение достаточных для синергетических моделей ис3. числяемых переменных затруднено даже на репрезентативном лингвистическом материале.

Меняются границы лингвистических объектов в ходе эволюции систем языка и речи.

Характерный пример сложной незамкнутой самоорганизующей системы являет собой английский язык. Его существенное свойство заключается в том, «что в процессе его речевой реализации различные единицы и компоненты дискурса кооперируют, взаимно влияют и в определенных случаях обусловливают друг друга и вместе с тем проявляют способность к динамическому варьированию, саморегуляции, адаптации. Системная взаимозависимость и комплексность характерна для различных норм фонетики, орфографии и орфоэпии, грамматики и лексики» [7. С. 9].

В заключение стоит отметить, что в настоящее время понятие системности в языкознании нуждается в определенном переосмыслении в свете современных общенаучных представлений о системе и системных свойствах, и в этой связи – в «модернизации».

Список литературы

1. Базылев, В. Н. Автопортреты политиков: от психопоэтики к психополитике // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М., 1999. 17-24.
2. Герман, И. А. Лингвосинергетика: Монография. Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 168 с.
3. Демьянков, В. З. 1982а – Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1982. Т. 41. 4. С.327-337.
4. Дрожащих, Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. №1. С. 227-234.
5. Князева, Е. Н. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3.
6. Пономаренко, Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности/ Е.В. Пономаренко// Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 14-23.
7. Пономаренко, Е. В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 447 с.
8. Хакен, Г. Синергетика. М. : Мир, 1980. С. 404.
9. Хакен, Г. Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 53—61.

10. Храмченко, Д. С. Ирония как средство средство активизации синергийных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // Вестник СамГУ. 2009. № 1 (67). С. 175–180.
11. Юдин, Б. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем // Проблемы методологии системного исследования. М. : Мысль, 1970 С. 360-361.

Н. Б. Мечковская

ИГРОВОЕ НАЧАЛО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ИЗБЫТОК СИЛ ИЛИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ?

(Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. - М., 2006. - С. 30-41). Электронный ресурс: http://www.philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-06.htm

0. История языкознания и ряд тенденций в его современной динамике показывают, что для работы лингвистов 2-й пол. XX - начала XXI в. характерно большинство черт, релевантных для игры (однако не для математического понятия 'игра' как деятельности, направленной на принятие оптимальных решений в условиях неопределенности и несовпадения интересов «игроков», т. е. действующих начал). Теоретико-игровое понятие 'игра' пришло, впрочем, в лингвистику в другом качестве – не как модель вида деятельности, но как метафора-концепция позднего Витгенштейна, увидевшего в объекте лингвистики (языковом общении) «игры» говорящих, разыгрываемые по правилам обыденного языка.

1. Какие тенденции в истории культуры уменьшили «серьезность» и «ответственность» науки о языках? В аспекте оппозиции 'игровое, забава, развлечение vrs. серьезное, труд', ключевой для концепта игры (ср. [Хёйзинга 1938/1992: 58]), приходится констатировать, что современное языкознание всё менее осознается обществом в качестве «ответственного» и «важного» занятия - и это в отличие от вероисповедной значимости сочинений о языке в Средние века.

Вполне очевидны перемены в структуре современного знания и, как следствие, изменение места языкознания в структуре наук (гуманитарных, естественных, технических). Во-первых, количественно уменьшился относительный объем (или «удельный

вес») языкознания во всем корпусе знаний, которые продолжает наращивать человечество (речь идет именно об относительном сокращении, но в абсолютных цифрах накопленные объемы всякого знания неуклонно возрастают). Во-вторых, не только объективно (в цифрах), но и субъективно (в сознании людей) языкознание теряет в общественном престиже, потому что орфография перестала быть стражем ортодоксии, а грамматика - конфессиональной ученостью. Ценность филологии в глазах общества уменьшается, и это на фоне объективного роста значимости языка в жизни общества и отдельного человека. Ослабление престижа языкознания Нового времени связано с рядом причин.

1.1. Ослабли связи филологических занятий и конфессиональной практики. По мере секуляризации культур, сформированных религиями Писания (к которым относятся иудаизм, христианство, ислам), уходит в прошлое особая лингвистическая идеология, характерная для филологической службы «возле Писания». Сакрализация Откровения, записанного в Писании, создает феномен неконвенционального (безусловного) восприятия ритуально-языкового знака: свят не только Бог, но и его записанное слово, его имя, буква в имени; святы и должны быть неизменны те слова, которыми пророк или ученики славили Бога. В глубинах религиозного сознания вера в Писание сливалась с архетипическим фидеизмом - с тем ощущением волшебства слова, которое жило в дописьменной магии и ритуале.

В культурах религий Писания филология зародилась как конфессиональная служба «при священном тексте» - для сохранения и трансляции сакральных смыслов в неизменном виде. Для веков расцвета религиозно-филологического консерватизма (после определения религиозного канона) характерны максимальные ограничения и буквализм в переводах; реставрационная направленность в редактировании; господство цитат и догматизм в толкованиях; ограничения в доступности Писания для тех или иных групп верующих. Вековые традиции неконвенционального отношения к знаку стали предпосылкой особо пристального внимания к языку и тексту, что стимулировало технику тщательного перевода и редактирования, создание тонких методов изучения языка - филологической критики текста, лексикографии, грамматики (подробнее см. [Мечковская 1998]).

По мере секуляризации культуры неконвенциональное отношение к слову уходит в прошлое. В современном мире новый перевод Писания или исправление церковных книг не приводят к расколу церкви, к анафеме и казни переводчика. Затухание или утрата веры в трансцендентные возможности слова (веры в то, что от слова станется или что спастись можно только по правильным книгам)

привели к тому, что языкознание и филология в целом больше не выполняют те ответственные задачи, которые стояли перед ними, когда они были филологической службой «возле Писания». Иная картина имела место несколько веков назад.

В христианстве XIV-XVII вв. переводы и исправления церковных книг нередко были причиной серьезных конфликтов. Так, оксфордский профессор Джон Уиклиф, при участии и под руководством которого был выполнен первый английский перевод всей Библии, хотя и умер своей смертью (1384), однако 20 лет спустя по решению Констанского собора был признан еретиком и его останки были сожжены. Английский последователь Лютера, священник Уильям Тиндаль, за издание на английском языке Нового Завета и Пятикнижия Моисеева по приговору католического суда был удавлен и сожжен (1536). В Московской Руси в XVII в. исправление церковных книг по авторитетным византийским источникам привело к расколу церкви. Н.И. Толстой так писал о «книжной справе», о масштабе и значимости этого религиозно-филологического потрясения средневековой Руси: «Наряду с "устроением церковным" (принятие нового церковного устава в XIV в. - Н.М.), шло „исправление книжное", возведенное на Руси в дело первейшего государственного значения, волновавшее впоследствии почти все социальные слои русского народа и послужившее поводом глубоких расслоений и борьбы официальных „никонианцев" и старообрядцев - "ревнителей святой старины". Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро» [Толстой 1988: 146].

Современному сознанию трудно почувствовать остроту проблемы. Ее корни лежат в ином отношении к знаку - именно в неконвенциональном восприятии знака. Документы прошлого позволяют видетв, что это значит - фидеистическое восприятие знака и языка. Приведу выдержку из сочинения украинского монаха Иоанна Вышенского, в конце XVI в. истово верившего что славянский язык лучше *спасает*, нежели латинский: «Бог всемогущий, во тройци славимый, лутче крестит в словенском языку, а нежели в латынском. <...> ВѢдай же о том, Скарго, хто спастися хочет и освятитися прагнет, и до простоты и правды покорнаго языка словенскаго не доступит, ани спасения, ани освящения не получит» [Вышенский 1955: 194-195].

1.2. Размывание в культуре и языке оппозиции элитарное-массовое ведет к общедоступности филологических знаний и занятий. Второй мощный фактор, приведший к уменьшению в обществе престижа грамматической учености, состоит в повсеместной демократизации языков культуры. В истории послефеодальной Европы по мере укрепления роли народных языков уменьшалась значимость

иноязычного начала (латинского, греческого, церковнославянского, французского). После промышленной революции и распространения образования вширь постепенно снижалась роль книжно-письменного начала в пользу этнической и устно-разговорной стихий. В результате владеть (и помогать овладевать) языком своей культуры стало не так трудно и, следовательно, не так доходно и почетно, как в Средние века.

1.3. По мере секуляризации общества социальный статус грамматистов и лексикографов снижался - по причине профанности ремесла и многолюдности цеха. В Средние века филологические занятия, тесно связанные с богословием и конфессиональной практикой, были престижны и находились в центре умственной жизни. Если обратиться к истории филологии, в частности к истории Slavia Orthodoxa, то поражает масштаб личностей, стоявших у истоков традиции.

Церковнославянскую грамматическую литературу создавали признанные авторитеты и властители умов своего времени - европейски известные ученостью монахи (как Максим Грек); видные иерархи (такие, как митрополит Евфимий Тырновский; как архиепископ полоцкий, епископ витебский и Мстиславский Мелетий Смотрицкий); крупные государственные деятели (как упоминаемый в летописи и у Карамзина Дмитрий Герасимов, один из переводчиков «Геннадиевской Библии» 1499 г., великокняжеский посол в Риме, позже думный дьяк); знаменитые проповедники и яркие полемисты; организаторы просвещения; наставники царских или княжеских детей; миссионеры, религиозные искатели и вольнодумцы, личности ренессансного кругозора и отнюдь не только узкие грамматисты. Так, Мелетий Смотрицкий вошел в историю как автор лучшей церковнославянской грамматики, но он же написал еще и 9 полемических книг на польском языке, при этом его «Θρηνος», по оценке М.Возняка [1921: 228], стал «вершиной всей полемики православных против униатов и католиков». В книге о Смотрицком (Рим, 1666 г.) его биограф пишет, что Смотрицкий умел привлечь к себе народ, который «стекался к нему как к оракулу» (цит. по: [Короткий 1987: 28]). Вместе с тем, по некоторым источникам, Смотрицкий был отравлен [Там же: 180-181; Frick 1995:162-168].

В XX в. разделение труда изменило масштаб личностей, занятых составлением грамматик и словарей. Те грамматики, что между прочих дел написали Лаврентий Зизаний, Смотрицкий или Ломоносов, сейчас стали жанром для коллектива авторов под сенью Академии. Лингвистические знания и занятия становятся все более доступными, облегченным и массовыми и, как следствие, менее престижными и преимущественно женскими. Симптоматично появление в Европе так называемых «переводческих институтов» (не дающих высшего

образования). Министерства средних школ все более сокращают часы, отводимые на уроки родного языка, и стремятся сдвинуть эти уроки в более младшие классы.

2. Индивидуально-свободная лингвистика (противопоставляемая институциональной) отвечает концепту игры как свободной от принуждения деятельности. Во второй половине XX в. отчетливо размежевались две формы исследовательской лингвистической работы: 1) институциональная лингвистика (связанная с крупными коллективными исследовательско-издательскими проектами (такими, как академические грамматики и словари, энциклопедии языков, лингвистические энциклопедии, биобиблиографические словари, учебно-научные коллективные монографии, большие двуязычные словари и т. п.) и 2) неиституциональные (свободные, не планируемые работодателем/издателем) занятия лингвистикой, включая подготовку статей и диссертаций. В языкознании отсутствует реальное и эффективное планирование исследований (речь не идет о публикациях книг). Лингвисты, как поэты или эссеисты, пишут преимущественно о том, что их волнует или что им интересно.

3. Лингвистика, подобно игре, не озабочена истинностью выводов [1] и полезностью результатов. В лингвистической продукции есть две четких (и неравных по количеству названий и тиражам) группы публикаций: 1) «академические» словари и грамматики (т. е. нормативные описания современного языка, максимально полные, подробные и освященные авторитетом органов языковой политики и кодификации) и, далее, производные от них бесчисленные руководства и пособия (школьные, вузовские, «туристские», «для бизнесменов» и т. д.) по иностранным и родным языкам; это самая массовая продукция лингвистики (с учетом листажа и тиражей составляющая примерно 95% общего объема); 2) исследования, т. е. статьи и книги о языке и речи, в том числе по типологии и истории языков.

К середине XX в. задачи нормативного описания государственных / официальных языков Европы в целом решены. Подготовка изданий 1-й группы (т. е. нормативных грамматик, словарей и производных от них пособий) перестала быть поисковым и творческим делом, поскольку на основные теоретико-методологические вопросы описательного языкознания были получены удовлетворяющие практику ответы. В результате на первом плане оказались вопросы издательские и лингводидактические. Эта полезная и требующая компетенции работа имеет утилитарно-практический (т. е. не игровой) характер, но это и не креативно-исследовательская работа, могущая привести к новому знанию о языках: это лингвистическая инженерия.

Что касается 2-й группы публикаций, многочисленных и исключительно пестрых по названиям (но не по объемам и тиражам работ), то здесь игровые черты проступают явственно - не только потому, что авторы не ставят перед собой утилитарно-практических задач, но и потому, что решение исследовательских задач (т. е. не-игровых, «серьезных») по разным причинам затруднено. Покажу эти разноплановые трудности для трех областей языкознания: 1) синхрония (большинство публикаций относятся именно к синхронии); 2) типология; 3) история языка.

3.1. В синхроническом описательном языкознании возможности получения нового знания и его общественной востребованности все более сужаются. Это объясняется рядом причин. Во-первых, следует принять во внимание внутреннюю тавтологичность семантических описаний (по отношению к языковому сознанию носителей языка). Экспликация семантики языковых единиц полезна на уроках языка, в словарях и грамматиках, но по большому счету это знание нельзя назвать исследовательским результатом. Это экспликация того, что известно всем носителям языка.

Во-вторых, в академических грамматиках и словарях языков с продолжительной лингвистической традицией эта задача (экспликации семантики) уже решена. Разумный уровень полноты и детализации таких описаний (т.е. уровень, необходимый для преподавания языков и редакционно-издательской практики) не только достигнут, но и превзойден. Академические грамматики и словари просто не в состоянии вместить новые подробности об оттенках семантики форм и конструкций. Новое знание о языке нередко имеет ускользающе тонкий или индивидуально-частный характер. Ср., например, некоторые наблюдения над семантическими различиями при выборе глагольного вида [Теория 1990: 227 и др.]. Даже если результаты конкретного исследования точны и надежны, то обычно они представляют собой, так сказать, « 7-й знак после запятой»; это та подробность, которая человеческими (не машинными грамматиками) не будет востребована, потому что грамматика не может быть 5-томной, а массовый толковый словарь не может быть 40-томным.

Инструкции ВАК обязывают авторов диссертаций (которые рассматриваются ВАК как квалификационные работы) получить новый исследовательский результат. Однако это именно тот самый «7-й знак после запятой». Результат доказывает квалификацию автора, но это не значит, что данный результат найдет применение где-нибудь, кроме учебных занятий и статей самого автора.

Во-третьих, лингвистическое знание (как и всякое гуманитарное знание) по своей природе кумулятивно (накопительно). Поэтому в лингвистике эрудиция (т. е. начитанность и память) всегда будет

конкурировать с интеллектом, а то и замещать интеллект, что снижает привлекательность таких занятий в глазах молодежи и тех, кто хотел бы использовать преимущества быстрого мышления.

В-четвертых, напомню об относительности новизны всякого лингвистического знания, о том, что Р. О. Якобсон назвал «круговоротом лингвистических терминов» [Якобсон 1971]: многое, что знали «отцы», но забыли «дети», вновь «открывают» «внуки», иногда в другой терминологии и в другой группировке понятий. Яркий и развернутый пример возвращения давно известного знания можно видеть в современном буме вокруг риторики: всему, что есть в современных риториках, отыщется прототип или аналог если не у греков, то у римлян. Более того, современная риторическая терминология беднее античной: десятки терминов старинных риторик сейчас вышли из активного употребления (ср., например, такие термины, как зевгма, протозевгма, гипозевгма, или металепсис, или антиметабола, или хиазм, гнома, хрия, апофегма и т. п.); множество терминов старых риторик уже не входят даже в терминологические словари. Иначе говоря, сказать в лингвистике что-то действительно новое - трудно. Между тем важнейший этический императив науки - говори новое! Если знать историю лингвистики, то трудно признать что-то по большому счету новым. Как заметил один французский лингвист, история языкознания - это лучшее средство для воспитания скромности.

В синхроническом языкознании процесс важнее результата, а удовольствие автора от самого исследования-писания и читателя от чтения весомее, чем утилитарно-практическая польза от того нового знания о языке, которое содержится в публикации.

3.2. В типологии языков и лингвистике универсалий трудности в приращении нового знания имеют организационный характер (не онтологический, как в случае синхронного описательного языкознания). Организационная черта типологии состоит в том, что типологические исследования не ведутся в одиночку; автор должен входить в исследовательский коллектив, со своим финансированием и издательскими возможностями.

3.3. В диахроническом языкознании сокращение исследований связано с общим упадком исторического знания в современном мире. У современного человечества все меньше интереса к собственной истории - вследствие общего ускорения жизни и прогрессирующего роста объемов негуманитарного знания и продукции массовой коммуникации. Ускорение истории проявляется в ускорении обновления информации, смены стилей, направлений, вкусов. Историческое знание в той полноте, которая имела место в последней трети XIX - первой четверти XX в., становится неподъемным (ни для

общества, ни для индивида). Объемы и уровень исторических исследований языков снижаются. Историческое языкознание, которое до Соссюра было ведущей отраслью языкознания, ушло в тень; оно по-прежнему почитаемо, но слишком трудоемко, чтобы привлекать студентов и аспирантов, читателей и книгоиздателей.

Названная коллизия наблюдается не только в лингвистике, но и в исторической науке в целом. Умберто Эко (все диссертации которого были по истории средневековой философии) писал в «Заметках на полях "Имени розы"»: [Влечение к Средневековью] «вошло в меня навеки, хотя из-за моральных и материальных причин я двинулся по другой дорожке. Ремесло медиевиста требует обеспеченности и свободного времени» [Эко 1980/1989: 435]. Как писал историк Януш Тазбир, вице-президент Польской Академии наук, в XX в. «история становится в некоторой мере вспомогательной наукой, служащей юбилее- или годовщиномании» [Тазбир 2001: 54]. На вопрос о том, зачем школьникам надо преподавать историю, нынче отвечают так: чтобы они выросли туристами, чтобы им было бы интересно на экскурсиях.

О сокращение циркулирующего в культуре знания по истории языка свидетельствует многое. Приведу несколько фактов.

Достаточно сравнить «Историческую хрестоматию церковнославянского и русского языка» Ф. И. Буслаева (1861) и аналогичные современные руководства (при том что действительный аналог, собственно говоря, отсутствует). Хрестоматия Буслаева - это крупноформатная книга в 800 страниц убористой печати; в книге представлено 139 произведений, из них 69 произведений были впервые напечатаны по рукописям (т.е. хрестоматия сочетает в себе черты научного издания). Все тексты Буслаев снабжает лаконичными комментариями, как бы для специалиста. В XX в. эта книга была дважды за границами СССР репринтирована для университетов и исследователей. Между тем эта хрестоматия была издана как руководство для военно-учебных заведений, т. е. для кадетов и юнкеров, курс словесности для которых по вовлеченности в историю сопоставим с современными филологическими факультетами. Показательны также различия между двумя академическими изданиями сочинений Ломоносова: пятитомное, правда, не оконченное издание 1891-1902 гг. академика М. И. Сухомлинова, а с другой стороны, семитомное издание 1952 г. (под руководством группы академиков, во главе с С. И. Вавиловым, при участии В. В. Виноградова). Одна деталь: у Сухомлинова ко всем разделам «Краткого руководства по красноречию» Ломоносова приведены фрагменты из соответствующих французских, немецких, латинских первоисточников риторики.

Наблюдаемое сокращение исторического знания вызвано не советской властью. В принципе те же процессы идут и на Западе. Один пример: в 1951 г. Митфорд Мэтьюз (Mathews) издал двухтомный словарь американизмов (объемом почти 2 тыс. страниц) - «Dictionary of americanisms on Historical Principles». В 1966 г. этот словарь был переиздан, но в семикратном сокращении.

4. Индивидуально-свободная лингвистика по природе близка к литературному процессу, т.е. к художественно-игровой деятельности «понарошку, не взаправду». Поэтому лингвисты так легко говорят, особенно до и после Миллениума, о «революциях в лингвистике», «переворотах», «методологических мятежах» и даже о «двух когнитивных революциях» [Кубрякова и др. 1996: 72] и т. п., тем более о «смене вех» и «новых парадигмах».

5. Лингвистика, как всякая игра, конвенциональна: она происходит по добровольно принятым правилам (в разной мере эксплицированным). В качестве литературного процесса (со своими писанными и не писанными манифестами) лингвистика обеспечивает создание и циркуляцию текстов, отвечающих определенным жанрово-стилистическим образцам/нормам. Роль манифестов исполняют, во-первых, программные статьи или доклады знаменитых авторов (при этом «знаменитость», «маститость» автора является необходимой предпосылкой влиятельности текста); во-вторых, в качестве регуляторов литературного процесса в лингвистике выступают такие тексты, как «Правила оформления статей» (публикуемые в научных журналах), инструкции по оформлению дипломных работ, диссертаций и их авторефератов. В качестве образца смешанного жанра можно указать на человечную и трезвую книгу Умберто Эко «Как написать дипломную работу» [Эко 1977/2001].

6. Лингвисты, подобно художникам, не боятся предсказуемости или совпадений результатов своих исследований. Подобно спектаклю, лингвистический текст - это игра, т. е. вероятностный процесс с недетерминированным исходом, поэтому в лингвистике не бывает значительных совпадений результатов. Лингвисты не боятся близости в тематике и даже в методе работ разных авторов - примерно так же, как два театра не боятся ставить одну пьесу. Наоборот, ведь в таком случае в фокусе внимания публики оказываются именно индивидуальные акценты и игры с нюансами. Удовлетворение лингвиста от процесса писания/исследования сродни художническим сублимациям.

7. В неинституциональной лингвистической работе, как во всякой игре, присутствует особое напряжение, отличное от напряжения при штатных (служебных) усилиях по контракту или приказу. Особенность игрового напряжения в том, что, во-первых, его результаты значительно менее предсказуемы, чем результаты неигровой

деятельности; во-вторых, в силу добровольности игрового испытания, оно отмечено знаком вечной ценности свободы, а конвенциональная необходимость доиграть «до конца» (не «сойти с дистанции») придает игре этическую ценность (возможно, с привкусом абсурда, ощущаемым при взгляде на ситуацию с утилитарных позиций). Как писал Хёйзинга, «именно элемент напряжения сообщает игровой деятельности, которая сама по себе лежит вне добра и зла, определенное этическое содержание» [Хёйзинга 1938/1992:21].

8. Современная лингвистика утрачивает свой собственный предмет и становится частью междисциплинарного психолого-семиотического комплекса наук о коммуникации. В языкознании усиливаются игровое (метафорическое, мифопоэтическое, философское) начало и междисциплинарные интересы - литературно-эссеистические, психологическое, культурологические. Лингвистике всегда не хватало собственных идей, поэтому ее всегда отличала широта интересов на грани всеядности. В поле зрения лингвистов оказывались не только мифопоэтические и философские концепции языка, но и популярные идеи: в XIX в. - биологии; в XX в. - генетики, математики, кибернетики; в последнее время - модные философские идеи термодинамики (Ильи Пригожина), включая трактовку языка в качестве синэргетического феномена.

По большому счету, все это метафоры, которые сменяют друг друга (не вступая в синхронный конфликт, в особенности в одной школе или в одной голове), и в целом каждая метафора на свой лад обогащает представления о языке тех, кому есть дело до языка, - кто его преподает, изучает или составляет его словарь или грамматику. Эти метафоры - суть правополушарные паузы посреди будней - посреди «невеселого языка учения» (слова об уроках языка в одном трактате Петровской поры). Принимая игривые постмодернистские образы языка (вроде «языковые игры» и «языковой плен» Людвига Витгенштейна, «вина языка»; «недуги языка» Джорджа Мура; языковые «обманы и «ссадины» и т. п.), лингвист сразу становится эссеистом, поэтом, творцом, а его тексты сразу становятся почти-литературой.

Постмодернистов привлекает в языке его видимая хаотичность, независимость от человека и кажущаяся смысловая неисчерпаемость (именно кажущаяся, но не реальная неисчерпаемость). Философы и упрощают язык, и вместе с тем преувеличивают его влияние на человека. У Мартина Хайдеггера язык - это «дом бытия»; Людвиг Витгенштейн писал о власти языка над людьми, о способности языка вызывать конфликты, ранить человека и держать сознание в плену; Мартин Бубер по сути заменяет этику «философией диалога», видя в способности к диалогу мерило социализации личности;

философствующие психиатры (например, Антон Кемпиньски) видят в коммуникабельности человека и проявление и фактор психического здоровья.

В постмодернистском сближении культуры, народного менталитета, науки с языком присутствует капитальная редукция великих феноменов бытия - сознания и культуры. В игривых преувеличениях роли языка есть один момент, греющий души постмодернистов, - капитальная редукция великих феноменов бытия - сознания и культуры. Когда Витгенштейн в речевом взаимодействии людей видит «языковые игры», то за этим стоит не только преувеличение роли языка, но и преуменьшение значимости жизни.

Лингвистический редукционизм жизни в пользу даже не языка, а шрифта, букв, запятых достиг своей вершины у Иосифа Бродского: *Ты написал много букв; еще одна будет лишней*; или в вариациях: *Там была бы Библиотека, и в залах ее пустых / я листал бы тома с таким же количеством запятых* («Развивая Платона»). У Бродского редукция жизни в пользу языка достигла той пессимистической вершины, после которой дальнейшие рассуждения в духе «поэт есть средство существования языка» («Нобелевская лекция» Бродского) звучат уже пародийно, т. е. как игра.

Примечания

1. Ср.: «Игру нельзя связать прямо ни с истиной, ни с добром»; «она живет вне рамок противоположности "мудрость – глупость"» [Хёйзинга 1938/1992: 16].

Литература

Возняк 1921 - Возняк М. Історія української літератури. Львів, 1921. Т. 2.4.1.

Вышенский 1955 - Вышенский И. Сочинения / Подготовка текста, статьи и комментарии И. П. Еремина. М., 1955.

Короткий 1987 - Короткий В. Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987.

Кубрякова и др. 1996 - Кубрякова Е. С, Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Мечковская 1998 - Мечковская Н. Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.

Тазбир 2001 - Тазбир Я. Польские гуманитарные науки в XXI веке: угрозы и шансы // Славяноведение. 2001. № 3. С. 49-58.

Теория 1990 - Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. М., 1990.

Толстой 1988 - Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Хёйзинга 1938/1992 - Хёйзинга Й. Homo ludens. Опыты определения игрового элемента культуры [1938] // Хёйзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса. Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992. С. 5-240.

Эко 1980/1989 - Эко У. Имя розы [1980]. М., 1989.

Эко 1977/2001 - Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки [1977]. М., 2001.

Якобсон 1971 - Якобсон Р.О. Круговорот лингвистических терминов // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского. М., 1971. С. 384-387.

Frick 1995 - Frick D.A. Meletij Smotryckyj. Cambridge (Mass.), 1995.

Н. Б. Мечковская

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ВЕК ИНТЕРНЕТА

(Русский язык в научном освещении. - № 2 (12). - М., 2006. - С. 165-185).

1. В каких фактах сильнее всего сказывается воздействие Сети на естественный язык?

В статье рассмотрено влияние языка и стиля коммуникации в Интернете на несетевое общение и естественный (неспециальный) русский язык. Свидетельством экспансии интернет-коммуникации и ее кодов в обычное общение могут быть следующие группы фактов (перечисленные в направлении от менее к более глубокому проникновению наблюдаемых особенностей в общий язык).

1.1. Знак Интернета (слово, оборот или иной знак) в относительно специальном значении встречается в обычных СМИ, художественных текстах, устной несетевой речи, т. е. за пределами Сети, бумажной литературы по информатике и устного общения компьютерщиков. Примеры (которым не менее 10 лет): слово *Windows* (1993 г., «Деловой Петербург»), *ноутбук* (1994 г., «Коммерсантъ»), *кракер, сервер, хакер, файл* (1996 г., «Огонек»); фразы из «Огонька» 1996 г.: *Браузеры позволяют обрабатывать линки и выводить гипертексты на экран* (С. Пачиков); *Хакеры* […] *юзали свободное дисковое пространство* (С. Кузнецов) и т. п. Естественно, что печатные свидетельства в данном случае более надежны (нежели записи устной речи), при этом чем выше тираж издания, тем больше оснований видеть в конкретном заимствовании не окказиональный варваризм, а факт языковой экспансии Интернета. Естественно также, что компьютерные термины в повести и тем более поэме (а не в газетной или журнальной статье) говорят о большей освоенности специального слова общим языком.

1.2. Интернет-слово (или оборот) вошло в общий (неспециальный, нетерминологический) словарь в относительно специальном значении, иначе говоря, термин информатики стал известным и (упрощенно) понятным за пределами компьютерных профессий. Примеры: в словарь [Скляр. 1998] [1] включены слова *джойстик, дисплей, кракер, ламер, мышь* (компьютерный манипулятор), *сеть* (компьютерная сеть), *софт* и *софтвер* (в значении ‘программное обеспечение’), *хакер, хакерский, хакерство, хакнутый, хард* (в значении ‘винчестер’), *чип, чиповый, чипсет* и мн. др. [2]. При этом значимо, указывает ли лексикограф на те или иные ограничения в использовании слова (на его принадлежность терминологии и/или сленгу, специальные коннотации и т. п.).

1.3. Интернет-знак (слово, оборот или иной знак) приобрело значение, которое выходит за пределы специальной коммуникации. В одних случаях неспециальное значение принадлежит преимущественно сленгу, в других вошло в более широкий узус.

Примеры: 1) Слово *грузить* (инвариант компьютерных значений: ‘то же, что *загружать*, т. е. заполнять память компьютера’ [Ваул. 2005: 142—144] приобрело значения (с неодобрительной коннотацией) ‘вести пустые, бессмысленные разговоры’, ‘лгать, обманывать’, ср. контекст: *Он ей грузит, что на работу по субботам ходит, а сам к Надьке* [Ник. 1998: 93]; подробнее см. в разделе 4.1.

2) Глагол *зависнуть/зависать* (компьютерное значение ‘перестать выдавать результаты и реагировать на запросы извне, [на] действия пользователя (о вычислительной системе)’ [Ваул. 2005: 141]) метафорически стал употребляться и применительно к человеку:

‘прекращать работу (о компьютере, переносно — о человеке)’ [Щеп. 2004: 271; Ваул. 2005: 142].

3) В более продвинутых случаях неспециальное значение распространяется в более широком узусе, как, например, слово *чайник* в значении ‘неопытный человек, новичок в чем-л.’, включенное в новейший общий словарь русского языка [Кузн. 2001: 1466] с единственной пометой *шутл*. (подробнее о классе явлений, рассмотренных в 1.3, см. раздел 4.1).

Влияние Интернета на естественное общение коррелирует с рядом глобальных тенденций в развитии коммуникации. Эти тенденции сфокусированно отражаются в своеобразии языкового сознания людей, связанных с новыми информационными технологиями. Представляется целесообразным назвать эти тенденции и их проявления в языковом сознании пользователей Интернетом (разделы 2 и 3). Это позволяет лучше видеть как предпосылки восприимчивости естественных языков к влиянию Интернета, так и конкретные аспекты такого влияния (раздел 4).

2. Интернет усложняет язык и общение и вместе с тем оказывает на них либерально-демократизирующее воздействие

Для новейшей истории стандартных (литературных) языков характерно сочетание внутренне конфликтных тенденций: с одной стороны, языки в разных аспектах усложняются, а с другой стороны, происходит поверхностная (стилистическая) демократизация общения (подробно см. [Мечковская 2006 (в печати)]). Проявления указанной двойственности в Интернете разнообразны.

Одно из амбивалентных проявлений состоит в том, что наиболее распространенные виды непрофессиональной и неслужебной коммуникации в Интернете (электронные частные письма, чаты, конференции, форумы, гостиные, блоги, личные сайты и др.) представляют собой гибрид письменного и устного общения. По своей роли в жизни человека они заняли место телефона и приятельских контактов, однако в Интернете общение заочное, большей частью анонимное (точнее, «псевдонимное», под ник-нэймом, или ником): в чатах, конференциях и подобных жанрах отсутствует идентификация собеседника с реальным человеком, что придает виртуальному общению игровые и маскарадно-карнавальные черты. Поэтому приватное интернет-общение виртуально и в бытовом смысле неответственно, ненадежно и «несерьезно»; оно склонно к розыгрышам, ёрничеству и мистификациям.

Письменная сторона интернет-общения, его физические условия (клавиатура; пальцы как непосредственный исполнитель речи (а не

речевой аппарат) [3]; заочный характер общения; чаще всего также разделенность во времени инициативного высказывания и ответа) обусловливают, с одной стороны, возможность подготовленных высказываний (вплоть до заранее созданных произведений), а с другой — сохранность («запротоколированность») в памяти компьютера всего обмена репликами.

Впервые в массовом приватном общении на русском языке используется более сложный (по сравнению с родным языком) код — двуалфавитный, в известной мере двуязычный, с дополнительными обязательными правилами и неязыковыми знаками. Впервые приватное общение в такой высокой мере зависит от аппаратно-технического обеспечения связи. В заурядном и содержательно банальном чате или форуме задействованы не только компьютеры и модемы его непосредственных участников, но также и персонал, специальные программы и техника в узлах Сети (провайдеры, операторы канала, администраторы, модераторы; поисковые системы, браузеры, протоколы оперирования информацией; локальные сети, серверы, хосты и т. п.).

В 1990-х гг. на пространстве русского языка сетевое общение стало модным и достаточно массовым интеллектуальным развлечением «продвинутой» молодежи — забавой, игрой, интерактивным отдыхом, клубом знакомств, «тусовкой», средством самовыражения. Тон задавали преимущественно молодые профессионалы, в том числе студенты, для которых компьютер был основным рабочим инструментом, однако стиль их общения в Сети распространялся вширь. Восприимчивость молодежи к Интернету объясняется, конечно, не только модой, но и глубинными процессами модернизации и информатизации общества (с чем было связано, в частности, обязательное преподавание информатики в общеобразовательных школах (в течение нескольких лет обучения), а также на всех отделениях вузов).

«Устность» приватного и непрофессионального сетевого общения корреспондирует с такими его чертами, как несубординативность и неофициальность, синтаксическая «непостроенность», лексическая вольница (особенно в подростковых чатах и в общении между мужчинами), относительная спонтанность и высокая фатичность (настроенность на установление и развитие контактов), преимущественно в молодежном стиле общения. В значительной части его жанров преобладает шутливо-ироническое и/или игровое (по некоторым оценкам, даже «игроделическое») отношение к самой сетевой коммуникации, к собеседнику, теме и языку Сети.

Установка на языковую игру, т. е. на остроумие, характерна для обоих партнеров сетевой коммуникации: человек не только сам стремится писать «прикольно», но и ожидает «приколов» со стороны партнера. Стремление к языковой игре сказывается также в любви пользователей Сети к сленгу. Истоки подобных интенций связаны с эмоционально-экспрессивными, эстетическими и соревновательными потребностями человека [4].

Русская Интернет-журналистика, появившаяся в середине 1990-х гг., развивалась в близком стилистическом ключе [5]; естественно, она влияла и на «оффлайновые» медиа. Что касается сетевой художественной литературы, то в Рунете она развивалась в игровых интерактивных формах «открытого» (создаваемого коллективно) РОМАНа, клубов поэзии: «Буриме», «Сонетник», «Пекарня лимериков», «Сад расходящихся хоку» и др., а также в формах литературных дискуссий (в гос-иных, блогах, форумах), конкурсов и выявления рейтингов авторов. Возникли электронные библиотеки классической и популярной литературы на русском языке, в том числе переводов (сайт «Лавка языков»).

Интенсивная литературная жизнь Рунета подтверждает замечательную словоцентричность русской культуры. Особенно показательны здесь данные, приводимые в [Смоленский 2001] относительно электронных библиотек: если в США первая интернет-библиотека («Проект Гутенберга») была основана в 1971 г. и сейчас насчитывает около 3 тыс. текстов; если в крупнейшем проекте «Internet Public Library », у которого для оплаты сотрудников есть спонсорская поддержка, имеется 12 тыс. текстов, то русская «Библиотека Максима Мошкова», обходясь без спонсоров, насчитывает 28 тыс. текстовых файлов.

3. Своеобразие языкового сознания пользователей Интернетом состоит в их расширенной и интенсивной метаязыковой рефлексии

Компьютер (как «языковая машина» по преимуществу) и Интернет, в силу своей лингво-семиотической природы, расширяют и усиливают метаязыковую рефлексию пользователей (по сравнению с предшествующими фазами их онтогенеза или с состоянием языкового сознания людей вне Сети). Непосредственно к этому приводят следующие черты сетевого общения: 1) здесь используются полисемиотические (гибридные, креолизованные) знаки и сообщения; 2) в русском Интернете в той или иной мере используется не менее двух алфавитов (кириллица и те или иные варианты латиницы) и не менее двух языков. Названные черты сетевой коммуникации осложняют, «утяжеляют» общение, однако эти семиотические

«перегрузки» усиливают интеллект и семиотическую компетенцию человека [6].

Далее конкретные проявления указанных особенностей «интернетного» языкового сознания будут показаны на фактах, которые вышли за пределы Интернета (в соответствии с принципами, сформулированными в разделе 1).

3.1. Полисемиотические (креолизованные) знаки и сообщения

В кругу знаков Интернета, которые стали использоваться также и за пределами Сети, можно выделить несколько групп.

3.1.1. «Смайлики» (эмограммы, эмотиконы). Это пиктограммы, образованные комбинацией знаков препинания, отдельных математических и логических символов (+ = > / <), букв (допускающих иконическое прочтение), «косяков» и вертикальных черт (\ ‖ /), знака # (‘номер, фунт’) и т. п.

3.1.2. Универсальный символ в адресах электронной почты: @. Знак восходит к англ. предлогу at ‘у, при’ в скорописи; его значение определяют как ‘при’, «эт коммерческое» [7]. По-английски знак @ называют *at*, по-русски — *собака* или *собачка*, по данным [Чад. 2004], — также ***a****безьяна, лягушка, плюшка*; по данным [Левик. 2003] — также *жаба*. Смайлики и знак @ широко используются как элементы графического декора в бумажных изданиях, постерах, рекламе; в неэлектронных письмах и объявлениях; в заставках телепередач и т. п. Некоторые из таких знаков и знаковых комбинаций, регулярно используемых вне Интернета, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Небуквенные интернет-знаки и сочетания знаков, популярные за пределами Сети

Знак	Значение
:-)	улыбка, шутка ☺
:-(	печальное сообщение
;-)	Подмигивание
:))	Счастливый
:-@	на грани срыва
8-O	ужас (расширенные от ужаса глаза и кричащий рот)
@	1) замена слова *Интернет*, например: *@-жанры, @-стиль*; 2) декоративная замена буквы *а* (например, в логотипах и рекламе: *альф@-радио, Женский журн@л*), в словесно-

	буквенном декоре ткани и т. п.; 3) в смайликах @ — это кричащий рот
#	1) номер; 2) позиция
:-#	просмотрено цензурой [Мироч. 1997: 64]

3.1.3. Фонетическое и при этом нечисловое употребление названий цифр, а также названий букв. Использование названий цифр и букв в качестве фонетических «блоков» передаваемой фразы пришло из сетевых графико-фонетических шуток. Примеры:

1) Сообщение for you, ‘для тебя’, передается последовательностью цифры *4* (которая по-английски произносится [fo:]) и буквы *U* или слова *YOU* (в обоих случаях произносится [ju:], т. е. *4U* или *4YOU* = ‘for you, для тебя’; омофоничного названию буквы или *4U* (в последнем случае звучание имени буквы *U* семантизируется как слово *you*). Аналогично *CU* (= *See You* ‘Увидимся, пока’); цифра *2* (по-английски произносимая как [tu:]) означает ‘тоже’, поскольку звучание омофонично англ. *too* ‘тоже’; цифра *3*, хотя ее англ. чтение не омофонично слову *free*, означает ‘свободный’.

2) В сообщении *CUL8R* (= *See You Later* ‘Увидимся позже, пока’) звучание фразы ([si ju léitê]) передано как последовательность звучаний следующих пяти фрагментов: название англ. буквы *C* — [si]; название англ. буквы *U* — [ju]; обычное чтение буквы *L* — [l]; англ. название цифры 8 — [eit]; название англ. буквы *R* — [ê];

3) *ICQ* — последовательное называние трех англ. букв — [ai si:k ju:] — образует фразу *I seek you* (‘*Я* ищу тебя’), ставшую брендом и слоганом компании *ICQ* (предоставляющей 250 миллионам пользователей программы для моментального обмена сообщениями в Сети). В русской устной речи — *Áся, áська*.

Приведенные аббревиатуры, английские по языку-источнику (но не всегда по географии), живут во всемирной Сети как подлинные интернационализмы. Их известность русским пользователям поддержана, помимо справочников в Сети, печатными изданиями, в том числе для школьников (напр., [Леон. 2005]). Понятно, что создание и употребление знаков такого рода вызвано отнюдь не стремлением к экономии или рационализации связи; это чисто игровой момент в сетевом общении. Из чатов и «эсэмэсок» ребусные реплики (типа *4 YOU*) проникли в постеры, надписи (изготовителя) на рюкзаках, майках и т. п. товарах молодежного ассортимента.

3.2. Двуалфавитность и графико-орфографические игры русскоязычных пользователей Интернетом

В русскоязычном сегменте всемирной Сети, несмотря на значительную русифицированность персональных компьютеров, основных поисковых и почтовых систем, сетевое общение невозможно, если пользователь не знает латинский алфавит. На практике русскоязычные пользователи не только все двуалфавитны, но и в той или иной мере знают английский язык. Метаязыковая рефлексия пользователей, расширенная двумя алфавитами и двумя языками, замешанная на постоянной игре со словом и буквой, проявляется в ряде языковых особенностей русского Интернета, прежде всего в бурном и разнообразном смеховом переиначивании английских терминов, а также в игровой фонетизации письма (см. ниже, раздел 3.2.3). Ср. изобретательные названия интернет-проектов: 1) новостное агентство «*Гонец* (*Go Nets*)» (при хорошей содержательности рус. *гонец*, оно еще и обращает читателя к Сетям: *Go Nets*, т. е. ‘иди(те) <в>; Сети’); 2) «двойное» имя интернет-журнала: «*Ай / Eye*», из которых 1-е имя (русское) есть транскрипция 2-го («содержательного»: Eye — ‘глаз’) и одновременно — русское междометие.

Большинство процессов, связанных с двуалфавитностью и двуязычием Рунета, нашло свое отражение также и за пределами сетевого общения.

3.2.1. Буквенные латинско-русские гибриды. Примеры (именно сетевого происхождения): 1) *Cdшка* ‘компакт-диск’ (произносится: *сиди́шка*); 2) *от скуки пом.ru* (Л. Петрушевская); 3) *Tсой жыff!* ‘Цой жив’ (лозунг на демонстрации в Новосибирске, см. фотографию в журнале «Русский Newsweek» (2005, № 17, с. 56). Понятно, что смешения кириллицы и латиницы в СМИ и искусствах восходят не только к сетевым контаминациям; здесь источники различны и намного старше компьютера и Сети [8]. Однако ни один источник не соединял два алфавита так легко и порой мотивированно, как это делает компьютер.

Обязательная, хотя и частичная «латинизация» русскоязычных пользователей Сети вызвала причудливые и отчасти иррациональные алфавитные игры. По-видимому, они связаны с особенно глубокой укорененностью алфавитов в языковом сознании человека, а также с такой технической случайностью, как совмещение двух алфавитов на одной клавиатуре.

На заре Рунета, когда часто использовались нерусифицированные компьютеры, появились тексты анекдотов и шуточных стихов, сочинители которых обходятся, по выражению Г. Гусейнова, «латинской симуляцией русских букв»: использовались только те латинские буквы, которые по начертанию «омографичны» русским (фонетическое значение которых чаще всего другое). Ср. образец такого письма, где почти все буквы — прописные, поскольку они чаще

(чем строчные) совпадают с русскими, где отсутствуют буквы *Ч, Ц, Ш, Щ, Ы, Ю, Я* и где вместо мягкого знака набирают строчное лат. *b*, вместо *У — Y*, а вместо буквы *З* — цифру *3*: «НА КАВКАЗЕ ЕСТЬ ТЕРЕК-РЕКА. […] ВОТ ЗАМЕР СОВСЕМ. ТАК ЕМУ, СУКЕ ! […] УРА! УРА!» (цит. по: [Гусейнов 2000: 312]).

В Рунете распространились, отчасти в шутку, для записи международных и английских частотных клише сочетания кириллических букв, которые можно назвать «клавиатурными кальками»: каждая латинская буква заменяется в них той кириллической буквой, которая расположена на одной клавише с латинской. Примеры (зафиксированные также в [Вальт. 2004: 136, 129, 131, 172]):

англ. *BYE! (*bye, до свидания) передается русскими буквами как *ИНУ!*;

англ. *PLS* (please, пожалуйста) — как *ЗДЫ* [9];

лат. *P.S.* (постскриптум) — как *ЗЫ*;

лат. *RE* (повтор сообщения) — как *КУ*.

3.2.2. Графико-морфемные и графико-лексические гибриды.

Примеры: 1) *…начали не с литературы, а с «help'ов», компьютерных учебников, энциклопедий и словарей* (1996 г., «Коммерсантъ»); 2) *…обзавелись nickname'ом* (1997 г., «Вечерняя Москва»); 3) в заглавии статьи в глянцевом журнале о мобильной связи (март 2006 г.): *Как нас love'ят операторы* (кроме буквенного остранения, в заглавии обыгрывается возникшая двусмысленность: love'ят — это и 'ловят' и 'любят'); 4) в названии авангардного московского театра, который позиционирует себя как театр отклика на реальные («документальные») события современности, — «Театр.doc», а также в названиях его спектаклей (например, «Беслан.doc» (2005) — о захвате заложников в Беслане в сентябре 2004 г.) [10].

Когда графические контаминации затрагивают семантику, перед исследователем встает новый объект, в данном случае — другой аспект русского компьютерного языка: история того, как русскоязычные программисты и сетевики перенимали, учась, переиначивая и играя, английские термины. Однако эта страница в истории русского интернет-компьютерного языка, может быть, самая пестрая и полная экспрессии, лежит вне темы данной статьи.

3.2.3. Вершина метаязыковой рефлексии пользователей: игровая фонетизация письма. Одно из самых значительных проявлений повышенной метаязыковой рефлексии в Рунете связано с самостоятельным (не на филфаках, а в чатах) осознанием относительной раздельности звучания и письма. Русскоязычные «чатляне» радостно открыли для себя, что школьные муки с выбором буквы *А* или *О* в безударном слоге, *И* или *Ы* после *Ц* и т. п. —

«напрасны», потому что выбор не влияет на звучание; что *яд* и *йад* произносятся одинаково; что *пруцца* ближе к реальному звучанию, чем *прутся*, и т. д. В Рунете распространилась мода на клишированные фразы и обороты в шутливой «фонетической» орфографии (которую ее сторонники иногда называют *албанским* письмом [11]) и с особыми сленговыми значениями: *Выпей йаду!* ‘отстань’; порицания: *Аффтар, убей сибя; падонки; пруцца; жывотное*; похвала: *Аффтар, пешы ещщо (*или *исчо)!; Аффтар жжот* (т. е. ‘зажигает’); *Аццкий сотона* ‘Адский сатана’; *Пазитиф!* ‘Отлично!’, *Готичьно (или Прекольно)* ‘Нормально, здóрово’; иногда с подключением латиницы: *Тсой жыff!;* написания без пробелов: *Ржунимагу; Фтему!* ‘согласен’; Фтопку! ‘К черту!’ и т. п. (цит. по: [Вернидуб 2005]). В Рунете в «албанской» орфографии написаны целые рассказы, или *криатиффы*, как их называют сами *аффтары* [12].

Метаязыковые открытия Рунета не только живут в Сети и близких к ней бумажных изданиях, но и проникают в общую печать. В мае 2005 г. русский компьютерный язык стал темой номера журнала «Русский Newsweek», под слоганом «*У языка есть афтар*», с многочисленными демонстрациями сетевого письма и с прогнозом (помещенным на 3-й странице вместе с анонсом темы): «*Из “виртуала” интернет-язык переходит в “реал”*» (см. [Вернидуб 2005]).

В «чат-пьесе» В. Пелевина «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005) орфографические инновации (представленные уже в заглавии произведения, т. е. в авторской речи) постоянны в речи одного из персонажей (в ремарках он обозначен как **Sliff_zoSSchitan** (другие персонажи называют его Слив) [13].

«Албанское» письмо «сетевых эстетов» — это, конечно, не более, чем игра, плод «продвинутой» метаязыковой рефлексии. Его влияние на реальную орфографическую практику равно нулю. «Албанская» орфография, лишний раз убеждая фантазеров в пользе орфографической нормы, тем не менее вносит свой полезный вклад в расширение метаязыковой рефлексии посетителей Рунета и развитие либеральной лингвистической идеологии.

3.3. Интенсивная метаязыковая рефлексия в Интернете отвечает одной из долговременных в истории коммуникации тенденций, состоящей в усилении значимости в общении метаязыковой семантики

Примеры графико-орфографических игр в русском Интернете были приведены с одной целью: показать повышенную метаязыковую рефлексию в общении русскоязычных пользователей. Разумеется,

проявления метаязыковой рефлексии компьютерщиков в сфере семантики (в интернетлексике и фразеологии), в особенности игры с английскими заимствованиями, значительно более разнообразны и экспрессивны. Однако графикоорфографическая рефлексия — это, по-видимому, самое сильное и в известной мере **новое** проявление метаязыковой рефлексии говорящих. Шутки с буквами и азбуками, конечно, давно известны в истории культур (ср. утратившие серьезность акростихи и связанный с ними жанр «веселых азбук»; палиндромы; загадки типа «*А и Б сидели на трубе…*» и т. п.), однако по массовости распространения и при этом глубине рефлексии игровая «албанская орфография» — явление беспрецедентное.

Повышенная метаязыковая рефлексия компьютерщиков, выходя за пределы Интернета, вливается в более общую и широкую тенденцию, имеющую место в истории коммуникации, — тенденцию к возрастанию насыщенности повседневной письменной и устной речи метаязыковыми значениями. Об этом мне доводилось писать не раз, поэтому ограничусь ссылками: [Мечковская 1993; 2004: 241—246, 396—397; 2004а].

4. Интернет-инновации в естественном языке

Есть компьютерные слова и словосочетания, вошедшие в повседневную речь сотен тысяч говорящих по-русски людей: компьютерные игры, посмотреть в Интернете, зайти на сайт, скачать программу и т. п. Слова Интернет, сайт, адрес (или сообщение) в Интернете, Сеть, всемирная паутина и т. п. ежедневно звучат по радио и телевидению, становясь привычными для миллионов людей, в том числе и для тех, кто не пользуется Интернетом. Возникли идиомы, связанные с информатикой: компьютерная вдова ‘женщина, муж которой настолько занят компьютером, что находится как бы в разлуке с женой’ [14] (по аналогии с соломенная вдова), компьютерный мальчик ‘молодой программист высокого класса’ [15]. Подобные факты отражают экспансию информатики в жизнь.

Однако есть другие «случаи из языка» (Л. Рубинштейн): не сам Интернет, но его **язык и языковое сознание** пользователей влияют на общий язык. В этих случаях слова и конструкции хотя и связаны в своем происхождении с информатикой, однако вышли за ее предметно-тематические границы и порой уже не ощущаются как неологизмы и как заимствования из специальной области знаний/занятий.

В данном разделе представлены «случаи из языка» второго рода — «продвинутые» и вместе с тем не всегда заметные факты влияния языка Интернета на общий язык.

4.1. Компьютерно-интернетные слова и значения в неспециальном употреблении

В соответствии с принципами, сформулированными в разделе 1, ниже представлены слова и обороты, в которых развилось новое значение, референтно вышедшее за пределы информатики. При этом представлялось нецелесообразным ограничивать языковой материал кодифицированным литературным языком, поскольку, как известно, разговорный язык и профессиональная речь, в том числе профессиональное просторечие, — это основные каналы обогащения общенародного языка, включая его кодифицированные формы. В большинстве случаев вначале приводится то значение слова, которое свидетельствует о его компьютерно-интернетном происхождении, и затем значение, относящееся к явлениям за пределами информатики. Ударение указано в том случае, если оно приводится в лексикографических источниках.

▪ *ака* — 1) в интернет-общении — указание на другой адрес, имеющийся у человека в сети (акроним от англ. *also known as*) [Леон. 2005: 751]; 2) псевдоним [Щеп. 2004: 268].

▪ *гéймер* — 1) (*жарг.*) игрок в компьютерной игре [Ваул. 2005: 99]; 2) любитель компьютерных игр; 3) азартный участник ролевой игры [Вальт. 2004: 77].

▪ *глючный* (о человеке) — 1) (*жарг.*) постоянно выдающий нежелательные побочные эффекты, работающий со сбоями, ошибками [Ваул. 2005: 105]; 2) путаник, часто ошибающийся (о человеке) [Щеп. 2004: 270]. Ср. в [Елистр. 2005: 87]: *глючный* — странный, необычный (о человеке, поведении), неисправный (о компьютере, программе и т. п.).

▪ *грузи́ть* — компьютерные значения слова см. в разделе 1; за пределами информатики: (неодобр.) 1) вести пустые, бессмысленные разговоры; запись 1995 г.: *Да грузят они, не нужны им сиамские (котята). Кому нужны, тот сразу купит*; 2) лгать, обманывать; запись 1994 г.: *И второго апреля грузишь по инерции?* [Ник. 1998: 93]; характерны также дериваты, связанные с нетерминологическим значением слова: *гру́зия* — (шутл.) ерунда, лишняя, ненужная информация (запись 1996 г.: *А учителя ей говорят типа того, что лекция ваша — такая грузия, мы и сами знаем про все это*); *гру́зин, гру́зчик* — (шутл.) лгун, обманщик; человек, который говорит вздор, ерунду; записи 1996 г.: *Грузин — кто «грузит», болтает ерунду всякую*; *Он грузин еще тот, только уши подставляй под лапшу* [Ник. 1998: 93]); в языке хиппи: *загруз* — 1) навязывание собеседнику темы разговора; 2) передача информации, долгий рассказ; 3) инструктаж

перед игрой, когда мастер знакомит игрока с характеристиками игрового мира, его персонажа и правилами игры [Щеп. 2004: 271].

▪ *дели́т* — (*шутл., школьн.*) школьный туалет (от англ. *delete* — название клавиши, удаляющей фрагмент компьютерного файла); запись 2002 г.: *Делит открыт? Пойду отлить* [Вальт. 2004: 94].

▪ *зави́снуть / зависа́ть* — 1) перестать выдавать результаты и реагировать на запросы извне, [на] действия пользователя (о вычислительной системе); 2) о пользователе: *Ну что, завис?* [Ваул. 2005: 142]. Ср. также в сленге: 1) находиться в загуле, в запое; 2) не работать, бездельничать, бить баклуши [Елистр. 2005: 132]; в языке хиппи: прекратить работу (о компьютере, перен. — о человеке); оставаться где-л., теряя представление о времени и реальности: *зависать на флэту* [Щеп. 2004: 271].

▪ *ИМХО́* — по моему мнению (транслитерация английского акронима *IMHO* (*In My Humble Opinion*; дословно ‘по моему скромному мнению’); «клише, которым в электронной переписке […] подчеркивается, что то или иное суждение не претендует на объективность и является личным мнением автора» [Леон. 2005: 696]; в Сети отмечены косвенные формы слова: *без имха, по имху*, мн. ч. *имхи* [Калмыков, Коханова 2005: 231]. В молодежном общем сленге (записи устной речи): *Это полнейшее фуфло, имхо* [Ник. 1998: 161]; *Ты достал своими имхами, парень!* [Вальт. 2004: 133]; в художественном тексте (сохраняется орфография и пунктуация первоисточника): *Манстрадамус сказал что все определяицца тем что ты видеш. Имхо если я вижу самое важное я и есть Тисей* [Пелевин 2005: 177—178].

▪ *интерфе́йс* — 1) программа-посредник (различных специализаций), обеспечивающая взаимодействие пользователя с операционной системой, с сервером сети и др.; 2) (шутл.) внешний вид, одежда [Вальт. 2004: 135].

▪ *ки́борг* — 1) робот; 2) некрасивая девушка [Левик. 2003: 197; Вальт. 2004: 145].

▪ *компьютер* — 1) электронно-вычислительная машина [Кузн. 2001: 447]; 2) голова, ср. *Компьютер болит* [Елистр. 2005: 182].

▪ *конне́ктиться* — 1) (жарг.) связываться при помощи модема [Ваул. 2005: 217]; 2) завязывать отношения; ср. в художественном тексте: *…получилось законнектиться с кучей московского теленарода* [Гаррос-Евдокимов 2005: 140].

▪ *ла́мер* (от англ. *lamer* ‘хромой’) — 1) (*разг., неодобр.*) неопытный пользователь (обычно о считающем себя достаточно сведущим в компьютерах) [Ваул. 2005: 225]; 2) человек, сильно переоценивающий свои способности; «низкопрофессиональный человек, хвастающий своими знаниями» [Вальт. 2004: 175]; по данным [Левик. 2003: 239], *ламер* — полный дурак, тупица, «чайник»;

дилетант; ср. также расширительное толкование слова в [Калмыков, Коханова 2005: 229]: *ламер* — ‘человек, который мало что знает, но не стремится научиться, так как считает себя неимоверно крутым’ [16].

▪ *монито́р* — 1) устройство компьютера, предназначенное для вывода на экран текстовой и графической информации; дисплей [Кузн. 2001: 555]; 2) групповой секс [Ник. 1998: 254; Левик. 2003: 270].

▪ *ник* (англ. *nickname* — ‘прозвище; уменьшительное имя’) — 1) (*жарг.*) сетевое имя, псевдоним участника чата, форума, пользователя электронной почты [Ваул. 2005: 268]; 2) кличка, прозвище, псевдоним; запись 2001 г.: *И последняя просьба на этот раз, потрудитесь запомнить мой ник* [Вальт. 2004: 212].

▪ *ОК — о’кей*; частица, выражающая согласие; в устной и письменной речи предикатив со значением ‘все в порядке; хорошо; отлично, ладно’, напр., *Всё ОК, письмо пришло во-время* (буквы прописные, как на панели некоторых подменю, где имеет место выбор из двух команд: *ОК*, т. е. ‘согласен’, ‘ввод’ или рядом *отмена*, т. е. ‘не согласен’).

▪ *спам, спа́мер, спа́мерский, спа́мить* — 1) (*неодобр.*) массовые почтовые рассылки (обычно рекламного характера), проводимые без согласия пользователя; сетевой мусор, выдача незапрашиваемой коммерческой рекламы и другой информации в Интернете [Ваул. 2005: 379]; 2) непрошенная рекламная почта [Калмыков, Коханова 2005: 231].

▪ *ха́кер* — 1) компьютерный хулиган, проникающий в чужие информационные системы из озорства, с целью овладения информацией, введения в них ложных данных и т. п. [Кузн. 2001: 1438]; 2) человек, который моет посуду перед едой [Левик. 2003: 494].

▪ *ха́чить* — 1) взламывать, изменять программу [Вальт. 2004: 365]; 2) что-либо исправлять [Левик. 2003: 498].

▪ *ча́йник* — 1) начинающий, неопытный пользователь [Ваул. 2005: 425]; 2) (шутл.) неопытный человек, новичок в чем-л. [Кузн. 2001: 1466]; *ча́йница* — ‘дилетантка’ [Левик. 2003: 511]. «Компьютерное» значение рус. чайник соответствует английскому жаргонному *dummy* ‘новичок’ (исходно *dummy* — это ‘кукла, чучело, манекен’). Сочетание *for Dummies и Dummies Man* в качестве зарегистрированного имени (со значком ®) фигурирует в книжной серии «… *for Dummies*» (например, *Parenting for Dummies* дословно ‘родительство для новичков’ и т. п.). Рус. *чайник* в значении ‘неопытный человек, новичок в чем-л.’ вышло за пределы компьютерного языка: как и желто-черно-зеленая гамма на обложках книг «для чайников» по информатике, слово *чайник* стало опознавательным знаком книг по самым разным специальностям и занятиям («Психология для чайников», «Квартирный ремонт для чайников», «Гитара для чайников» и т. п.). Со словом *чайник* уже есть и

переиначенная пословица: «Плох тот чайник, который не мечтает стать самоваром, то есть, я хотел сказать, профессионалом» [Гук. 2003: 479]. *Чайник* в значении ‘новичок’ имеет не компьютерное происхождение; в лагерном жаргоне *чайник* — ‘друг, приятель’; *полный чайник* — ‘богатая жертва картежного шулера’; ‘богатый человек’ [Балд. 1992: 183]. По данным [Елистр. 2005: 458], в русском сленге *чайник* применительно к человеку имеет несколько разных значений: 1) бездельник; 2) спортсмен-любитель; 3) нежелательный, небогатый посетитель ресторана, бара и т. п.; 4) плохой или неопытный водитель; 5) дурак, идиот, тупица; […] 8) графоман. Однако именно информатика привела к вхождению этого слова в общий и **литературный** язык [17].

▪ *ю́зать, юзи́ть, юзжа́ть* — 1) (*жарг*.) пользоваться (программным обеспечением), а также дериваты: *ю́зверь* ‘пользователь’, *ю́зер* ‘пользователь’, *ю́зеровский* ‘относящийся к пользователю, к его деятельности’ [Ваул. 2005: 436]; 2) использовать, применять, употреблять [Ник. 1998: 540; Вальт. 2004: 393]; объектом может выступать также и человек: *Я тебя буду в этом деле юзжа́ть* (и *южа́ть*); *На этом юзжа́ть некого* [Елистр. 2005: 492—493]; имеются также дериваты с семантикой, вышедшей за пределы информатики: *заю́зать*, ‘использовать’ [Левик. 2003: 173], *поюзжа́ть* ‘использовать, употребить, попользоваться’, *поюзанный* ‘бывший в употреблении’, *неюза́бельный* ‘непригодный к употреблению, использованию’ с примером из студенческой песенки: *В море остров был тупой, неюзабельный такой* [Вальт. 2004: 212, 251]; ср. в художественном тексте: … *оборотистые мужички, весьма активно юзавшие казенное оборудование* [Гаррос-Евдокимов 2005: 97].

Неспециальные значения развились также у некоторых компьютерных словосочетаний, в результате сочетания стали идиомами:

▪ *включи компьютер* — ‘подумай, пошевели мозгами’ [Елистр. 2005: 182].

▪ *диск отформатировать* — (*шутл*.) ‘избить кого-л.’ (чаще как угроза), запись 1999 г.: *Я тебе диск-то отформатирую!* [Вальт. 2004: 106].

▪ *по умолчанию* — ‘как обычно’ (поступать, действовать), если не было другой договоренности или указания; ср. «компьютерное» значение: ‘значение или действие используются или выполняются таким образом, если программистом или пользователем не указано иначе’ [Ваул. 2005: 404].

▪ *Ты что, картриджа объелся?!* — (*шутл*. или *неодобр*.) о странных поступках, действиях человека, который ведет себя подобно сумасшедшему (Образовано по аналогии с разговорным выражением *Ты что, белены объелся?*) [Вальт. 2004: 142].

▪ *файлы не сошлись* — (*молодежн., шутл.*) кто-л. недоумевает, не понимает чего-л., сильно удивлен чем-л.; [запись 1999 г.:] *И тут у нашего фазера файлы не сошлись, капитально крыша поехала* [Вальт. 2004: 334].

4.2. Синтагматические влияния Интернета на дискурс и предложение

Персональные компьютеры, Интернет, а также повсеместное преподавание информатики оказывают разнонаправленное влияние на синтагматическую организацию письменной и устной речи за пределами Сети. Представляется существенным различать ряд аспектов этого влияния.

Во-первых, в зависимости от того, какой объект испытывает влияние, целесообразно различать макро- и микросинтаксические изменения. Макросинтаксические изменения затрагивают композицию всего текста и такие единицы организации текста, как сверхфразовое единство (или, в другой терминологии, сложное синтаксическое целое, абзац и т. п.), в то время как микросинтаксические изменения относятся к структуре предложения и реализации структурных схем в высказываниях.

Во-вторых, в зависимости от того, каков вектор (характер) влияния Интернета на синтагматику обычной речи, естественно различать, с одной стороны, «гипертекстовое» (усложняющее) влияние, а с другой стороны, — влияние «устности» и «неофициальности» приватного интернет-общения, что делает его синтагматику если не проще, то доступнее, а отношение говорящих к синтаксической «невыстроенности» высказываний — терпимее.

Как показано в Таблице 2, комбинация четырех названных признаков, теоретически говоря, позволяет различать четыре класса синтагматических изменений. Однако в реальности наблюдаются только три из них: феномен текста (как некоторого «законченного целого»), за исключением «устных рассказов», не является жанром устного общения. Поэтому в соответствующей клетке стоит «минус».

Таблица 2
Классы синтагматических изменений,
обусловленных влиянием Интернета

Уровневая отнесенность наблюдаемых изменений	Вектор (характер) влияния	
	Усиление черт «гипертекстовости»	Усиление черт «устности»
Макросинтаксис	+	-

(композиция текста; сверхфразовые единства, абзацы и др.)		
Микросинтаксис (предложение и его речевые реализации в высказываниях)	+	+

4.3. Усиление «гипертекстовых» черт письменной и публичной устной речи

Практически во всех жанрах письменного дискурса и в профессиональной устной публичной речи (представителей таких профессий, как преподаватель высшей и средней школы, юрист, теле- и радиожурналист, публичный политик, губернатор) усилились «гипертекстовые» и близкие к ним связанные с Интернетом черты. Растет рубрицированность текстов: авторы дробят текст на все более мелкие фрагменты, озаглавленные и/или пронумерованные. Абзацы становятся короче, при этом в наборе книг и статей стали популярны абзацы не с отступом, а с выступом. Различные перечни (с преобладанием номинативов или инфинитивов) все чаще оформляются с помощью графических маркеров, входящих в компьютерные наборы дополнительных символов: >, √, •, ●, ○, ► и т. п. Возрастает и подчеркивается композиционная стандартность малых текстов одного жанра. Например, на одной газетной или журнальной полосе печатаются несколько небольших рецензий или аннотаций в «анкетной форме», что задает их стандартное строение: все рецензии образованы стандартной последовательностью разных «ответов» на одинаковые и повторяемые вопросы: типа «Главный козырь», «О чем кино», «Обратите внимание» и т. п.).

В печатных СМИ, на радио и телевидении все шире и интенсивнее используются различные виды метатекстовых компонентов: многоступенчатые рубрики, сложные заголовочные комплексы (заголовок и 1—2 подзаголовка, нередко с богатым смысловым взаимодействием), «врезки», ключевые или «ударные» цитаты за пределами текста (как на «своей» полосе, так и в других местах); всевозможные анонсы и многократное представление главной информации. Все шире используется табличная запись различных характеристик — в том числе в публикациях, где еще недавно такая стандартизация была невозможна, — например, в обзоре музыкальных направлений или школ живописи.

Некоторые из указанных черт встречаются также и в устной разговорной речи: например, не в лекции, а в частном разговоре человек, перечисляя свои доводы, может разделять их, «нумеруя» буквами: *Надо учесть, что, а) ……; б) ……; в)* …… и т. д. В недавнем прошлом такое средство упорядочения содержания в устной речи было редкостью.

Следует подчеркнуть, что феномен «гипертекста» на несколько тысячелетий старше Интернета: в древней и средневековой книге их гипертекстовые черты связаны с такими компонентами, как комплексы метатекстовых «ключей», обрамляющих собственно произведение (предисловие (иногда несколько предисловий, написанных разными авторами), посвящение(я), послесловие(я)); оглавления; указания относительно порядка чтения (например, указания на приуроченность отрывков из Библии к определенным датам в церковном календаре); указание на параллельные места (например, маргиналии в Новом Завете, отсылающие к соответствующим местам в Ветхом Завете); постоянные ссылки на прецедентные важные тексты (цитаты, упоминания, аллюзии, реминисценции); глоссы, глоссарии, конкордансы и т. п. С появлением книгопечатания гипертекстовые черты в книжно-письменной культуре стали более регулярны, весомы и разнообразны (ср. справочно-библиографический и критический аппарат в современных ученых историко-филологических изданиях). Поэтому Интернет отнюдь не является единственным источником «гипертекстовых» черт современного общения. Однако Интернет усиливает гипертекстовость общения; это касается и отдельных произведений, и коммуникации в целом, в том числе за пределами Сети.

4.4. Усиление устно-разговорных черт в синтаксисе СМИ и публичной устной речи под влиянием Интернета

В приватной сетевой коммуникации представлены практически все синтаксические и лексические особенности, характерные для разговорной речи, например, порядок слов, который соответствует очередности «всплываний» отдельных представлений в сознании пишущего. Эти черты легко проникают в служебную переписку по электронной почте и сетевую журналистику [18]. Из Интернета подобные аграмматизмы сторицей возвращаются в письменность за пределами Сети; в результате в лингвистической идеологии общества отношение к синтаксической невыстроенности письма становится всё более терпимым.

В качестве иллюстрации приведу две выдержки из интернет-общения, позже воспроизведенные в культурологической книге, т. е. ставшие фактами коммуникации также и за пределами Сети.

(1) Окончание электронного письма российского панка автору веб-статьи о двух рок-звездах (Киркорове и Летове): «*Вот сам же пишешь — фанера, а у Летова ты фанеру слышал? Короче, даже больше и писать не хочется, глупо это все. Честные и совершенно бескомпромиссные песни Летова невозможно сравнить с конъюнктурным спермопусканием мужа Пугачковой*» [Кузнецов 2004: 176].

(2) Из заметки [«Без названия»] С. Кузнецова, помещенной осенью 2000 г. на сайте «НасНет» и позже вошедшей в книгу автора: «*Так возникли веб-обзоры и веб-дизайн (понятие, куда менее известное в Америке, чем в России… и уж точно более известное в России, чем дизайн просто: не бывает сайтов без веб-дизайнера, а магазинов без дизайнера — пруд пруди)*» [Кузнецов 2004: 180].

5. Интернет усиливает и расширяет ряд важных тенденций в коммуникативном развитии человечества

В воздействии Интернета на естественные (этнические) языки и речевое общение полезно различать два аспекта. Во-первых, в языках сложились (или складываются) их компьютерно-интернетные подъязыки (как правило, в двух основных версиях — нормативно-стандартной и жаргонной), и происходит прямое заимствование в обычный язык специальных слов и значений, новых оборотов и стилистических образцов; указанные инновационные процессы актуальны и достаточно заметны, хотя в масштабе всего языка они носят периферийный и поверхностный характер. Во-вторых, Интернет усилил и расширил действие некоторых давних тенденций в истории коммуникации; влияние Интернета как бы влилось в более широкий поток информационно-семиотических процессов, определяющих историю языков и форм общения.

В этой связи можно указать на ряд многовековых коммуникативных тенденций, к которым подключился Интернет, тем самым форсируя тенденции и распространяя их вширь.

1) Интернет в небывалой прежде мере усиливает метаязыковую рефлексию говорящих и продолжает увеличивать насыщенность современной письменной и устной речи метаязыковыми значениями.

2) Интернет развивает гипертекстовые черты речи: а) он усиливает внутреннюю структурированность текстов; б) продуцирует, выявляет и подчеркивает внешние (интертекстуальные) связи текстов между собой.

3) Интернет вносит свой немалый вклад в усложнение естественных языков: возрастает количество знаков и правил их комбинирования; усложняется обычное (устное и письменное) общение; под влиянием престижных образцов интернет-коммуникации появляются новые «неписаные правила» жанрово-стилистической организации речи и речевого поведения, в том числе и за пределами Сети.

4) Интернет заметно усиливает интернациональность (или космополитичность) общения.

5) Интернет оказывает на литературные языки и культурное общение либерально-демократизирующее воздействие, что соответствует долговременным тенденциям социального развития в направлении к большей внутренней однородности социумов (путем нарастающей нейтрализации социальных различий [19]) и к усилению космополитических идей и практик (подробнее см. в [Мечковская 2006 (в печати)]).

Примечания

*. В основу статьи положен доклад автора, прочитанный на международной конференции «Русский язык: система и функционирование» в Белорусском государственном университете (Минск, 5—6 апреля 2006 г.). Работа поддержана грантом Белорусского Фонда фундаментальных исследований (№ Г06-019).

1. Сокращения лексикографических источников раскрыты в конце статьи, перед литературой.

2. Масштабы экспансии в общее употребление компьютерных слов (и именно англицизмов) легко почувствовать по приложению к [Скляр. 1998]. Во «Введении» к словарю сказано, что в «Приложении» «описана лексика, функционирующая в современных текстах в написании латиницей» (с. 31), т. е. слова отбирались по чисто графической примете. Однако оказалось, что во всех 28 словарных статьях «Приложения» представлены термины только информатики, и все они — английские заимствования (или гибридные дериваты вроде *IBM-совместимость*). Ср. контрастную картину в 4-м томе «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1940 г.): раздел «Иностранные слова и выражения» (используемые без перевода) включал 236 слов и оборотов из латыни и западноевропейских языков; при этом в кругу заимствований из новых языков львиная доля

приходилась на французский, а итальянских слов было больше, чем английских.

3. Ср. реплику женщины в «чат-пьесе» В. Пелевина: *У меня пальцы бы не повернулись напечатать такое* [Пелевин 2005: 195], вместо обычного клише типа *у меня язык бы не повернулся сказать такое*.

4. Игровая стилистика русского сетевого общения не раз вызывала отрицательные оценки наблюдателей, в том числе близких к Интернету. Ср. у автора «Нового литературного обозрения»: *недоумок-юзарь, бытовая малограмотность первых юзарей* или такую «реконструкцию» их внутреннего мира: «программист […] действует в глубоко враждебном окружении» [Гусейнов 2000: 299—300].

5. Ср.: «Онлайн-журналистика балансировала между желанием “сделать как в настоящем журнале” и привычкой писать в юзнетовском стиле: агрессивно, легко, временами переходя на личности» [Кузнецов 2004: 40]; об интерактивности русской интернет-журналистики (из интервью С. Кузнецова 1997 г.): «В бумажных журналах вообще держишь бóльшую дистанцию между собой и читателем, чем когда пишешь для Сети. Только на Западе сетевые журналы […] публикуют в Интернете профессиональные статьи. В них не чувствуется этого легкого флирта с читателями, приглашения к диалогу. Точнее, он есть, но не более, чем в обычной статье» [Кузнецов 2004: 84].

6. Это согласуется с общей картиной интеллектуально-семиотического онтогенеза: по мере того, как индивид начинает использовать все большее количество разных знаковых систем (например, ребенок учится читать; узнает цифры и другие базовые математические символы; приступает к изучению неродного языка; начинает понимать семиотику географической карты; начинает разбираться в знаках дорожного движения; узнает ноты и т. д.), его метасемиотическая рефлексия (включая и метаязыковую) расцветает; одновременно и в связи с семиотическим и метасемиотическим развитием человека развивается и крепнет его интеллект (подробней см. [Мечковская 2004: 243—244]).

7. В справочнике [Гук. 2003: 20] приводится пример употребления знака @ в качестве замены предлога *при*: *@ виде контролера в троллейбусе я нервно вздрагиваю*. Однако, возможно, это только перевод английской интернетной шутки.

8. Ср. наблюдения В. Г. Костомарова: рубрика «*Stilьная страница*» (в «Московском комсомольце»); компакт-диск под названием «*Vrемя, vnerëd*», о чем сообщил (т. е. растиражировал написание) еженедельник АиФ; названия периодических изданий с контрастным соединением дореформенных кириллических букв (Ъ, ѣ) и английской графики: «Коммерсантъ-daily», «Коммерсантъ-weekly», журнал «The Golden Age» — «Золотой в˛къ» [Костомаров 1999: 280]. В этом же духе смешал алфавиты в названии своего романа Викт. Ерофеев: «Russkaja красавица» (1990).

9. Ср. пример в [Левик. 2003: 175]: *Зды, не делай этого*.

10. Знак *.doc* обозначает ‘расширение файлов, с которыми обычно работают текстовые редакторы’ (сокращение от англ. *document* ‘документ, текст’) [Гук. 2003: 70]; запись *.doc* автоматически заканчивает имя, которое присваивается новому файлу при его сохранении.

11. В московском молодежном сленге слово *албáнец* известно в значении ‘дурак’ [Левик. 2003: 15].

12. С. Кузнецов, говоря о написаниях типа «Паравозов» (виртуальный персонаж одного сервера 1996—1997 гг.), указывает на зависимость русских фонетических написаний от английских, а английских — от Оруэлла: «Небрежное и специально неверное написание широко распространено в английской части Сети (самый известный пример — “u” вместо “you”). Обычно слова упрощаются, приближаясь к фонетической транскрипции. Интересно отметить, что часть из них (к примеру “luv” вместо “love”) восходят к “1984” Оруэлла — книге, судя по всему, вообще довольно популярной в американской хакерской субкультуре (“Большой Брат” как призрак тотального контроля над Сетью и т. д.)» [Кузнецов 2004: 186].

13. В обычном письме это было бы «слив засчитан». В арго компьютерщиков *сливать* означает: 1) копировать; 2) скачивать; 3) делать резервную копию [Чад. 2004]. В пьесе есть диалог о письме Слива, созвучный информации в [Вернидуб 2005]: «**Nutscracker**. Про Слива тоже нельзя сказать, что он ошибки делает. Просто он пишет по-албански. **Organizm** (-: . По-албански? **Nutscracker**. Кажется, так это называется у сетевых эстетов. По албанским стилистическим принципам нельзя два раза одинаково писать одно и то же слово. Иначе сошлют в Бобруйск» [Пелевин 2005: 42—43]. Имена персонажей в

ремарках пишутся латиницей, а имя одного из них кончается «смайликом»: **Organizm** (-: .

14. По аналогии с оборотом *соломенная вдова* ‘жена, которая находится во временной разлуке с мужем, не живущая с мужем’ [Кузн. 2001: 1233].

15. Ср. запись устной речи: *Я знаю, компьютерные мальчики женщин за людей не считают!* (цит. по: [Кузнецов 2004: 270]).

16. *Ча́йник*, в отличие от *ла́мера*, хотя «пока мало что знает, но стремится узнать, поэтому над ним хотя и подшучивают, но тем не менее относятся с уважением. Быть чайником не зазорно. Зазорно быть ламером» [Калмыков, Коханова 2005: 229].

17. С. Кузнецов в 1998 г., приведя веер этимологий «компьютерного» значения слова *чайник* и россыпь связанных с ним ассоциаций, писал: «Перечисленные компоненты в сумме дают образ, близкий к тому, что стоит за словом “чайник”. Изобретательный, как Эдиссон, и безумный, как пациент психбольницы; дорвавшийся до изменяющих сознание компьютеров и вконец от них одуревший; многочисленный, как население КНР, и столь же непознаваемый для европейского ума, он триумфально высится в центре компьютерного мира, вытесняя на периферию профессионалов и хакеров. Будущее принадлежит ему. На смену каждому сгинувшему — обучившемуся — чайнику приходят двое новых, вооруженных, наподобие цитатника Мао, книжкой Фигурнова и серией “… для чайников”» [Кузнецов 2004: 403—404].

18. В учебнике по интернет-журналистике приводится в качестве примера того, как не надо писать на форумах, следующая фраза профессионала Сети (генерального директора хостинг-компании): *Это будет вывешено как откроется сайт автоматизированный по партнерским программам вот вот* (цит. по: [Калмыков, Коханова 2005: 202]).

19. Тенденция к ослаблению социальных различий, однако, не распространяется на возрастные различия между людьми. Напротив, несходства поколений усиливаются; никогда прежде в истории подростковая или молодежная субкультуры не были столь отличны от культуры «взрослой».

Словари

Балд. 1992 — Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.

Вальт. 2004 — Х. Вальтер, О. Вовк, А. Зумп, Х. Конупкова, А. Кульпа, В. Порос. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М., 2004.

Ваул. 2005 — Е. Ю. Ваулина. Информатика. Толковый словарь. Около 3000 слов и устойчивых сочетаний русского языка. М., 2005.

Гук. 2003 — Д. Гукин, С. Гукин. Иллюстрированный компьютерный словарь для «чайников». 4-е изд. М., 2003.

Елистр. 2005 — В. С. Елистратов. Толковый словарь русского сленга: Свыше 12000 слов и выражений. Арго. Кинемалогос. Жаргоны. М., 2005.

Кузн. 2001 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001.

Левик. 2003 — С. И. Левикова. Большой словарь молодежного сленга. М., 2003.

Леон. 2005 — В. П. Леонтьев. Словарь «Сетеяза»: популярные аббревиатуры // В. П. Леонтьев. Компьютерная энциклопедия школьника. М., 2005. С. 751—752.

Миронч. 1997 — И. К. Мирончиков, В. А. Павловец. Англо-русский толковый словарь по сети «Интернет». Минск, 1997.
Ник. 1998 — Т. Г. Никитина. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70—90-х гг. СПб., 1998.

Скляр. 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Гл. ред. Н. Г. Скляревская. СПб., 1998.

Чад. 2004 — С. Г. Чадов. Краткий словарь русского компьютерного жаргона. Электронное издание. Версия 1.03. М., 2004. Режим доступа: <http://chsoft.narod.ru> (31.03.2006).

Щеп. 2004 — Т. Б. Щепанская. Краткий толковый словарь сленга Системы // Т. Б. Щепанская. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 265—287.

Литература

Вернидуб 2005 — А. Вернидуб. У языка есть афтар // Русский Newsweek. 2005. № 17 (16—22 мая). С. 45—50.

Гаррос-Евдокимов 2005 — Гаррос-Евдокимов. Серая Слизь. Роман. СПб., 2005.

Гусейнов 2000 — Г. Гусейнов. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 289—321.

Калмыков, Коханова 2005 — А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. Интернет-журналистика. М., 2005.

Костомаров 1999 — В. Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1999.

Кузнецов 2004 — С. Кузнецов. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. М., 2004.

Мечковская 1993 — Н. Б. Мечковская. Модальность и метаязыковой план высказывания // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. № 2. С. 279—297.

Мечковская 2004 — Н. Б. Мечковская. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М., 2004.

Мечковская 2004а — Н. Б. Мечковская. Эстетические оценки языка и речи: генезис, диапазон, тенденции // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004. С. 355—368.

Мечковская 2006 — Н. Б. Мечковская. Демократизация языков: факторы, коллизии и альтернативы // Acta Neophilologica, t. VIII. Bez cenzury. Przejawy demokratyzacji w językach słowiańskich końca XX wieku (в печати).

Пелевин 2005 — В. Пелевин. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. М., 2005.

Смоленский 2001 — В. Смоленский. Русская сетевая литература // Русская культура на пороге нового века. Sapporo, 2001. С. 190—207.

М.Ю.Сидорова
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?", или "На зеркало неча пенять…

Электронный ресурс: http://marinadoma.narod.ru/inet/sms.html

В статье рассматривается современная русская SMS(смс)-коммуникация с лингвистической и культурной точки зрения. Анализируются следующие особенности смс-сообщений: компрессия текста, транслитерация, языковая игра, позитивная эмоциональная роль. Приводятся образцы сообщений и мнения "наивных говорящих".

Девушка, где я? Девушка, девушка, где я?
М. Щербаков

На исходе двадцатого века,
Когда жизнь непосильна уму,
Как же надо любить человека ,
Что бы взять и приехать к нему...
В. Вишневский

На улице и в метро, на лекциях и в лифтах, в очереди к кассе супермаркета и на пешеходном переходе мы постоянно видим молодых и не очень молодых людей, азартно или задумчиво нажимающих на кнопки мобильных телефонов. Они набирают не цифры, а буквы, не номера, а SMS-сообщения, попросту смски (так мы и будем их называть дальше):

хлеба, Зрелище, не забудь купить хлеба, можно с пельменями
Здравствуйте! Оформляю заказ. Готова учесть Ваши пожелания.
Еду в универ. Как погода? Мне на частнике или на метро?
Doverjai serdcu! :-) no proverjai :-)
Я никуда не уйду, пока ты не придёшь!!
Я тебя очень люблю.Я тебя хочу!Моя киса!
Poslednuu sms 4ital uzhe vo sne. Ni 4erta ne pomnu. Tak mne I nado. :-(
menshe znaesh-krep4e spish?...
Я тут чихаю… на все) температуры уже нет:)

Николаич! Ты там жиф? Было бы свинством с твоей стороны не позвать меня на собственные поминки
Тань, привет :)) Как дела? Как здоровье?
Наше вам с кисточкой! Вставай, красавица, проснись!
Мизансцена (далее: мзц) #1:общий план-комната, девушка в короткой красной маеечке, в синих облегающих джинсах, склонилась над ёмкостью с краской. Они смотрели друг на друга. Хватит ли думала девушка, красивая она, подумала краска..."
Ja v shope. Pokupaju chasy s flashkoj za 100 $. Brat'?
Ne toropis' :)
Nuuuuu, mne o4en' ho4etsa
Kakoj firmy? Skoko mb?
Gembird. 256.
Pamjati dostatochno mnogo. krasivye?
Mne nravjatsa. Kosmi4eskie. Ja uzhe pla4u ;)
Beri :)
Kupila?

Пока так называемые "наивные говорящие" активно эксплуатируют новый способ коммуникации, преподаватели, филологи, деятели культуры, журналисты бьют тревогу в ужасе перед наступлением смс-мышления (см, например, The Times Educational Supplement). Звучат, правда, голоса и в защиту смс-языка, призывы относиться к нему более взвешенно и легкомысленно (см., например, сетевое издание WirelessInnovator и онлайновую версию индийской национальной газеты The Hindu). В любом случае, очевидно, что воздействие новой формы коммуникации на сознание молодого поколения нельзя игнорировать. В обиход вошли термины Generation txt и texting (см., например, публикацию в сетевом издании sp!ked-IT и объемную научную работу Crispin Thurlow "Generation Txt. The sociolinguistics of young people's text-messaging"). Более того, смс-языку уже стало тесно в рамках исходно обслуживавшихся им жанров. По меньшей мере в англоязычном и франкоязычном мире texting начал агрессивное наступление в иные сферы коммуникации: в Интернете можно скачать перевод Библии на смс-английский и перевод Европейской Конституции на смс-французский.

Нас будет интересовать явление смс-коммуникации сугубо на русской почве, поскольку типологические черты русского языка и особенности русского менталитета, с нашей точки зрения, обуславливают значительные отличия русского смс-языка (по крайней мере на данном этапе) от англоязычного texting-а. Мы специально используем большое количество примеров, а также мнений "наивных говорящих", которые были опрошены нами на сайтах journals.ru и diary.ru, поскольку хотим дать насколько возможно полное представление о нашем материале для иностранных читателей и лингвистов старшего поколения, мало знакомых с смс-коммуникацией, а также потому, что одна из целей настоящей статьи - доказать, что язык русских смс не такое примитивное и убогое явление, каким его иногда пытаются представить.

Итак, что ответит русист на часто задаваемый вопрос: "Засоряют ли смски русский язык?"? Один ответит уверенно: "Да", подписывая приговор этим обрывочным, неграмотным, лишенным всякой языковой ценности, путающим английский и русский язык, насыщенным жаргонизмами и просторечием, порою игнорирующим знаки препинания, зато изобилующим смайликами "недотекстам". Другой, как правило, тот, кто имеет больше собственного опыта электронной коммуникации, задумается и скажет: "Нет". Мы тоже скажем "нет": нет, смски не "засоряют русский язык". И дело не только в том, что одного взгляда на приведенные выше примеры достаточно, чтобы убедиться: в этих фрагментарных, зачастую нарушающих правила языка высказываниях больше речевого творчества, чем бездумности, больше выражения позитивных эмоций, чем ненормативной лексики. Дело в том, что сам вопрос поставлен в корне не верно.

Тот или иной жанр, та или иная речевая сфера сама по себе не может засорять или не засорять русский язык. С тем же успехом можно было бы говорить о засорении языка студенческими конспектами или коммерческими телексами. Смски - не причина неграмотности современной молодежи, а зеркало. В них отражаются многие негативные процессы, произошедшие с культурой нашего общества за последнее время: падение интереса к чтению хорошей литературы и к чтению вообще, засилье низкопробных журналов типа "Круто!", "МолотОК", "Yes", выход "из подполья" криминала, в полный голос

заговорившего в печатных и электронных СМИ на своем уголовном языке; насаждение "клипового мышления"; понижение требований к знанию русского языка и литературы в средней школе и разрушение классической системы преподавания этих предметов.

Основные черты смски как жанра - краткость, сиюминутность и частный (непубличный) характер содержания, сильная зависимость от средства передачи информации - мобильного телефона, разрешающего лишь небольшой объем сообщения и располагающего ограниченным набором клавиш (причем порой только с латиницей), на каждой из которых не одна, а несколько букв. Эти черты влияют на языковой облик смсок, но не приводят к засорению языка как такового.

Как совершенно правильно отмечает В.В. Колесов, русская ментальность строится не на заучивании правил, а на подражании образцам. Сознательное (сопровождающееся языковой рефлексией) и даже бессознательное (лишенное языковой рефлексии) восприятие грамотного, высококачественного (с содержательной и формальной точки зрения) текста - залог сохранения достойного русского языка в целом и хорошего уровня грамотности у индивида и общества. Отсутствие возможности и желания такого восприятия губительно для языка и культуры, для национального менталитета. В условиях, когда столь велик натиск низкопробных текстов СМИ, рекламы, массовой литературы, когда агрессивно насаждаются чуждые русскому сознанию западные ценности, обращение школьников к качественным русским текстам должно быть принудительным. Ведь отталкивание от классики, от "старого" в пользу нового, позволяющего отличаться от предыдущего поколения во всем: от одежды и общественного поведения до речевых особенностей и системы ценностей, естественно и совершенно нормально для всех "детей", ищущих свой путь в жизни, не равный пути "отцов". Пугает то, что в качестве этого пути подсовывается красиво упакованный и изощренно поддерживаемый манипулятивными технологиями путь западной цивилизации в ее американском варианте. Реферативное, клиповое мышление призвано заменить характерный для русской культуры способ существования разума, при котором сам мыслительный процесс ценен, а не только достижимый с его помощью практический результат. Более старшее поколение еще сохранило защиту против безграмотности,

приобретенную в школе и посредством чтения образцовых текстов, но тоже ощущает опасность. Приведем фрагмент обсуждения проблемы "смс и грамотность" в открытых Интернет-дневниках (орфография и пунктуация авторов):

1) на мой взгляд, тотальная безграмотность интернет-молодежи, особенно детей лет до 17-18, связанна с тем, что они очень мало читают бумажную литературу. у меня по русскому всегда была стабильная тройка, но при этом я вполне мог написать сочинение на "отлично" - просто потому, что, не зная правил, не умея применить их для конкретного слова, я просто помнил как же оно правильно пишется ведь читал я в то время много.

кстати, сейчас такой подход очень мне вредит читаю существенно меньше, в Инете сижу много => часто сталкиваюсь с неправильным написанием слов. в итоге собственная граммотность стала резко падать (память постоянно норовит подсунуть слово с ошибкой) : уже не раз ловил себя на желании купить учебник (справочник) Розенталя по русскому языку и наконец-то выучить основы родного языка. но пока дальше желания дело не пошло..... (системный администратор, 22 года, Сахалин)

2) "на мой взгляд, тотальная безграмотность интернет-молодежи, особенно детей лет до 17-18, связанна с тем, что они очень мало читают бумажную литературу."

Я бы уточнила... не всякую бумажную литературу, а классику и вообще книги, изданные в доперестроечные времена, книги, над которыми добросовестно поработали редакторы и корректоры.

Потому что в последние годы - на мой взгляд - книги настолько часто издают по принципу "тяп-ляп", что использовать их как грамматический справочник не всегда надежно) (профессия в профиле пользователя не указана, 41 год, Санкт-Петербург).

Вред, наносимый языковому сознанию современного читателя и зрителя низкопробными СМИ - сниженным стилем, речевой небрежностью, логическим убожеством и нравственной "простотой"

(той самой, которая хуже воровства) их журналистов - это реальная проблема, а не надуманная: "Засоряют ли смски русский язык?"

Смски - явление с лингвистической и психологической точки зрения скорее позитивное. Человек, пишущий смски, решает (замечает он это или нет) несколько важных задач, помимо простой передачи содержания.

1) **Компрессия текста**. Объем смски ограничен, следовательно, нужно сообразить, как уложить максимум содержания в минимум знаков. Сознательно или бессознательно у смс-автора актуализируются процессы линеаризации и свертывания речи. Компрессия текста (конденсация смысла) может происходить за счет средств разных языковых уровней:

а) графических: *щас <- сейчас*, *skoko <- skol'ko* (сколько), *2U <- to you*;

б) синтаксических: элиминация *Я*: *Оформляю заказ* на два знака (*Я* и пробел) короче, чем *Я оформляю заказ*; активное использование безглагольных конструкций - *Мне на частнике или на метро?*;

в) морфологических: *еду* короче, чем *уезжаю*, *говорил* короче, чем *поговорил*, поэтому во всех случаях, где эти формы более или менее синонимичны, предпочтительней та, в которой меньше знаков;

г) словообразовательных (применяются как специфичные для электронной коммуникации сокращения, так и существующие за ее пределами): усечение - *универ*; аббревиация - *редкла*б и др.;

д) лексических (часто с использованием иностранных слов): *тут* короче, чем *здесь*, *сеть* короче, чем *Интернет*, *shop* короче, чем *магазин*.

Да, в жертву темпу набора и ограничениям на число знаков в сообщении часто приносятся пробелы и знаки препинания. Да, в смсках мы продуцируем и воспринимаем слова в нетрадиционном графическом облике. Но важно, чтобы эти случаи осознавались адресантом и получателем сообщения как ненормативные,

возникающие по требованиям жанра, в силу ограничений, налагаемых используемым средством коммуникации. Не беда, когда старшеклассник напишет в смске *лав* вместо *люблю*, менеджер торговой фирмы - *4уток* (*чуть-чуть* - экономия нажатия на клавишу "ghi4" вместо двух клавиш "abc" + "ghi" для изображения русского *Ч* через *ch* при базовой латинице в телефоне), программист *хочеца* (экономия одного знака по сравнению с*хочется*), если при этом в школьном или вступительном сочинении, отчете о командировке, письме в газету они будут уверенно придерживаться нормативной орфографии.

Интересно, что возможность расшифровки смс-сообщений обусловлена самой их жанровой природой: при отсутствии дейктических показателей в неполном предложении оно интерпретируется в русле частной сиюминутной коммуникации через параметры "я - здесь - сейчас". Например, в сообщении *Я перед входом в редклаб. Самая грязная машина...* понятно, что самая грязная машина принадлежит автору смски. *Pripozdal 4utok* в жанре смс имеет четкую референцию к первому лицу. Второй претендент на роль субъекта в неполных смс-предложениях, разумеется, ты - адресат. Огромную роль, конечно, играют и фоновые знания: смс есть эффективный способ напоминания о том, что надо купить, взять, отдать, получить и т.п., поэтому слово*Limon4iki* на экране мобильного воспринимается как руководство к действию адресатом, находящимся в магазине или едущим домой с работы.

2) **Транслитерация.** Вторая задача, стоящая перед автором смсок и активизирующая его языковое чутье, - это так называемый транслит - необходимость набирать русские слова латиницей (так приходится делать пользователям нерусифицированных телефонов). Автору статьи пришлось слышать шутливую жалобу от одной своей родственницы: "Ох уж эта латиница! Писала дочке смску: Kupi moloko, maslo y… Три раза попробовала написать "яйца" - бросила, купила яйца сама".

Здесь тоже играет роль экономия: экономиться, как уже было сказано, могут нажатия на клавиши или знаки в линейной последовательности.

При транслитерации вопрос встает не только о передаче латиницей русских букв (*Ж - zh, Ц - ts* или *c, Щ - sch* и др.), но и о необходимости передачи либо возможности элиминации тех или иных знаков для сохранения читаемости текста. Я могу пользоваться для изображения русского *Ц* латинской буквой *c* или сочетанием *ts*. Я могу обозначать мягкость согласного там, где мы пишем *Ь*, с помощью апострофа или игнорировать это обозначение. Я могу пользоваться *j* для передачи йотированных гласных (*pokupaju - покупаю*) или обходиться без *j* (*pokupau*). Вот примеры смсок, демонстрирующих разнообразные возможности транслитерации:

, Privet, genschina! Ny s prazdnikom tebya, aga!) Nastroenia vesennego tebe, bezoblachnogo neba nad golovoi i ylibok solnechnix - teplix i oslepitelnix! Yra!=));
Nu vot. v Sofii byli. 4uvstvue6 teplo sve4i v moih ladonjah? (из Новгорода, София - Софийский собор);

смс-диалог:

Chert, kogda j ya sdoxnu?!
Vsemu svoe vrema.Bog teba o4en lubit, i ja tozhe :-)

Однако автор смс всегда должен чувствовать предел, до которого можно искажать облик слова, чтобы оно не стало неузнаваемым. Одна из наших информанток (27 лет, Москва) говорит:

Сильно сокращенные слова порой переводишь долго-долго:
- Vse o4 hor vy6lo a lis vor4it. Tanka no4evat prositsia, bydem pit. Priede6?

Границы узнаваемости лексемы на письме и границы восстановимости неполной синтаксической конструкции до полной должны быть правильно предсказаны отправителем, чтобы получатель мог правильно декодировать заложенный в сообщение смысл. Способность к такому "предсказанию" не есть ли развитие языковой способности, а не ее ущербность?

3) **Языковая игра**. Великолепна и лаконична формулировка современного классика теории коммуникации канадского ученого Маршалла Маклюэна: "Medium is message" - "Средство коммуникации

есть сообщение". ""Сообщением" любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела," - пишет Маклюэн [Маклюэн 2003]. Всякое новое средство коммуникации не только предоставляет человеку новые возможности создания и передачи сообщений, но и бросает вызов игровой способности человека, активизирует живущее в нас не только в детстве "А если так?"

Одни пишущие ставят вместо *ch* для передачи русского *Ч* цифру *4*, а вместо *sh* для передачи *Ш* шестерку из соображений экономии, другие - из озорства, потому, что играют в жанр (причина аналогичная той, по которой интеллигентный человек может вставить в речь разговорное или даже просторечное слово - стилистическую "инкрустацию" типа *немеряно*, *отмазка*, *не парься*, чтобы попробовать на вкус новый языковой элемент или поставить себя в определенные отношения к "естественным носителям" такой лексики). Как котенок трогает лапой клубок или новую меховую мышку, так человек примеряет на себя речевую маску пользователя современного, в стереотипном представлении - молодежного, средства коммуникации. Несколько самонаблюдений одной из наших информанток (студентка гуманитарного вуза, Москва):

Я после того, как посмотрела с приятелем "Трудности перевода" в кино, послала ему "4toby rasslabitsja, pejte viski Santori!" - а в ответ получила "Mne vodku s tonikom, pozhalujsta". У меня в СМС-ках вот эти несчастные -ться страдают, я из них мягкие знаки выкидываю, чтобы капельку покороче, а то и так уж слишком грамотно и длинно пишу :D А ещё в смс-ках есть такие смайлики, которые здесь [в Интернете - М.С.] *не поставишь. Мой любимый :*) В телефоне звёздочка стоит ровно посередине, и получается очаровательный нос :) А это - одногруппнику, вечером, после того как он сказал с утра, что Фонвизина читать собрался:* ***Vsju no4' kakaja-to gadost' snilas': to Vy, mamen'ka, to Vy, papen'ka.***

В жертву желанию поиграть со словом может приноситься даже компрессия, как в следующем смс-диалоге:

- Ja bezbozhno tormozhu-zhu-zhu... Priedu popozzzhe nemnozzzko) - Яснононо

4) **"Похлопывания"**. Наконец, важнейшей чертой смс-коммуникации является ее общий позитивный, дружелюбный характер. Смски в большинстве своем передают не только информацию (*По первому каналу идет "легенды осени"*), или запрос об информации (*Иришка. А не знаешь сербина фамилию не меняла*.), или побуждение к действию (*Mozhe6 perezvonit' sro4no?*), но и то, что Э. Берн называет "похлопываниями", необходимыми каждому человеку для хорошего эмоционального состояния. Вот несколько характерных высказываний из нашего Интернет-опроса (орфография и пунктуация авторов):

1) *Пользуемся СМС-ками редко, обычно именно в качестве "похлопываний", а так же "поглаживаний" :)*
Любим.Ждем.Семья - это жене в поезд
Встречай
Люблю. Купи хлеба и туалетной бумаги
Симптоматично:) Люблю
Едем.Жди (программист, 29 лет, Владивосток)

2) *у меня смс - выяснение места и времени, в основном*
ну и так ещё про необходимость наличия человека в мире (дизайнер, Санкт-Петербург)

3) *мои СМС в основном состоят из пожеланий доброго утра, удачного дня и доброй ночи : просто делюсь хорошим настроением и настроем. мне пишут о разном. одна из последних СМС была о футбольном счете: мой любимый Зенит порвал Динамо 4-1, друг прислал, порадовал ::* (системный администратор, 22 года, Сахалин)

Фатика (контактоустанавливающие и контактоподдерживающие высказывания) составляет значительный процент содержания смсок: экономя на местоимениях и глаголах, урезая слова и предложения, авторы смсок не жалеют места на *Привет! Как дела?; ястреб, ястреб! сокол на связи - как слышно, прием?; Спокойной ночи! Сноффффф; Dobroe utro, truba zovet! :-); Приготовься, сейчас буду тебе сниться* и подобные "похлопывания".

Когда целью смс является поздравление, адресант обычно не намерен скупиться на знаки:

Привет,с праздниками! Пусть на весь грядущий год вьюга счастья наметет,пусть положит в изголовье дед мороз мешок здоровья! Целую

С рождеством! Пусть загаданное сбудется и печали позабудутся.Только радостных дней и !нескучных! ночей! (в этих сообщениях необходимое количество знаков выдержано за счет экономии на пробелах после знаков препинания).

Типичные коммуникативные задачи, которые решаются с помощью смсок:

узнать о местонахождении (и планах) адресата: *Ты где?* или *Чего не отвечаешь?Чего заблокирован? Опять телефоны отобрали? Ну...Ответь сейчас хотябы!*;

узнать о самочувствии и настроении адресата: *Ауууу!!!! Ты жива?* или *Привет! Как прошли выходные?*;

сообщить о своем местонахождении (и планах): *Я ещё в краске. Ещё стричься и сушиться. Короче, минут сорок* или *Я в кино*;

сообщить о своем самочувствии и настроении *В сети буду после 9. Очень плохое настроение и куча домашних дел* или *Если бы ты знала, как страшно ехать к твоему плохому настроению...*;

сообщить о мимолетном текущем впечатлении, о чем-то только что сделанном или увиденном: *Ura! Ura! ispolnilas' moya mechta! Ya nakonets-to, pervyi raz v jizni, iskupalsya v prorube!*;

выразить в ответ сочувствие, поощрение, благодарность и т.п.: *Это на нервной почве неадекватность. Расслабля... ;) коси и забивай! :D* или *Спасибо) И тебе всякого разнообразного.*

Все они предполагают передачу не только (а иногда и не столько) диктумного смысла - объективной информации, но смысла модусного -

эмоционального отношения, позитивной энергии, участия, сочувствия, желания поделиться радостью или печалью.

Вот показательный пример - запись в открытом Интернет-дневнике:

На днях было забавно. Уже почти спим, тишина, редкие машины за окном... Вдруг, бац!, SMS-ка от Е. буквально такого содержания:
- Рошфор, закройте все выходы из портов Франции.
- И входы, монсеньер?
- Гениально!
Е. в далекой стране Израиле смотрит "Трех мушкетеров".
Я смеялась, как ненормальная, и вспоминала пятый класс.

Цитация, обыгрывание прецедентных текстов - один из типичных приемов дружеского смс-диалога:

- Аркадий Варламыч, а не хлопнуть ли нам по рюмашке??
- Заметьте!! Не я это предложил!! Идемте…

Из мнений наших информантов:

в смс часто употребляются намеки на общие наши житейские ситуации. Используются в контексте.
Примерно так:
Я ему - Лешечка, Лешечка, а Лешечка как баран.
Спокойно, Маня, я Скрудж!
Это из наших общих семейных и дружеских историй, другим практически не объяснимо.
Или анекдоты:
Как подумаю, как ты там одна - сердце кровью обливается...
Или ссылки на литературу:
Чувствую себя одинокой горош8иной в мешке
Хочется быть альпийской козочкой, с колокольчиком на шее.
предполагается отзыв:
Лучше козлом, что б тебя не доили

Неслучайно, в смс нормативные знаки препинания зачастую уступают место смайликам - графическим значкам, передающим модусные смыслы:

:) - улыбающийся

;) - подмигивающий

:(- грустный

:D - смеющийся

Здесь конденсация смысла идет рука об руку с желанием передать эмоцию. Точка на конце предложения дает только структурацию текста. Улыбающийся смайлик служит одновременно знаком конца предложения и выражением модусного смысла: *Спасибо за поздравление :) А письмо вчера написал, но отправить не получилось:(*

Борьба со смайликами, в которую включаются порой даже заядлые пользователи Интернета, нам представляется неразумной. Смайлики отвечают основным функциям знаков препинания. Об этом следует сказать подробнее.

Вспомним, что нормативные ныне знаки препинания появились не сразу. Некоторые знаки препинания, например, многоточие и кавычки, значительно "моложе" других: точки, запятой, вопросительного знака. Точка и запятая употреблялись еще в церковнославянских письменных памятниках XII века (были заимствованы из греческого письма). Предполагают, что тире и многоточие ввел в русскую пунктуацию Н.М. Карамзин. Изменялись и способы использования знаков: к примеру, в XIX веке в качестве разделителя абзацев ставили тире после точки. А обычай использовать в одной цитате кавычки двух видов: заключать всю цитату в так называемые "елочки" (в которые и взято слово "елочки" в нашем тексте), а внутри нее, если требуется, ставить "лапки" (кавычки в виде двух запятых) - возник уже в советское время [Осипов 1999].

Исторически правила пунктуации сложились в результате попыток передать на бумаге смыслы, выражаемые с помощью интонации, пауз, логического ударения в звучащей речи. Эти смыслы, как указывает Л.В. Щерба в работе "Теория русского письма", связаны:

а) с членением речевого потока (ср.: *Он, видимо, смутился* и *Он видимо смутился*) и

б) с отношениями между вычлененными участками (ср.: *Стало скучно. Все уехали с дачи* и *Стало скучно: все уехали с дачи*).

Щерба пишет: "Чтобы хоть немного разобраться в путанице всяческих правил нашей пунктуации, следует встать на практическую точку зрения и спросить себя, что нужно добавить к более или менее длинному тексту, записанному в основном фонетическим письмом, для того, чтобы облегчить его чтение и понимание, если он написан сплошь без всяких делений, как это, несомненно, имело место в начале письменности и как это мы имеем, до некоторой степени, и сейчас, например, в арабском письме" [Щерба 1983].

Итак, все наши знаки препинания возникли из потребности обозначить членение речи. Они необходимы там, где лексические значения, грамматические формы и порядок слов не могут точно выразить смысл. Они организуют синтаксическую конструкцию так, как это делает интонация в устной речи. Всем этим параметрам отвечает употребление смайликов. Следующее высказывание весьма типично для наших информантов: *Сама практически не ставлю пробелы после запятых и точек, и почти никогда не ставлю символ мягкого знака - берегу место для смайлов/скобочек* (27 лет, Москва).

С точки зрения культуры речи, главное, что смайлики в смс служат выражением дружелюбия. Несколько примитивизируя ситуацию, можно сказать: лучше старшеклассник поставит за день 20 смайликов, чем прочитает 20 строк в несущих примитив и агрессию журналах "Круто!", "МолотОК" и им подобных.

Следует учесть, что все наши наблюдения сделаны на русском материале, который значительно отличается от английского. Исследователи английского языка говорят о языке смс как об особом

"подъязыке", в котором тенденция к компрессии всепобеждающа. В русских смс этого не происходит как в силу русской ментальности, так и из-за лексико-грамматических особенностей русского языка. Так, русская языковая личность не хочет приносить в жертву компрессии суффиксы субъективной оценки - *котенок, книжечка, змееныш, жабкин, грязищщааа* (все примеры - из смсок, в последнем эмоционально-оценочный смысл усилен путем дублирования букв). Более того, если речь идет об смсках "тех, кому за двадцать", то отмечается стилистическая дифференциация внутри жанра. Вот три смски, полученные подряд одной из наших информанток:

1. Елена, вам удобно будет встретиться завтра в 13:30? ФИО. 2. Ни фсем :-) зануда :-) но я тибя фсе равно люблю :-) 3.Привет, дорогая. Ты наверное спишь после рабочей недели, звони как проснешься. Я в Москве.

Можно сказать, что они представляют: 1. - официально-деловой (высокий) стиль; 2. - разговорный (низкий); 3. - нейтральный (средний) стиль, "уложенные" в формат жанра. Русское языковое сознание традиционно выросло в парадигме трех стилей, эта парадигма переходит и в смс.

Итак, смс-сообщения, несмотря на необычность, ненормативность языкового облика, служат средством позитивной частной коммуникации. Чего же боле? Мы не можем считать исследованный нами материал полностью репрезентативным: в нем в основном представлены текстовые сообщения тех, кому за 20. Но представляется, что именно к такому языковому облику должны прийти смски современных тинэйджеров по мере взросления отправителей, ведь, например, исследования молодежного жаргона показывают, как уменьшается уже к первому курсу института количество жаргонных слов в речи молодежи и как происходит стандартизация этого языка - его подравнивание под средний уровень.

Мы не склонны также преувеличивать речетворческую активность авторов смсок. Понятно, что, даже если говорить об электронных жанрах, Интернет-дневник [Сидорова 2004] как самовыражение так называемых "наивных говорящих" в языковом

отношении стоит много выше, чем чат, icq, смс. Важно понять, что не смски выращивают глухое к лучшим качествам русской речи и неграмотное поколение, однако если протекающие в обществе и стимулируемые СМИ негативные процессы не будут остановлены, то через некоторое время смс, как и все другие жанры, отразят еще более удручающую картину, чем теперь.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М., 2005
2. Колесов В.В. Язык, стиль, норма.
3. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003
4. Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма. Омск, 1999
5. Сидорова М.Ю. Рефлексия "наивного" говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников) // Сибирский филологический журнал. 2004, № 1.
6. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л., 1983

Плунгян В.А.

Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов

(Материал с сайта: http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/).

Мы публикуем полную стенограмму лекции, прочитанной известным российским лингвистом, доктором филологических наук, членом-корреспондентом РАН, завсектором типологии и ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН, заведующим сектором корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН, профессором МГУ ***Владимиром Александровичем Плунгяном*** *1 октября 2009 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».*

Текст лекции

То, что я сегодня собираюсь рассказывать, относится сугубо к сфере компетенции лингвистики. Ничего сенсационного, что могло бы

перевернуть жизнь каждого присутствующего, я рассказать не намерен, но для самой лингвистики это очень важно.

В истории всяких наук бывают такие события, о которых полезно знать не только представителям этой науки. Разумеется, внутри науки мы следим за тем, что происходит, что-то нас волнует больше, что-то меньше, мы откликаемся на статьи своих коллег, это всё внутреннее дело тысячи, может быть, нескольких тысяч человек, не более того, но всё-таки иногда происходит нечто, о чем бывает полезно сообщить более широкому кругу. Что-то из этого может проникнуть в школьные учебники лет через сто, обычно школьные учебники лет на сто отстают от фронта науки, как известно, что-то - в вузовские постепенно.

Появление корпусов – на мой взгляд, это одно из таких событий. Человек образованный знает, например, слово «словарь». Слово «словарь» ведь всем известно, даже неспециалистам по языку, теперь такой человек должен знать слово «корпус». Знать, что это такое, для чего это нужно, почему это важно. Вот сегодня у вас будет возможность узнать о том, что такое корпус, и почему важно это знать. Почему это важно для лингвистики. Люди, настроенные романтически, даже могли бы сказать, что в лингвистике произошла корпусная революция. После появления корпусов эта наука стала совсем другая. Мы можем этот пафос немного убрать, чуть-чуть снизить градус, но степень значимости всё-таки примерно такая.

Я кратко расскажу о том, что такое корпус, немного о создании корпуса, расскажу, какие в принципе бывают корпуса, чтобы ввести в предмет, и закончу ответом на поставленный в заглавии вопрос, как существование этого инструмента изменило науку о языке – или изменит науку о языке, или изменяет, можно в любом времени говорить.

Итак, что такое корпус? Корпус – это очень простая, может быть, даже бесхитростная вещь. Это собрание текстов, существующих на некотором языке в электронной форме, прежде всего. То, с чем в повседневной жизни каждый из нас сталкивается. Строго говоря, то, что я сейчас обозначил, это еще не совсем корпус, это протокорпус. Собрание текстов в электронной форме само по себе лучше называть другим словом. Словом «корпус» его иногда называли, называют иногда и сейчас, но лучше это назвать электронной библиотекой. Это правильное название для любого количества текстов, большого или маленького, в электронном виде. Электронные библиотеки известны всем – например, знаменитая библиотека Мошкова, – но любой человек

может собрать собственную электронную библиотеку. Электронные библиотеки обычно используются для того, чтобы эти тексты *читать*, как тексты любой библиотеки. Корпус для этого не используется.

Тексты, входящие в корпус, не предназначены для чтения. Их можно читать, но корпус создается не ради этого. Корпус создается для того, чтобы эти тексты изучать, но для этого с ними надо провести некоторые операции. Их надо специальным образом обработать, внести туда некоторую информацию. Эта информация обычно на техническом языке, в корпусной лингвистике называется *разметка*, или *аннотация*. Собрание текстов в электронном виде, сопровожденное разметкой, называется корпусом, независимо от его объема.

Что за информацию мы можем вносить в тексты? Любую информацию о тексте, которая нам будет интересна с той точки зрения, с которой мы эти тексты намереваемся изучать. Порой мы можем изучать тексты исключительно с точки зрения хронологии их появления. В этом случае мы должны приписать каждому тексту дату его создания – той степени точности, которая нас устраивает. Это будет корпус, хронологически размеченный. И тогда мы можем изучать статистику, любые характеристики текста в зависимости от даты создания. Если дата создания не известна, то такая задача теряет смысл. Это такой простой, маленький пример, а вообще информацию можно вносить любую, как о самом тексте, так и об авторе, все характеристики автора (даты жизни, пол, возраст, место рождения) и многое, многое другое, всё, что может прийти в голову. Не только дату создания текста, но и место создания, объем текста, количество слов, опять-таки – всё, что мы захотим изучать, и всю информацию о словах этого текста, плюс то, что называется грамматической информацией.

Каким образом это делается, я сейчас говорить не буду, есть разные процедуры, есть автоматические, есть полуавтоматические, это некоторая техническая задача. Обработка текста может быть достаточно трудоемкой, может быть относительно простой, но после того, как эти тексты мы обработали, снабдили их нужной нам информацией, у нас получается корпус. Это собрание текстов в электронной форме, в котором мы можем искать то, что нам нужно. Мы можем искать тексты о спорте, созданные женщинами между 1983 и 1993 годами. Если, конечно, нам такая странная задача придет в голову, то сможем. В этих текстах мы можем искать все формы прошедшего времени глаголов. Мы можем написать исследование об особенностях употребления прошедшего времени у глагола женщинами, авторами спортивных текстов. Я намеренно привел

странный пример, хотя любая задача легитимна. Если вы докажете, что именно у этой группы авторов есть особенности, то будет очень интересное лингвистическое наблюдение. На этом примере понятно, какого рода задача может ставиться. Вообще говоря, это задача вполне традиционная. Люди, изучавшие язык, изучали его именно с этой точки зрения, исследуя особенность употребления слов в разных текстах. Собственно, наука о языке ровно это и делает. Но легко видеть, что даже для традиционных задач, то есть для того, чем лингвисты всю жизнь занимались, корпус предоставляет совершенно ни с чем не сравнимые технические возможности.

Как работал лингвист раньше? В докорпусную, докомпьютерную эпоху? Это почти синонимы. Появление корпуса, появление Интернета, появление персональных компьютеров – это почти одновременное событие. Может быть, кто-то знает или помнит, я еще вполне хорошо помню эти времена. Поскольку основной наш объект – это тексты, никаким другим образом изучать язык мы не можем, об этом я поговорю чуть подробнее чуть позже, потому что это имеет непосредственное отношение к нашей теме. Так вот, если я намерен изучить, например, прошедшее время, я должен найти как можно больше текстов, где есть как можно больше примеров прошедшего времени, и их проанализировать. Как это делали лингвисты в докорпусную эпоху? Открывали книгу, находили, прочитывали, находили форму, выписывали ее, одну, другую, третью, сотую, на это уходило много дней, недель, месяцев. Иногда даже лет, иногда можно было услышать рассказ о таких подвижниках от науки, о человеке, который всю жизнь что-то откуда-то выписывал – и ему был почет, уважение коллег. Даже если он ничего потом с этим не сделал, он уже оставил человечеству много сотен карточек, на которых было его рукой что-то написано.

В корпусе такая задача решается за секунды, если он у нас, конечно, правильно размечен. Например, формы прошедшего времени, если придерживаться этого примера, в действительно существующих корпусах. За секунды можно найти десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч примеров, настолько много, что даже не очень понятно исследователям становится, что же делать с таким богатством. То есть для традиционных задач лингвисты получили в свое распоряжение очень мощный современный инструмент, типа передвижения на самолете по сравнению с передвижением пешком. Корпус – это все-таки инструмент. Только ли это инструмент – об этом чуть позже. Я думаю, примерно понятно, что такое корпус, это вещь простая, скажу несколько слов о том, как появились корпуса и какие сейчас есть.

Первые корпуса появились в Америке, что неудивительно, в шестидесятые годы, на самой заре компьютерной эры. Так называемый брауновский корпус считается первым. Они выглядели с современной точки зрения довольно странно, это были небольшие фрагменты текстов, незаконченные, но одинаковой длины. Нарезанные на кусочки фрагменты английских текстов. Позже появился ряд других корпусов, это были корпуса английского языка, и, как ни странно, теоретическая лингвистика особенно этим не интересовалась, даже не очень знала об их существовании. Использовались эти корпуса для очень специальных прикладных задач. Вот такая странная игрушка, удел очень уж больших любителей компьютеров. Так было примерно до конца 80-х – начала 90-х годов, когда всё-таки положение стало меняться, и лингвисты стали понимать, что корпус – это такой колоссальный, но неожиданный им подарок, потому что появление компьютера и возникновение Интернета диктовалось совершенно другими потребностями человечества.

Можно спорить о том, что принес Интернет, что это, благо или зло, как всякое изобретение человечества, но лингвисты колоссально выиграли от этого появления. Они на это не рассчитывали, они этого не ожидали и некоторые из них до сих пор не готовы к этому подарку и даже пытаются от него отказаться. Тем не менее, когда это было осознано, стали появляться большие корпуса многих языков. Большой корпус принято называть национальным корпусом. Есть национальный корпус русского языка, например. Но почему национальный? Этот термин звучит немного странно, национальный корпус – с точки зрения неподготовленного человека заставляет думать о каких-то армейских соединениях. Термин восходит к английскому языку, первым был британский национальный корпус, созданный в начале 90-х годов. Британский национальный, чтобы отличить его от американского варианта английского языка. Здесь прилагательное имеет вполне четкую дифференцирующую функцию. «Наш британский» то есть не путать, например, с канадским, с австралийским. Он и сейчас существует, доступен в Интернете, и считается образцовым корпусом, хотя уже немножко устаревшим по современным меркам. Британский корпус стал эталоном корпуса в 90-е годы, поэтому национальным корпусом стали называть всякий большой корпус данного языка. То есть корпус, который данный язык представляет некоторым исчерпывающим образом.

Что для этого нужно? Корпус должен быть большим. Отражать если не все тексты, написанные на данном языке, хотя такую задачу тоже можно поставить, но наиболее важные, наиболее

представительные, пропорционально устроенные. Скажем, корпуса современных языков должны изучать не только художественную литературу, но и газетные тексты, блоги и т.д.

Для хранения, разметки и обработки подобных массивов информации необходимо все передовые технологии ставить ему на службу. Помимо всего прочего, корпус – это довольно затратное, трудоемкое предприятие. Прозаически - нужно довольно много денег, чтобы создать корпус, и довольно много усилий – и программистов, и лингвистов и других специалистов. Некоторые страны охотно идут на такие жертвы, некоторые другие – не очень. В частности, в Германии, конечно, интерес к немецкому языку велик, исследований много, но до недавнего времени такое предприятие, как корпус, не могло найти большой поддержки, всё общегерманское не очень приветствовалось. Это особенно заметно в послевоенной истории Германии. Баварский корпус – сколько угодно, или северно-немецкий, а «немецкий национальный корпус» – такое в контексте немецких реалий не прозвучало бы. В принципе, такие работы ведутся в институте немецкого языка в Мангейме, сейчас можно даже в Интернете что-то найти, но это появилось совсем недавно.

Во Франции есть хорошие специалисты по корпусной лингвистике, но вот такого общедоступного национального корпуса нет. Но вообще довольно много языков имеют более или менее хорошие корпуса. Из славянских стран Чехия долгое время была бесспорным лидером, никто даже не пытался конкурировать, но сейчас последние лет пять-семь – бум славянской корпусной лингвистики, создана даже Ассоциация славянской корпусной лингвистики, существует вот и национальный корпус русского языка. Мы долгое время отставали, даже позорно отставали, но теперь корпус есть, он, кстати, один из лучших в мире по стандартам, и он доступен в Интернете, им несложно пользоваться.

Теперь давайте попробуем ответить на главный вопрос, что нам это дало. Корпус – это не просто инструмент, это больше, чем инструмент, потому что использование этого инструмента очень сильно меняет наше представление о языке. Прежде всего, помимо традиционных задач науки о языке, корпус дает возможность ставить и решать совершенно новые задачи, которые в докорпусную эпоху если и приходили в голову лингвистам, то просто отбрасывались за неисполнимостью. Это, прежде всего, задачи, связанные с обследованием больших массивов текста – всё, что раньше было

сверхтрудоемко или зависело от случая, сейчас может быть свободно исследовано.

Когда и как слова входят в язык? В какой момент истории языка мы начинаем фиксировать данное слово, или данную конструкцию, или данное значение? Это, конечно, до корпуса изучалось, но во многом тут полагались на волю случая. А вдруг лингвист не нашел такого текста, где как раз нужное ему употребление и есть, как узнать? Если корпус наш хороший и полный, не найти там нужного примера мы не можем, значит, вся динамика языковых изменений у нас как на ладони, особенно если в корпус включены тексты за достаточно большой период, скажем, за несколько столетий, такое вполне можно сделать, такие корпуса существуют. Для языка это не такой большой срок, но все-таки изменения происходят.

Или, скажем, тексты, созданные в разных регионах бытования языка. Их очень важно сравнить на предмет особенностей. То, что раньше было предметом огромной технической работы, сейчас делается простым нажатием кнопки. Мы можем узнать о языке гораздо больше, чем раньше. Здесь начинается самое интересное, такой парадокс внутреннего развития лингвистики. Можем мы узнать многое, мы, лингвисты, а вот хотим ли мы это знать? Оказывается, что не всегда и не все лингвисты этого хотели, это очень интересный факт. Огромный массив данных, которые буквально хлынули на нас, во многом может заставить пересмотреть существующие представления о языке, о том, что это такое, как он существует, как он изменяется. Понятно, что это не всем может понравиться, у всех представлений могут быть авторы, эти авторы как-то существуют в науке, а тут появляется вдруг какой-то корпус, из которого следует, что всё не так, что нужны новые идеи, новые теории. Лучше уж мы будем как раньше, психологически это вполне понятно.

Чуть более специальные вещи я хочу рассказать. Мне придется немножко углубиться в философию современной лингвистики, в то, как в двадцатом веке разные теории языка понимали язык, что это такое. Я постараюсь, чтобы это было не очень сложно, кроме того, я думаю, многое из того, что я буду говорить, люди, следившие за историей идей двадцатого века, в том или ином отношении знают.

Вообще-то теоретическая лингвистика, изучение языка как самодостаточного феномена – что это такое, каким образом человек им пользуется, – это наука очень молодая, может быть, одна из самых молодых гуманитарных наук. Тут было сказано, что это такая

образцовая наука двадцатого – двадцать первого века, это мне очень приятно слышать, лингвисты очень любят цитировать Леви-Стросса, который назвал лингвистику **science**-pilote, пролагательницей путей гуманитарных наук, и лингвисты никогда не отказываются от этого. Но, тем не менее, сама лингвистика почти что в двадцатом веке и возникла как теоретическая дисциплина. Почему это так, почему человечеству прежде не нужно было этого знать – это отдельный вопрос, пока я не буду на него отвечать. А в двадцатом веке лингвистика возникла на волне течения не чисто лингвистического, хотя лингвистика в нем сыграла очень большую роль, а общегуманитарного, такого философско-гуманитарного течения, которое называется структурализм.

Первая научная лингвистика, которая возникла, была структурной лингвистикой. Она очень сильно повлияла на структурализм в гуманитарных науках в других областях, в изучении литературы, этнографии, практически везде. Есть Фердинанд де Соссюр, основатель современной лингвистики, есть европейские, американские школы структурализма, которые вслед за ним возникли. Структурализм в языкознании господствовал примерно до конца 50-х годов, когда стал медленно сходить со сцены, уступая место другим направлениям. В каком-то смысле и до сих пор существует идеология структурализма. Она не центральная, это уже критикуемая область, но она есть.

Почему это важно для того, о чем мы говорим? Структурализм сделал лингвистику наукой во многих отношениях: точная, с определенным предметом, с какими-то исходными зафиксированными положениями, с понятными задачами. В общем, многое из того, что требуется науке, и чем лингвистика не располагала или располагала в очень малой степени, появилось благодаря структурализму. Это колоссальный прогресс, почти равный созданию науки «на пустом месте». Но это произошло ценой многих жертв и потерь.

Какую главную цену заплатил структурализм за то, что он создал науку о языке? Структурализм понимал язык довольно упрощенно и, грубо говоря, структурализм велел лингвистам заниматься очень ограниченным кругом задач: «Вот это вот ваше, а всем остальным интересоваться не надо». Структурализм провел очень жесткие границы: это лингвистика, а это не лингвистика, это наука, а это не наука, этим заниматься надо, а этим заниматься не надо.

Первым это сделал Соссюр, филологам известно, он поделил науку о языке на язык и речь, на синхронию и диахронию, на систему и

норму, как потом говорили. И велел лингвистам заниматься языком, системой, нормой, синхронией, и больше ничем. То есть язык понимался как нечто неизменное, существующее в головах всего социума в совершенно одинаковом виде, некоторое такое абстрактное знание, которое позволяет людям порождать тексты, говорить. Мы наблюдаем тексты, но изучаем то, как они сделаны, это мы и называем языком. То, как сделаны тексты, мы называем языком. Но структурализм объяснил нам, что не тексты главное, а вот этот самый язык, которого никто не видел, он не доступен, его нельзя ни потрогать, ни увидеть, это что-то, что содержится у нас в голове и позволяет нам порождать тексты.

Лингвистика находится в парадоксальной ситуации, никакая другая наука в такой ситуации не находится. Всякая наука имеет свой объект, который она может предъявить. Биология может предъявить живые экземпляры, их можно поймать, разрезать, даже ископаемых животных мы находим и видим, что они существовали. Химия, физика, даже астрономия имеет дело с объектами, доступными для наблюдения в той или иной степени, а лингвистика нет. Объект лингвистики, тот объект, который нам велели считать главным наши классики, нематериален, недоступен. Мы должны о нем всё знать, но доступа к нему у нас нет, у нас есть доступ к текстам. Мы должны, изучая тексты, понять, как они сделаны. Это примерно такой степени сложности задача, как если бы представить, что вы сидите где-нибудь в запертой комнате, вам приносят современный компьютер и говорят: «Разбери его на части, можешь делать с ним, что хочешь, только не общайся ни с кем, а потом напиши инструкцию, как собирать компьютеры».

Язык гораздо сложнее современных компьютеров, и вот примерно такая задача перед нами стоит. Вот тексты, сколько угодно их разбирайте, изучайте и напишите грамматику языка. Грамматика – это такая инструкция, как сочинять тексты. Хорошо ли лингвистика с этим справляется, вы можете судить сами по тем грамматикам, которые вам известны. Видимо, всё-таки нет ни одной грамматики, прочтя которую мы свободно заговорим на интересующем нас языке. Мы надеемся, что наши грамматики с каждым годом будут становиться немного лучше, но от конечной цели мы далеки. Далеки по разным причинам. Конечно, объект чудовищно сложен. Язык – сверхсложный объект, но, отчасти, потому что наши теории языка не во всём хороши. В частности, у структуралистских теорий языка было тоже много недостатков, как теперь ясно. Они слишком много запрещали, слишком многое объявляли вне интересов науки о языке.

И вот здесь такой парадоксальный факт. Располагаем мы текстами. Всё, что мы знаем, лингвисты получали из текстов, но лингвисты их не любили, считали, что лучше бы без них, если б язык был материальным, было бы лучше всего. Но раз уж так, поневоле будем заниматься текстами, но при первой возможности мы от них абстрагируемся. Идеология структурализма, очень упрощено, именно такая. Это конечно, не очень хорошо, неправильно. Такая была не только идеология структурализма, но и многих теорий, которые ему непосредственно следовали.

Главный идейный противник структурализма, генеративная лингвистика, лингвистика Хомского, одна из самых популярных сейчас лингвистических теорий, в этом отношении почти ничем от своего смертельного врага не отличается. Хомский не говорит «язык и тексты» или «язык и речь», как говорил Соссюр, он говорит «компетенция и употребление», разные другие употребляет слова, но суть не в этом, а в том, что главное у человека в голове, а тексты – такая же досадная помеха на пути к этой задаче – немедленно постичь устройство человеческих голов. При этом Хомский, в общем-то, так же, как и структуралисты, считает, что во всех головах язык один и тот же, что это такая абстрактная сущность, которая никогда не меняется, не подвержена никакой вариативности, готовые, чеканные правила грамматики, отлитые из бронзы – вот это и есть язык. Такого языка никто не видел, и вряд ли он, конечно, существует. Лингвисты стали слишком много думать о том, чего они наблюдать не могут, и о том, о чем судить они непосредственно не могут, и слишком мало внимания уделяли тому, что у них, так сказать, под ногами. Это привело к тому, что лингвисты мало знали о языке, мало и плохо описывали его свойства, если говорить самокритично.

Корпус в этом отношении произвел колоссальную революцию. Корпус вернул лингвистике ее, может быть, настоящий, полноправный объект. Что такое язык – неизвестно точно. Существует он или нет – неизвестно, может быть существует, но тексты – вот они, их надо изучать. И теперь, благодаря корпусу, это очень легко делать. Теперь уже нельзя сказать: «Конечно, тексты – это очень хорошо и правильно, но у меня вся жизнь уйдет на то, чтобы выписывать, как изменялись формы переходных глаголов в этом языке. Я столько карточек, сколько мне нужно, за всю жизнь не соберу, давайте, я лучше что-нибудь другое сделаю». Теперь так сказать нельзя. Корпус есть, только лень или косность человеческая может помешать им воспользоваться.

Поэтому корпусная лингвистика в узком смысле – это всего лишь наука о том, как создавать корпуса и как ими пользоваться, но она претендует на гораздо большее, на роль новой идеологии науки о языке. Корпус позволяет нам понять, каков язык на самом деле, а не каким мы хотим, чтоб он был. Мы говорим о более сложном и неудобном объекте изучения, но и гораздо более интересном.

Дело в том, что раньше лингвисты не очень любили рассуждать, что в языке бывает, они больше любили рассуждать о том, чего в языке не может быть. Это тоже наследие структурализма и, в особенности, лингвистики Хомского. Хомский особенно любил настаивать на том, что главное для лингвистики – это отрицательный языковой материал, это считалось большим шагом вперед в лингвистической науке. Кто читал лингвистические работы, наверняка помнит, что там есть примеры под звездочкой. Звездочка в начале предложения ставится, если так, с точки зрения автора, сказать нельзя. Положительный материал никто не ценит, его везде много, а вот если мы поймем, как нельзя сказать, то наши грамматические правила будут более точными и полными, потому что они будут объяснять эту невозможность.

Известная логика в этом есть, но логика опасная, даже лукавая. Что значит - так можно или так нельзя сказать? Можно сказать – это значит, так говорят, а нельзя сказать – так не говорят, но как это проверить? Может быть, так можно сказать, но никто так не говорит, или так сказать нельзя, а все говорят. Между возможным и действительным есть некоторая разница. Если начать про это думать, получаются довольно болезненные парадоксы, из которых очень непросто выбраться. Авторы теорий обычно не утруждали себя проникновением во все глубины, они решали вопрос очень просто – если мне кажется, что так сказать можно, значит, можно, а если нельзя – я смело ставлю звездочку. В эпоху господства звездочек такой обычный эпизод на конференции по лингвистике – выходит докладчик к доске, пишет предложение, ставит звездочку, а из зала моментально начинают раздаваться возмущенные голоса: «Нет, так можно сказать!» – и дальше много минут или часов обсуждений. А если я автор теории и мне очень хочется, чтоб так нельзя было сказать, или, наоборот, можно, то легко догадаться, что степень, так сказать, внутренней коррупции здесь очень велика.

Корпус позволяет немножко по-другому подойти к этой проблеме. Есть национальный корпус, мы согласились считать его авторитетным источником. Мы, конечно, можем сказать: «ваш национальный корпус никуда не годится, и русский язык в моем представлении – это другой

русский язык», но тогда это будет язык без Пушкина, без Гоголя, без Достоевского, без Набокова, без газеты «Известия», без газеты «Завтра», без дневника школьницы Маши 1983-го года. Всё это есть в корпусе; если вас это не устраивает, значит, ваш русский язык какой-то другой. Если вы убедите человечество в том, что ваш язык лучше, что ж, хорошо, но всё-таки вряд ли это вам удастся. Если в таком огромном национальном корпусе это явление есть, значит, так говорят, а если его нет, что делать? Наш оппонент может сказать: «ну и что, что нет, я могу так сказать, просто ни Достоевскому, ни школьнице Маше почему-то не понадобилось это сказать, а вообще-то по-русски так сказать можно. И вообще, язык нам дан для того, чтобы выражать свои мысли, а мало ли, какие мысли нам придут в голову, количество мыслей бесконечно. Ну, не приходило никому еще в голову таких мыслей, что же, вы отказываетесь их изучать, из-за того, что в вашем корпусе нет такой конструкции?»

Тут какой-нибудь застенчивый лингвист сказал бы: «Ну, как же, не отказываемся», – а корпусная лингвистика говорит довольно твердо: «Да, отказываемся. Сейчас, на данном этапе, если в корпусе из сотен миллионов слов, насчитывающем два-три столетия существования языка, такого не возникло, мы этого изучать не будем. По крайней мере, пусть это явление встает в очередь и скромно дожидается, пока мы изучим то, что в корпусе встречается сотни миллионов раз, миллионы раз, сотни тысяч и тысячи раз. Потом займемся тем, что там встречается единицы раз, а уж потом дойдем до таких потенциальных явлений. И мы будем понимать язык не хуже, а лучше, чем те люди, которые хотят изучать только то, что, может быть, в языке есть, но ни разу не засвидетельствовано».

Это очень глубокое идеологическое разногласие между лингвистикой 60-х, 70-х, 80-х годов, в том числе лингвистикой Хомского, и современной корпусной лингвистикой, ориентированной на текст. Это совершенно разные представления о языке. Раннее, романтическое представление говорило о том, что язык – это такая сверхмощная машина, которая пригодна для всего, любую мысль может выразить и ей совершенно всё равно, какую. Нынешнее представление новой лингвистики немного скромнее оценивает язык. Новая лингвистика говорит, что язык, конечно, прекрасный инструмент, но не всемогущий, и у каждого языка есть свои ограничения.

Язык же обслуживает не отдельного человека, а говорящее на нем общество в целом, и всем в равной степени угодить нельзя. Язык

обслуживает, в первую очередь, те потребности, которые в данном обществе наиболее массовые. Есть вещи, о которых мы говорим каждый день и по многу сотен раз, и вот для этого-то наш язык и пригоден лучше всего. Мы это делаем, не задумываясь, это клише, которые мы воспроизводим. Есть какие-то вещи, которые мы говорим реже, но всё равно говорим, и это в языке тоже есть.

На самом деле, язык – это не всемогущий инструмент, который по первому требованию говорящего выполняет его прихоти, а скорее – система клише, шаблонов, которые помогают нам делать то, что каждый из нас много раз делает и делал, это очень хорошо видно с помощью корпусов. Эта мысль не абсолютно новая, она возникала в науке о языке, но всегда была маргинальной. Людей, которые это говорили, не очень слушали. Изучение текстов, которое благодаря корпусам стало доступно, показывает, что слушать их было надо. Тексты разнообразны. Они постоянно нарушают нормы, которые нам бы хотелось считать нормами грамматики. Оказывается, что люди могут сказать и так, и эдак, и всё это прекрасно существует в языке, просто мы этого не видели или не хотели замечать. Жесткость правил очень сильно размывается.

А с другой стороны видно, что эти правила, даже размытые, существуют только для самых ярких областей, наряду с которыми есть и теневые зоны. Бывают вещи, которые сказать трудно, может быть, даже невозможно, но на то и существуют различия между человеческими языками, в противном случае, мы все бы говорили на одном, но мы всё-таки отличаемся друг от друга. Отличия эти в языках закреплены и каждый из опыта знает: что хорошо и легко сказать по-английски, бывает очень трудно сказать по-французски – и наоборот. Это вещь очень тривиальная, и переводчики и просто люди, имеющие опыт двуязычного существования, это прекрасно понимают. Это должно отражаться на нашем знании о языке, в грамматиках.

Язык может быть далеко не так совершенен, как хотелось бы думать, но зато это довольно разнообразный и гибкий инструмент, и теперь корпус дает нам возможность проверить, что в языке действительно есть, а чего в языке, или, по крайней мере, в корпусе нет. И именно поэтому мы ожидаем, что появление корпусов для теоретической лингвистики откроет новые горизонты. Новые теории языка, связанные с корпусом неразрывно, уже появляются, они называются «текстовые модели языка», модели, ориентированные на узус. Такого устоявшегося названия нет, но существенно, что акцент перемещен с языка на тексты, на реальность.

До сих пор я много говорил, чем корпус полезен теоретической лингвистике, отчасти отражая свой собственный интерес. Мне интересна теоретическая лингвистика; может быть, многие, кто занимается теорией языка, не очень хорошо осознают, что эта корпусная революция имеет отношение к теории языка. Но сказанное не значит, что для других областей корпус не нужен. Напротив, корпус очень активно используется, востребован даже скорее в прикладных областях, например в преподавании языка. В обучении языку – и как родному, и как иностранному.

Обучение языку с помощью корпуса – огромная область современной лингвистики, журналы выходят, конференции проводятся. Практики очень быстро оценили корпус как совершенно незаменимый инструмент. Все знают, что есть две вещи, нужные, чтобы овладеть языком, это словарь и грамматика, они нужны и теоретику, и практику. Так вот, если в результате моей лекции вы ничего не поймете и не запомните, это совершенно не страшно. Запомните единственное: теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, бесполезны вне этого живого пространства, где язык, собственно, и функционирует.

Более того, и словари и грамматики теперь нужны не традиционные, а нового поколения, то есть не просто словари и грамматики, а словари такого-то корпуса и грамматики такого-то корпуса, что сразу дает нам возможность их проверить – а как проверить было раньше, права эта грамматика, или нет?

Теперь можно проверить. По крайней мере, относительно данного корпуса грамматика или верна, или неверна. Теперь есть три главных результата деятельности науки о языке. Со словарями и грамматиками, я надеюсь, вы умеете обращаться, начните разбираться, как устроен национальный корпус русского языка, чешского, английского, японского, какого угодно, какой вам больше нравится, и привыкайте им пользоваться. В преподавании русского языка корпус довольно активно используется, надо кратко сказать, чем он полезен. Многие преподаватели русского языка за это сразу ухватились.

Дело в том, что преподавание русского языка устроено довольно консервативно. Отдельно существует теория языка, отдельно учебники, особенно школьные, иногда можно даже сказать, что они к науке о языке никакого отношения не имеют. Само обучение русскому языку воспринимается исключительно как обучение правильно писать.

Обучения науке о языке в школе не происходит. Но даже в этом случае учащимся сообщают огромное количество сведений, многие из которых совершенно бесполезны, и заставляют иметь дело с какими-то примерами. Не знаю, давно ли вы открывали школьные учебники, но примеры, которые в них содержатся, весьма своеобразны. Конечно, там содержатся примеры из русской классики, и это хорошо, но нельзя забывать, что русский язык девятнадцатого века – это не современный язык. Это язык, который во многих отношениях отличается от языка, на котором мы с вами говорим. Хорошо это или плохо – вопрос отдельный, но это факт. Это происходит с любым языком, и отличия до такой степени сильны, что многие места из классики современный ребенок уже не понимает. Это опять-таки специалистам хорошо известно.

Почему нельзя поменять примеры в школьных учебниках? Это было, может быть, сложно сделать раньше, но с корпусом это сделать крайне просто. На любое слово, конструкцию, явление, тысячи примеров найдутся за пять минут. Преподаватели этим, конечно, пользуются, потому что нужны примеры из современных газет, современной литературы, из разговорного языка. Вы даже не можете себе представить, насколько меняет уроки русского языка простой факт, что школьнику предлагаются предложения на том языке, которым он сам мог бы пользоваться. Эффект потрясающий. От мертвого языка мы переходим к преподаванию живого.

Кроме того, есть известная проблема нормы, рекомендаций. Русский язык относится к тем языкам, где существует норма, она разработана, но норма – это не факт языка, это не явление природы, норма придумана людьми, которые руководствуются какими-то соображениями. Норма должна быть, это удобно для общества, но это не очень естественно для языка. Язык, сейчас никто уже с этим спорить не будет, принципиально вне нормы. В языке существует много всего одновременно, а норма предписывает выбрать что-то одно, всё остальное предписывает преследовать как неправильное, стыдное, неграмотное. Язык как явление природы не может иметь норму. Вы не можете сказать: «дуб – это правильно, а рябина – это неправильно». Или «дуб вот такой толщины – это правильно, а дуб другой толщины – это уже какой-то неграмотный дуб». Человек в принципе не может сказать того, чего в языке нет. Если кто-то уже что-то сказал, значит, так его язык устроен, так говорить «можно» и наше дело это изучить. Но дело общества что-то одно запретить, что-то другое – выбрать. Как это делается, на что опираются творцы нормы,- вопрос отдельный. Но они это делают, и хорошо бы, если б они смотрели в корпус, потому

что при прочих равных условиях хорошо бы, чтобы норма приветствовала то, чего в языке много, то, как говорят большинство носителей. Если же мы обратимся ко многим нынешним рекомендациям, мы немедленно увидим, что часть из них нежизнеспособна. Корпус их не подтверждает и не поддерживает, от них вполне можно отказываться. Это немногие примеры, но я думаю, что вы легко дополните их другими.

Еще раз повторяю свою главную мысль: современная лингвистика – это лингвистика корпусов, корпуса существуют, они созданы, их будет еще больше. Национальный корпус русского языка существует, он открыт для использования, поэтому давайте помнить теперь, что это есть и, может быть, наша жизнь будет немножко лучше. Если мы – теоретики языка, наша жизнь будет гораздо лучше, если мы простые граждане – наша жизнь тоже немного улучшится. Ну вот, давайте закончим на этой мажорной ноте.

Часть 3.

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Тестовые задания позволяют проверить, насколько хорошо оказался усвоен материал, представленный для изучения в первых двух частях учебного пособия. Для освоения предлагаются как закрытые тестовые задания, предполагающие наличие готовых ответов, так и открытые тестовые задания, предполагающие отсутствие готовых ответов и рассчитанные на дополнение или свободное изложение.

Правильность выполнения заданий проверяется (по желанию обучающихся) на семинарских занятиях.

1.Какие новые термины, позволяющие оценить развитие научной мысли, вводит Т.С.Кун в работе «Структура научных революций»:

1) научная парадигма
2) научная теорема
3) научная революция

2. Какие новые (парадигмальные) черты современной лингвистики обнаруживает Е.С.Кубрякова в работе «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа)»:

1) экспланаторность
2) функционализм
3) антропоцентризм
4) формоцентризм
5) экспансионизм
6) облигаторность

3. Какая из указанных черт, по мнению В.Г.Гака, характеризует лингвистическую науку на современном этапе развития:

1) имперсональность
2) плюрализм

4. К какой из новых областей лингвистического знания относятся следующие направления: машинный перевод; системы поиска и классификации; лингвистическая компьютерная семантика; корпусная лингвистика:

1) когнитивная лингвистика
2) лингвокультурология
3) компьютерная лингвистика
4) лингвополитология

5. Основной принцип функциональной лингвистики:

1) теологичекий
2) телеологический
3) прагматический
4) парадигматический

6. Кому из перечисленных учёных-лингвистов принадлежит определение дискурса как «речи, присваиваемой говорящим»:

1) Ф. де Соссюр
2) Э.Бенвенист
3) Л.М.Макаров
4) Н.Д.Арутюнова

7. Какие из перечисленных терминов являются терминами когнитивной лингвистики:

1) фрейм
2) скрипт
3) сценарий
4) сюжет
5) концепт
6) гештальт

8. С точки зрения Н.Ф.Алефиренко, можно выделить четыре научные парадигмы, определившие собой основные этапы развития мировой лингвистической мысли:

1) элементно-таксономическая парадигма,
2) системно-структурная парадигма,
3) коммуникативно-прагматическая парадигма
4) _____ парадигма.

9. Тенденцию к расширению границ, образно говоря, “захватническую политику” языка называют _____.

10. Функциональный подход в целом противопоставляется _____подходу.

11. Какие ещё термины, кроме термина *научная парадигма*, используют для обозначения господствующего в ту или иную эпоху научного направления?

_____

12. По каким критериям (признакам) можно противопоставить дискурс тексту:

1) функциональность
2) процесс
3) продукт
4) актуальность
5) виртуальность

13. В работах какого исследователя речь идёт о том, что размежевание традиционных сфер знания в будущем будет происходить по проблемам:

1) С.Гроф
2) Т.Кун
3) В.В.Иванов

14. В.А. Плунгян считает, что лингвистика корпусов полезна для

1) теоретической лингвистики
2) _____

15. По мнению В.А.Плунгяна, для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи:

1) словарь,
2) грамматика и
3) _____

Милютина Марина Георгиевна

Актуальные проблемы современной лингвистики

Учебное пособие

Напечатано в авторской редакции с оригинал-макета заказчика
Подписано в печать . Формат 60x84 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. Уч.-изд. л.
Тираж экз. Заказ №
Типография Удмуртского государственного университета
426034, г.Ижевск, ул.Университетская, 1, корп. 2